

CONFERENCE / ARHEOLOŠKA KONFERENCIJA / ARHEOLOGICHESKAYA KONFERENCIJA / ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE

Slavs and their neighbors
in the 1st millennium AD

Славяне
и их соседи
в I тысячелетии н.э.

4-10 Oct. 2021, Novi Sad

4-10 окт. 2021, Нови-Сад

СЛОВЕНИ и њихови суседи у 1. миленијуму н.е.
Нови Сад, 4-10. октобар 2021.

CONFERENCE / ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE / ARHEOLOŠKA KONFERENCIJA / ARHEOLOGICAL CONFERENCE

МУЗЕЈ ВОЈВОДИНЕ
MUSEUM OF VOJVODINA

Словени и њихови суседи у 1. миленијуму н. е.
Славяне и их соседи в I тысячелетии н. э.
Slavs and their neighbors in the 1st millenium AD

Нови Сад, октобар 2021. г. - Нови-Сад, октябрь 2021. г. - Novi Sad, October 2021

Издавач – Издатель – Publisher: Музеј Војводине, Нови Сад
За издавача – Утврдила к печати – Approved for printing: Тијана Станковић Пештерац

Уредници: И.О. Гавритухин, С. Трифуновић, А.Г. Фурасјев, Ј. Шнејвајс
Редакторы: И.О. Гавритухин, С. Трифунович, А.Г. Фурасьев, Й. Шнеевайс
Editors: A.G. Furasyev, I.O. Gavritukhin, J. Schneeweiß, S. Trifunovich

Организациони комитет – Организационный комитет – Organizing Committee

Бојана Борић Брешкових, Народни музеј у Београду (Београд, Србија)
Marcin Wołoszyn, Instytut archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego (Rzeszów, Polska)
Євген Леонардович Гороховський (Київ, Україна)
Falko Daim, Universität Wien (Wien, Österreich)
Емина Зечевић, Народни музеј у Београду (Београд, Србија)
Christian Lübke, Leibniz-Institut für Geschichte und Kultur des östlichen Europa (Leipzig, Deutschland)
Николай Андреевич Макаров, Институт археологии РАН (Москва, Россия)
Тијана Станковић Пештерац, Музеј Војводине (Нови Сад, Србија)
Nad'a Profantová, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky (Praha, Česká republika)
Andrej Pleterski, Inštitut za arheologijo, Univerze v Ljubljani (Ljubljana, Slovenija)
Ioan Stanciu, Institutul de Arheologie și Istoria Artei Academia Română (Cluj-Napoca, România)

Одговорни секретар – Ответственный секретарь – Executive Secretary
Станко Трифуновић, Музеј Војводине (Нови Сад, Србија)

Координатори – Координаторы – Coordinators:

Игорь Олегович Гавритухин, Институт археологии РАН (Москва, Россия),
Jens Schneeweiß, Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie (ZBSA) /
Christian-Albrechts-Universität, Exzellenzcluster ROOTS (DFG under Germany's Excellence Strategy
– EXC-2150 – 390870439) (Schleswig / Kiel, Deutschland),
Алексей Геннадьевич Фурасьев, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

Припрема за штампу – Допечатная подготовка – Pre-press: Кристијан Релиф
Штампа – Типографија – Printing Press: Босић
Тираж – Тираж – Number of Copies: 300

ISBN 978-86-81086-73-5

Реализацију Конференције и штампање пве публикације омогућили су:
Покрајински Секретаријат за културу јавно информисање и односе с верским заједницама АП Војводине и
Министарство културе и информисања Републике Србије

Проведение конференцији и издание сборника тезисов стали возможным благодаря:
Областному секретариату по культуре, общественной информации и связям с религиозными общинами
АК Воеводина и Министерству культуры и информации Республики Сербия

The realization of the Conference and the printing of the abstract book were made possible by:
Provincial Secretariat for Culture, Public Information and Relations with Religious Communities of AP Vojvodina
and Ministry of Culture and Information of the Republic of Serbia

Программа

Програм

Садржај / Оглавление / Contents

Пленарни реферати. Археологија Српског Подунавља /
Пленарные доклады. Археология Сербского Подунавья /
Plenary papers. Archeology of the Serbian Danube region

М. Туковић. Протоисторијски период српског дела Подунавља / М. Чукович.
Протоисторический период сербского Подунавья / М. Ćuković. The Serbian
part of the Danube region in the protohistoric period

С. Трифуновић, В. Ђорђевић. Археолошко-историјска слика српског
Подунавља од Августа до Атиле / С. Трифунович, В. Джорджевич.
Историко-археологическая ситуация в сербском Подунавье от Августа до
Аттилы / S. Trifunovic, V. Djordjevic. The archaeological–historical situation in
the Serbian Danube region, from Augustus to Attila

Ј. Ђорђевић, И. Пашић. Археолошко-историјска слика српског Подунавља
и Потисја од 5. до 9. века н.е. / Е. Джорджевич, И. Пашич. Историко-
археологическая ситуация в сербском Подунавье и Потисье в V–IX веках /
J. Djordjevic, I. Pašić. The archaeological–historical situation in the Serbian
Danube and Tisa regions from the 5th to the 9th centuries AD

В. Ђорђевић, Е. Зечевић, В. Мијатовић. Археолошко-историјска слика
српског Подунавља од почетка 9. до почетка 11. Века / В. Джорджевич,
Э. Зечевич, В. Миятович. Историко-археологическая ситуация в сербском
Подунавье с начала IX до начала XI века / V. Djordjevic, E. Zečević, V.
Mijatović. The archaeological-historical situation in the Serbian Danube region
from the beginning of the 9th to the beginning of the 11th centuries

Секција 1-1. Привреда Словена у 1. миленијуму н.е. /
Секция 1-1. Хозяйство славян в 1 тысячелетии н.э. /
Section 1-1. The economy of the Slavs in the 1st millennium AD

В.Е. Родинкова, Е.В. Пономаренко, Е.Г. Ершова, С.А. Сычева, Л.С.
Шумиловских. Ранние славяне Днепровского лесостепного Левобережья:
характер земледелия и взаимодействие с природной средой / V. Rodinkova, E.
Ponomarenko, E. Ershova, S. Sycheva, L. Shumilovskikh. The early Slavs in the
forest-steppe zone of the Dnieper Left Bank region: the nature of agriculture and
human-environment interaction

Е.А. Шинаков, А.А. Чубур, В.Н. Гурьянов. Влияние природной среды на
хозяйственные и этнические процессы в восточнославянском ареале (на
примере Среднего Подесенья) / E. Shinakov, A. Chubur, V. Guryanov. The
impact of the natural environment on economic and ethnic processes in the East
Slavic area, based on the example of the Middle Desna region

Л. Михайлина, С. Пивоваров, С. Горбаненко. Сільське господарство мешканців ревніянської агломерації (остання чверть I тис. н.е.) / L. Mykhailyna, S. Pyvovarov, S. Gorbanenko. Agriculture of the inhabitants of the Revne settlement cluster (last quarter of the 1st millennium AD)

Л.А. Вязов, Е.В. Пономаренко, Ю.А. Салова, Е.Г., М.С. Блинные. Подсежное земледелие на восточной периферии раннеславянского мира: система землепользования в Среднем Поволжье во второй-третьей четвертях I тыс. н.э. / L. Vyazov, E. Ponomarenko, Yu. Salova, E. Ershova, M. Blinnikov. Swidden agriculture at the eastern periphery of the Early Slavic oikumene: a land-use system in the Mid-Volga region during the second and the third quarters of the first millennium CE

В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова. Восточнославянская модель железообрабатывающего ремесла (вторая половина I тыс. н.э.) / V. Zavyalov, N. Terekhova. The Eastern Slavic blacksmithing model (second half of the 1st millennium AD)

В.Л. Щербаков. Восточнославянское влияние на производственную культуру средневекового населения Костромского Поволжья (по материалам кузнечного ремесла) / V. Shcherbakov. East Slavic influence on the production culture of the medieval population of the Kostroma Volga region (based on blacksmithing materials)

Б.Е. Янишевский. Линейный и волнистый орнамент на славянской керамике, его происхождение и распространение / B. Yanishevskiy. The linear and wavy ornamentation on Slavic pottery, its origin and distribution

Секција 1-2. Словенско паганство /

Секција 1-2. Славянское язычество /

Section 1-2. Slavic paganism

Д. Николић. Глинени „хлебови” на простору јужне Паноније и Централног Балкана током 6-7 века / D. Nikolić. Clay “breads” of the 6th–7th centuries in Lower Pannonia and the Central Balkans

О.А. Щеглова. «Возвращение» Велестинского клада. К 100-летию обнаружения комплекса / O. Shcheglova. The “return” of the Velestino Hoard: The 100th anniversary of the discovery of the complex

Н. Чаусидис, И. Ефтимовски. Словенските многуглави идоли – распространетост генеза и значење / N. Chausidis, I. Eftimovski. Slavic polycephalic idols – distribution, genesis and meaning

Р.С. Минасян. Семантика знака рода Рюриковичей / R. Minasyan. Semantics of the symbol of the Rurik dynasty

Секција 2-1. Словени и њихови суседи у латенској и римској епохи /
Секция 2-1. Славяне и их соседи в латенскую и римскую эпохи /
Section 2-1. Slavs and their neighbors in the La Tène and Roman eras

А.М. Обломский. Восточная линия славянского этногенеза по археологическим данным / А. Oblomsky. The eastern line of Slavic ethnogenesis according to archaeological data

Л.С. Воротинская. О фибулах среднелатенской конструкции с треугольным щитком на ножке / L. Vorotinskaya. Fibulae of mid-Latène construction with a triangular foot shield

О.А. Хомякова. Провинциально-римская культура и формирование идентичности западных балтов (по данным женского убора) / O. Khomyakova. Provincial Roman culture and the formation of the identity of the Western Balts (according to female dress)

С.В. Воронятов. Западные компоненты в ранних комплексах восточноевропейских выемчатых эмалей / S. Voronyatov. Western elements in early East European champlévé enamel complexes

И.В. Зиньковская. Горизонт выемчатых эмалей, венеты и сарматы в бассейне Дона / I. Zinkovskaya. The champlévé enamel horizon, Veneti and Sarmatians in the Don basin

В.Г. Белевец. К изучению памятников «предпражского» горизонта в белорусском Полесье (на примере работ по р. Случ) / V. Beliavets. New research on the “pre-Prague” horizon in Belarusian Polesia (based on the sites on the Sluch River)

О.В. Шаров. «Спалы» и «славяне»? Между археологией и эпиграфикой / O. Sharov. “Spali” and “Slavs”? Between archeology and epigraphy

М. Wawer, R. Liwoch. Dakowie za Karpatami – eponimiczne cmentarzysko kultury lipickiej w Lipicy Górnej koło Rohatyna na Ukrainie / M. Wawer, R. Liwoch. The Dacians behind the Carpathians – the eponymic cemetery of the Lipica culture in Verhnâ Lipicâ near Rogatin in Ukraine

О.В. Гопкало. Население Верхнего Днестра раннечерняховского времени в свете новейших идей / O. Hopykalo. Ideas about the population of the Upper Dniester region in the early Chernyakhov period

Г.Л. Земцов. Памятники позднеимского времени на Верхнем Дону / G. Zemtsov. Archaeological sites of the late Roman period in the Upper Don region ..

С. Трифунович. Славянские особенности археологической культуры сарматов-лимигантов / S. Trifunovic. Slavic features of the Sarmatian-Limigant archaeological culture

И. Пашић, С. Трифуновић, М. Зековић. Полуземуница са централним стубом – спона југоистока Панонске низије и кијевске културе? / I. Pašić, S. Trifunović, M. Zekovic. The half-sunken dwelling with a central post – the link between the southeast of the Pannonian Plain and the Kiev culture?

Секција 2-2. Словени и епоха Великих миграција /

Секция 2-2. Славяне и эпоха Великих миграций /

Section 2-2. Slavs and the epoch of the Great Migrations

И.О. Гавритухин. Актуальные проблемы изучения пражской культуры /

I. Gavritukhin. Current problems in the study of the Prague culture

С. Трифунович, А.Г. Фурасьев. Об одном типе раннеславянских жилищ /

S. Trifunović, A. Furasjev. An Early Slavic dwelling type

М. Hardt. Awary a Słowjany – wójański pósęg? / M. Hardt. Avars and Slavs –

A Military relationship?

М.М. Казанский. Германское влияние на славянское вооружение V–VII

вв. / M. Kazanski. Germanic influence on Slavic weaponry from the 5th to 7th centuries

Секција 3-1. Рани Словени Подњепровља /

Секция 3-1. Ранние славяне Поднепровья /

Section 3-1. Early Slavs of the Dnieper

А.Ф. Касюк. Кераміка славянскага насельніцтва Беларускага Палесся

ў другой палове I тысячагоддзя н.э.: фарміраванне набору, эвалюцыя, параўнаўчы аналіз / A. Kasyuk. The pottery of the Slavic population in the Belarusian Polesia in the second half of the 1st millennium AD: formation, development, comparative analysis

В.И. Баранов. Пастырское городище в свете исследований 2017-2018 гг. и его роль в истории Восточной Европы последней четверти I тыс. н.э. /

V. Baranov. The Pastyrskoe hillfort in the light of the 2017-2018 research and its role in the history of Eastern Europe in the last quarter of the 1st millennium AD ...

А.В. Мاستыкова. Славяне Среднего Поднепровья, Крым и Византия в VI–

VII вв. / A. Mastykova. The Slavs in the Middle Dnieper area, the Crimea, and Byzantium in the Sixth and Seventh Centuries

Секција 3-2. Североисток ранословенског света /
Секция 3-2. Северо-Восток раннеславянского мира /
Section 3-2. Northeast of the early Slavic world

Т.С. Бубенько. Этнокультурные процессы в Витебском Подвинье в I–VIII вв. н.э. / T. Bubenko. Ethnocultural processes in the Vitebsk Dvina region in the 1st–8th centuries AD

О.Н. Левко. Славяне на территории Центральной и Северной Белоруссии во второй половине I тысячелетия н.э. / O. Levko. Slavs on central and northern Belarus territory in the second half of the 1st millennium AD

И.И. Еремеев, А.Г. Фурасьев. Ранние славяне на Северо-Западе Русской равнины в IV–V вв. / I. Eremeev, A. Furasyev. Early Slavs in the north-west of the Russian Plain in the 4th–5th centuries AD

Е.Р. Михайлова. Культура псковских длинных курганов и проблема славянского расселения на Северо-Западе Восточной Европы / E. Mikhaylova. The Pskov Long Barrow culture and the problem of the spread of Slavic settlement in the northwest of Eastern Europe

Н.И. Платонова. Памятники «предсопчного» типа в верхнем Полужье и их культурный контекст / N. Platonova. Pre-sopki sites in the Upper Luga region and their cultural context

И.В. Исланова. Этнокультурная ситуация в VI–VIII вв. на Волго-Балтийском водоразделе / I. Islanova. The ethno-cultural situation in the 6th–8th centuries AD on the Volga-Baltic watershed

Й. Шнеевайс. Археология невидимого – возникновение западных славян / J. Schneeweiß. Archaeology of the Invisible – the emergence of the Western Slavs ...

М.В. Добровольская, Е.А.Клещенко. К выделению базовых характеристик кремаций из погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. на северо-западе лесной зоны Европейской части России / M. Dobrovolskaya, E. Kleshchenko. Towards the identification of the basic characteristics of cremations. The burial grounds of the northwest Russian European forest zone in the second half of the 1st millennium AD

А.М. Воронцов, Е.В. Столяров. Раннеславянские поселения IV–V вв. на правобережье Верхней Оки / A. Vorontsov, E. Stolyarov. 4th–5th century Early Slavic settlements on the right bank of the Upper Oka river

И.Р. Ахмедов, Н.А. Биркина. Финны Среднего Поочья и «раннеславянский» мир / I. Akhmedov, N. Birkina. The Finns of the Middle Oka region and the “Early Slavic” world

Д.А. Петрова, Л.А. Вязов, Ю.А. Салова. Кремации V–VII вв. в Среднем Поволжье: современное состояние изучения / D. Petrova, L. Vyazov, Yu. Salova. Cremations of the 5th–7th centuries in the Middle Volga region: the current state of research

Л.Р. Халимуллина, Л.А. Вязов. Булавки с восьмеркообразными подвижными звеньями в Среднем Поволжье в IV–VII вв. и их возможные прототипы / L. Khalimullina, L. Vyazov. Pins with eight-shaped movable links in the Middle Volga region in the 4th–7th centuries and their possible prototypes

Секција 3-3. Северозапад ранословенског света /

Секция 3-3. Северо-Запад раннеславянского мира /

Section 3-3. Northwest of the early Slavic world

K. Reichenbach. Autochtoniczne koncepcje pochodzenia słowiańskiego w Polsce XX i XXI wieku - niekończąca się opowieść? / K. Reichenbach. Autochthonist concepts of Slavic origins in 20th and 21st Century Poland - a never-ending story?

A. Kluger. Archeologia słowiańska retrospektywnie – Historia archeologii słowiańskiej w socjalistycznych Niemczech i Polsce i czego może się z niej nauczyć / A. Kluger. Slavic archaeology revisited – The history of Slavic archaeology in socialist Germany and Poland and what can be learned from it

M. Wołoszyn. Okres wędrówek ludów w Polsce w świetle przekazów pisanych / M. Wołoszyn. The Migration Period in Poland in the light of literary sources

S. Wadył. Kiedy Słowianie spotykają Bałtów zachodnich: stosunki u zarania wczesnego średniowiecza / S. Wadył. When Slavs meet Western Balts: their relationship at the dawn of the Early Middle Ages

B.Sz. Szmoniewski, P. Włodarczak. Stradów – największe grodzisko Wiślan? / B.Sz. Szmoniewski, P. Włodarczak. Stradów - the largest stronghold of the Vistulans?

Ф. Никулька. Изучение процессов преемственности и изменений на славянских поселениях южного Мекленбурга (Германия) / F. Nikulka. Research on continuity and change at Slavic localities in southern Mecklenburg (Germany)

Секција 3-4. Рани Словени од Подунавља до Јадрана /

Секция 3-4. Ранние славяне от Подунавья до Адриатики /

Section 3-4. Early Slavs from the Danube to the Adriatic

Ф. Дайм, М. Обенаус. Славяне между Баварией и аварскими землями в VIII и начале IX в. / F. Daim, M. Obenaus. Slavs between Bavaria and the Avar Land in the 8th and early 9th centuries

Э. Новотни. Развитие сельских поселенческих структур на территории Нижней Австрии в раннем и высоком Средневековье / E. Nowotny. Change in rural settlement in Lower Austria in the Early and High Middle Ages

W. Breibert. Slovanská mohylová pohřebišťe ve východním Rakousku – stav výzkumu / W. Breibert. Slavic burial mound necropolises in eastern Austria - the state of research

Г. Кардарас. Славянское заселение района Залавары (Юго-Западная Венгрия). Историческое переосмысление / G. Kardaras. The Slavic settlement in the Zalavár area (southwestern Hungary): a historical reconsideration

И. Пашић. Група насеља у околини Оџака, у средњој Бачкој, од 7. до 9. века н.е. / I. Pašić. A 7th–9th century AD settlement cluster in the vicinity of Odžak in central Bačka

Д. Радичевић, Д. Булић. Размеђе антике и средњег века на подручју Западне Србије: археолошка сазнања / D. Radičević, D. Bulić. Western Serbia between Antiquity and the Middle Ages: archaeological findings

L. Bekić. Rani Slaveni na Brezju kod Varaždina / L. Bekić. Early Slavs at Brezje near Varaždin

A. Pleterski. Vlahi in Slovani v vzhodnih Alpah / A. Pleterski. Vlachs and Slavs in the eastern Alps

V. Vidrih Perko. Arheološke najdbe iz Kranja (Slovenija) in njihov pomen za interpretacijo slovenske preteklosti / V. Vidrih Perko. Archaeological discoveries from Kranj (Slovenia) and their significance for the interpretation of the Slovenian past

A. Magdič. Zgodnj srednjeveške slovanske “župe” med Panonijo in Vzhodnimi Alpami, definirane na podlagi arheoloških virov / A. Magdič. Early medieval Slavic counties (“župa”) between Pannonia and the eastern Alps, defined on the basis of archaeological data

G. Tica, P. Predan, J. Vinder. Zgodnj srednjeveška naseljebina v Pušencih / G. Tica, P. Predan, J. Vinder. The early medieval settlement of Pušenci

S. Sankovič. Dve novoodkriti srednjeveški grobišči v Prekmurju (Slovenija) / S. Sankovič. Two new medieval burial sites in Prekmurje (Slovenia)

Š. Karo. Zgodnj srednjeveški kovinski predmeti z višinskih najdišč in grobišč na območju Slovenije / Š. Karo. Early medieval metal finds from hilltop sites and cemeteries in the territory of present-day Slovenia

M. Zagarčanin, M. Živanovič. Slovenci između Prevalisa i Dioklije / M. Zagarčanin, M. Živanović. Slavs between Praevalitana and Doclea

Секција 3-5. Рани Словени у Карпатско-Дунавској регији /
Секция 3-5. Ранние славяне в Карпато-Дунайском регионе /
Section 3-5. Early Slavs in the Carpathian-Danube region

J. Stančiu. Рани Словени на територији данашње Румуније. Коментар досадашњих резултата археолошких истраживања / I. Stanciu. The Early Slavs in the territory of present-day Romania. A comment on the results of archaeological investigations so far

I.M. Циплик, М.Э. Крингачи-Циплик. Археология кремаций и распространение христианства в Трансильвании в VI–X вв. / I.M. Ţiplic, M.E. Cringaci Ţiplic. Cremation archaeology and the spread of Christianity in Transylvania in the 6th to 10th centuries

C. Оца. Некоторые наблюдения над погребениями с украшениями из некрополя в Извору / S. Oța. A few observations on the graves with jewellery items from the necropolis at Izvoru (Giurgiu County)

J. Ђорђевић, В. Ђорђевић. Бодрићи и Тимочани 7–9. века у српском Подунављу / J. Djordjevic, V. Djordjevic. 7th–9th century Bodrići and Timočani in the Serbian Danube region

Секција 3-6. Рани Словени на истоку и југу Балкана /
Секция 3-6. Ранние славяне на востоке и юге Балкан /
Section 3-6. Early Slavs in the eastern and southern Balkans

H. Хрисимов. Раннославянски паметници в североизточната част на Балканския полуостров. Addenda et corrigenda / N. Khrisimov. Early Slavic sites in the north-eastern part of the Balkan Peninsula. Addenda et corrigenda

B. Борисов. Славяне VI–VII вв. на територии нынешней Южной Болгарии. Постоянное заселение или нашествия? / B. Borisov. Slavs of the 6th–7th centuries AD in the territory of present-day South Bulgaria. Permanent settlement or invasions?

Р. Колева, Г. Грозданова. Чужди и местни керамични традиции южно от Стара планина (VI–X в.) / R. Koleva, G. Grozdanova. Foreign and local pottery traditions south of the Balkan Mountains (6th–10th centuries)

В. Ъйотов. Византийские стремена – вопросы идентификации (VII–XI вв.) / V. Yotov. The Byzantine stirrups – the identification questions (7th–11th centuries)

Секција 4-1. Велика Морава /

Секция 4-1. Великая Моравия /

Section 4-1. Great Moravia

Š. Ungerman. Byzantský vliv na raně středověký honosný šperk ve střední Evropě / Š. Ungerman. The Byzantine influence on Early Medieval luxury jewellery in Central Europe

N. Profantová. Zlatnictví a šperkařství v Čechách v 9. a 10. století. Pražská šperkařská dílna 10. století / N. Profantová. Gold- and silversmithing in Bohemia in the 9th–10th centuries: 10th century Prague jewellery workshop

Š. Krupičková. Velkomoravské gombíky jako statusový symbol? Změny v interpretaci / Š. Krupičková. Great Moravian Gombíky as a Status Symbol? Changes in the interpretation of the hollow spherical buttons

Секција 4-2. Источна Европа и почеци Старе Русије /

Секция 4-2. Восточная Европа и начало Древней Руси /

Section 4-2. Eastern Europe and the beginnings of Ancient Russia

К. Любке. Восточная Европа – вид с Запада. Восприятие и формы представления от поздней античности до XVI века / Chr. Lübke. Eastern Europe as seen from the West. Perception and forms of representation from late antiquity to the 16th century

Р. Рабинович. Етнокультурна интерпретация памятников Пруто-Днестровского междуречья VI–XII вв.: современное состояние / R. Rabinovich. Archaeological sites of the 6th–12th centuries AD in the Dniester-Prut region and their ethnic and cultural interpretations: the current situation

С. Мустеага. Погребальные обряды в Пруто-Днестровском регионе в VIII–X вв. / S. Musteață. Funerary practices in the Prut-Dniester region in the 8th–10th centuries

Н.П. Тельнов, Славяне в Молдавии и венгерский фактор / N. Telnov. Slavs in Moldavia and the Hungarian factor

- И.А. Бондарь. Скандинавские подвески «гнездовского» типа на Среднем Днестре / I. Bondar. “Gnezdovo-type” Scandinavian pendants from the Middle Dniester region
- R. Liwoch. U początku państwa i Cerkwi na zachodniej Ukrainie (X w.) / R. Liwoch. The beginnings of statehood and the Orthodox Church in Western Ukraine (10th century)
- A. Gołębiowska-Tobiasz. Synkretyzm kulturowy pogranicza chazarsko-słowiańskiego / A. Gołębiowska-Tobiasz. Cultural syncretism of the Khazar-Slavic borderland
- Н.Е. Арсенова, Е.А. Клещенко, Д.В. Киселева, Д.А. Куприянов. Новые данные о Лысогорском могильнике боршевской культуры на окраине города Воронежа / N. Arsenova, E. Kleshchenko, D. Kiseleva, D. Kupriyanov. New data on the Lysogorski burial ground (Voronezh) of the Borshevo culture
- Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина† «Южные» контакты раннегородского центра Гнездова в конце IX – X в. / N. Eniosova, T. Pushkina† «Southern» contacts of the early urban centre of Gnezdovo in the late 9th – 10th centuries
- А.В. Михайлов. Открытое торгово-ремесленное поселение Горожане на пути «из варяг в греки» / A. Mikhaylov. Gorozhane – an unfortified trading and craft settlement on the route “from the Varangians to the Greeks”
- Н.В. Григорьева. Славянские украшения из раскопок в Старой Ладоге / N. Grigoryeva. Slavic jewellery from the excavations at Staraya Ladoga
- Г.А. Массалитина, И.В. Болдин. «Ранние вятичи» по материалам Козельска и Чертова городища / G. Massalitina, I. Boldin. «The early Vyatichi» – inhabitants of the Kozelsk and Chertovo fortified settlements
- Н.Д. Угулава. Керамика Северо-Восточной Руси в период становление государственности / N. Ugulava. Ceramics of north-eastern Russia during the statehood formation period
- О.В. Зеленцова, С.И. Милованов. Славянская колонизация Муромского Поочья по археологически данным / O. Zelentsova, S. Milovanov. The Slavic colonisation of the Murom region according to archaeological data
- О.В. Зеленцова, И.Н. Кузина. О критериях аккультурации муромского населения Поочья / O. Zelentsova, I. Kuzina. On the criteria of the acculturation of the Murom population of the Oka region
- Н.Ю. Новоселова. Игра в Мельницу: новые находки в средневековом Херсонесе / N. Novoselova. The game of Nine Men’s Morris: new findings in medieval Chersonesos

Тезисы

Апстрактти

Марија Ђуковић (Нови Сад, Србија)

Протоисторијски период српског дела Подунавља

У српском делу Подунавља, након 200 година хијатуса на налазиштима босутске културе старијег гвозденог доба, живот се обнавља оснивањем насеља која се датују у крај 2. века пре н.е. Ова насеља су у највећој мери приписана Скордисцима које антички писци описују као хетерогену заједницу састављену од Келта и аутохтоних племена. У материјалној култури тог становништва, осим препознатљивих келтских налаза, уочљиви су и налази делова ношње, керамике и гробног ритуала који припадају домородачком становништву. Нешто прецизније издвајамо дачку компоненту, због јасније дефинисане дачке културе са њеног матичног простора, док је у значајно мањој мери позната материјална култура Панонаца, односно Илира, које помињу антички извори приликом освајања од стране римске државе и оснивања истоимене провинције.

Налазишта у Гомолави и Градини на Босуту, Купинову, Дорослову, Луговима код Сомбора, Мошорину, Тителу, Шајкашу, Госпођинцима, Чуругу, Жабљу, Бачком Јарку, Турији, Србобрану, Бачу и Оцацима, као и на десној обали Дунава на Карабурми, Роспи Ђуприји, Ајмани у Малој Врбици и Пећинама, припадају насељима и некрополама овог периода. Живот се одвија у полуукопаним кућама са набијеним, понекад запеченим подом, правоугаоне основе са заобљеним угловима и јамама за стубове. Насеља су обично смештена уз токове Дунава и притока у Срему и Бачкој, док их у Банату готово нема, са изузетком локалитета Жидовар и спорадичних налаза на другим налазиштима. Насељавање је вршено на позицијама које су већ биле насељене током праисторије, попут бронзанодопских телова или на природно истакнутим позицијама које су једнако утврђивали. На некрополама преовлађује ритуал спаљивања покојника и полагање спаљених остатака у урне или директно у земљу.

На поменути локалитетима од краја 2. и у 1. веку пре н.е. уочљив је римски утицај, који се знатно интензивира оснивањем провинције Паноније и гушењем Панонско-илирског устанка почетком 1. века. Као последица ових догађаја уочљиво је увећање постојећих и подизање нових насеља. Римски утицај је настављен у 2. веку римским освајањем Дакије.

Мария Чукович (Нови-Сад, Сербия)

Протоисторический период сербского Подунавья

В сербской части Подунавья, после 200-летнего hiatus в ареале босутской культуры раннего железного века, жизнь возрождается с основанием поселений, относящихся к концу II в. до н.э. Эти поселения в основном приписываются скордискам, которых античные авторы характеризуют как разнородное сообщество, состоящее из кельтов и местных племен. В материальной культуре этого населения, кроме узнаваемых кельтских вещей, присутствуют и детали костюма, гончарные изделия и погребальные обряды, принадлежащие коренному населению. Дакийский компонент выделяется вполне надежно, благодаря четко определенным признакам дакийской культуры на ее родной территории, в то время как материальная культура паннонцев, или иллирийцев, упоминаемых в античных источниках времен завоевания этого региона Римом и основания провинции с таким же названием, гораздо менее изучена.

Памятники в Гомолаве и Градине на Босуте, Купиново, Дорослово, Лугови возле Сомбора, Мошорине, Тителе, Шайкаше, Господжинцах, Чуруге, Жабле, Бачки Яраке, Турии, Србобране, Баче и Оджаце, как и на правом берегу Дуная в Карабурме, Росци Чуприи, Аймани в Малой Врбице и в Печинах относятся к поселениям и некрополям этого периода. Жизнь здесь протекает в полуземляночных домах с прямоугольным котлованом со скругленными углами и столбовыми ямами, с утрамбованным, иногда обожженным полом. Поселения обычно расположены на берегах Дуная и его притоков в областях Срема и Бачки, в то время как на землях Баната их почти нет, за исключением Жидовара и единичных находок на других памятниках. Жители селятся на местах, которые уже были освоены в доисторические времена, например, на телях бронзового века или на хорошо защищенных участках местности, которые дополнительно укрепляются. На некрополях преобладает обряд кремации с помещением сожженных останков в урны или прямо в земляные ямы.

На упомянутых памятниках конца II—I в. до н.э. заметно римское влияние, которое значительно усиливается в начале I в. н.э. с основанием провинции Паннония и подавлением паннонско-иллирийского восстания. Вследствие этих событий заметно увеличиваются площади уже существующих поселений и возникают новые. Римское влияние продолжается и во II веке после римского завоевания Дакии.

The Serbian part of the Danube region in the protohistoric period

In the Serbian part of the Danube region, after a 200-year hiatus in the area of the Early Iron Age Bosut culture, new life emerged at the end of the 2nd century BC with the foundation of settlements. These settlements are largely attributed to the *Scordisci*, whom ancient writers describe as a heterogeneous community composed of Celts and indigenous tribes. In the material culture of this population, apart from the recognizable Celtic finds, there have also been finds of costumes and pottery connected to the burial rituals of the indigenous population. The Dacian component is evident, thanks to the clearly defined Dacian culture in its native territory, while the material culture of the Pannonians, or Illyrians, who are mentioned in ancient sources at the time of Roman conquest of the region and the foundation of the province of the same name, is much less known.

The remains of this period, namely settlements and necropolises, include sites in Gomolava and Gradina on the Bosut, Kupinovo, Doroslovo, Lugovi near Sombor, Moshorin, Titel, Šajkaš, Gospodjinci, Črug, Žablja, Bački Jarak, Turija, Srbobran, Bač and Odžaci, as well as on the right bank of the Danube at Karaburma, Rospi Ćuprija, Ajmana in Mala Vrbica and Pećine. People lived in rectangular half-sunken houses with rounded corners and post holes, and compacted, sometimes burnt floors. The settlements are usually located on the banks of the Danube and its tributaries in the Srem and Bačka regions, while in Banat they are almost unknown, with the exception of Židovar and sporadic finds on other sites. Settlements were usually established in positions that had already been inhabited in prehistory, such as on the Bronze Age tells, or in naturally well-protected localities that could be additionally fortified. In the necropolises, the cremation ritual prevails, with burials of the remains in urns or directly into the ground.

The Roman influence is clearly recognizable on the above-mentioned sites from the end of the 2nd to the 1st centuries BC. It significantly increased at the beginning of the 1st century AD with the formation of the province of Pannonia and the put-down of the Pannonian-Illyrian uprising. As a result of these events, the existing settlements expanded and new settlements were established. Roman influence extended into the second century after the Roman conquest of Dacia.

Станко Трифуновић, Војислав Ђорђевић (Нови Сад / Панчево, Србија)

Археолошко-историјска слика српског Подунавља од Августа до Атиле

Коначна римска освајања територије српског Подунавља започета током последњег века старе ере, завршена су после гушења Илирско-панонског устанка 9. године н.е. Становништво са десне обале Дунава изложено је од тада процесу романизације који археологија најбоље прати на простору градова. У руралним срединама елементи домаће културе опстају до краја римског периода, иако им археологија није посветила пуну пажњу. Ради се о посебној култури, преслијеној римском културом, која у археологији још није добила своју праву дефиницију, иако се бележи као „домородачка“. Једна од манифестација те културе је погребни ритуал кремације све до првих примера сахрана са хришћанским елементима, како се то може пратити на некрополи у Бешкој, у Срему.

На простору јужне Бачке после Панонског устанка увећавају се насеља која су ту заснована у последњим вековима старе ере, као последица великог броја избеглица из ратног подручја, које потом остаје под римском окупацијом. Једно такво насеље, истраживано је у већем обиму у Чуругу. Насеља тог хоризонта се гасе после неколико деценија са доласком Сармата, средином 1. века.

Трајанови Дачки ратови и успостављање римске провинције Дакије нису захватили равничарски Банат, али је простор између Паноније на западу и Дакије на истоку остао под римском контролом, пре свега рестриктивном политиком дозволе његовог насељавања. Последица тога су малобројна археолошка налазишта 2–3. века.

По римском напуштању Дакије, на том простору појављују се веома бројна и велика насеља. Већа археолошка ископавања у Србији спроведена су у Чуругу, Долову, Падеју и околини Суботице. Некрополе овог периода познате су на многим местима, али су слабије истражене. У већем обиму само оне код Суботице и Панчева.

Становници тих насеља се у основи баве земљорадничко-сточарском привредом, а носиоци су сасвим нове археолошке културе, потпуно различите од номадског карактера културе Сармата, са којом коегзистирају на истом простору. Последњих година та култура добија све више елемената археолошког дефинисања, а појављује се под називом култура Лимиганата. Подаци о становништву тог простора налазе се и у римским писаним изворима, код Амијана Марцелина (Слободни Сармати и Сармати Лимиганти или Ропски), и нешто касније, у доба Атиле, код ретора Приска.

Станко Трифунович, Воислав Джорджевич
(Нови-Сад / Панчево, Сербия)

Историко-археологическая ситуация в сербском Подунавье от Августа до Аттилы

Римское завоевание территории сербского Подунавья, начавшееся в I в. до н.э., закончилось после подавления иллирийско-паннонского восстания в 9 году н.э. С тех пор население правого берега Дуная подверглось процессу романизации, который археологически лучше всего изучен в городах. В сельской местности элементы аборигенной культуры сохранялись до конца римского периода, хотя археология не уделяла им должного внимания. Это особая культура, на которую наложилась римская, и она еще не получила своего четкого определения в археологии, но фигурирует, как «родовая» («домашняя»). Одним из ее проявлений является погребальный обряд кремации, сохраняющийся вплоть до первых захоронений с христианскими элементами, которые можно видеть в некрополе в Бешке, в Среме.

На территории Южной Бачки после паннонского восстания увеличиваются поселки, которые были основаны здесь еще в последние века до н.э. Это происходит из-за большого количества беженцев из зоны боевых действий, которая в то время оставалась под римской оккупацией. Одно из таких поселений в Чуруге активно исследовалось. Поселения этого горизонта опустели всего через несколько десятилетий, с приходом сарматов в середине I в. н.э.

Дакийские войны Траяна и создание римской провинции Дакия не коснулись равнин Баната, но территория между Паннонией на западе и Дакией на востоке оставалась под контролем Рима, в первую очередь из-за ограничительной политики ее заселения. Как следствие – небольшое количество археологических памятников II–III веков. Но после того, как римляне оставили Дакию, на этой территории возникли многочисленные и очень крупные поселки. Масштабные археологические раскопки в Сербии проводились в Чуруге, Долово, Падее и окрестностях Суботицы. Некрополи этого периода известны во многих местах, но изучены хуже, кроме могильников возле Суботицы и Панчево.

Жители этих поселений в основном занимаются земледелием и животноводством и являются носителями совершенно новой археологической культуры, полностью отличной от кочевого характера сарматской культуры, с которой они сосуществуют на одной территории. В последние годы эта культура приобретает все больше и больше элементов археологической дефиниции, и она выступает под названием культуры лимигантов. Данные о населении этой области также можно найти в

римских письменных источниках: у Аммиана Марцеллина («свободные сарматы» и «сарматы лимиганты» или «рабы»), а несколько позже, во времена Атиллы, у Приска Панийского.

Stanko Trifunović, Vojislav Djordjević (Pancevo / Novi Sad, Serbia)

The archaeological–historical situation in the Serbian Danube region, from Augustus to Attila

The Roman conquest of the Serbian Danube territory, which began in the 1st century B.C., ended after the suppression of the Illyrian-Pannonian uprising in 9 A.D. After this, the population on the right bank of the Danube underwent a process of romanization, which is archaeologically best studied in the towns. In the countryside, elements of an indigenous culture was preserved until the end of the Roman Period, although archaeological research has not paid much attention to it. However, the Roman culture was superimposed on this special culture, which has not yet been clearly defined in archaeology, but which is referred to as a “clan” (or “domestic”) culture. One of its manifestations is the funeral rite of cremation, which survives until the first burials with Christian elements, as we can see in the necropolis of Beška in Srem.

After the Pannonian uprising, the settlements, which were established in the last centuries B.C. in the area of southern Bačka increased. This was due to the large number of refugees from the war zone that remained under Roman occupation at the time. One such settlement in Čurug has been actively investigated. The settlements of this horizon were deserted after only a few decades, with the arrival of the Sarmatians in the middle of the first century.

The Dacian wars of Trajan and the creation of the Roman province of Dacia did not affect the plains of Banat, but the area between Pannonia in the West and Dacia in the East remained under Roman control, primarily because of the restrictive policy of its habitation. As a consequence, there are only few archaeological remains from the 2nd–3rd centuries. However, after the Romans left Dacia, numerous and very large settlements developed in the area. Extensive archaeological excavations in Serbia were carried out in Čurug, Dolovo, Padej and around Subotica. Necropolises from this period are known in many places but are less studied, except for the burial grounds near Subotica and Pančevo.

The inhabitants of these settlements were mainly farmers and stockbreeders, and they belonged to a completely new archaeological culture that was entirely different from the nomadic Sarmatian culture with which they cohabited in this territory. During the last years, this culture has been

gaining more and more elements of archaeological definition; it is known today as culture of the Limigants. Additional data on the population of this area can be found in Roman written sources: Ammianus Marcellinus (free Sarmatians and Sarmatians-Limigants as slaves) and, somewhat later, in the time of Attila, the rhetorician Priscus of Panium.

Јелена Ђорђевић, Ивана Пашић (Панчево / Нови Сад, Србија)

Археолошко-историјска слика српског Подунавља и Потисја од 5. до 9. века н.е.

У складу са историјским околностима и сеобама народа на простору Панонске низије, рани средњи век на територији српског Подунавља и Потисја, као и у ширем окружењу, може се поделити на неколико периода – време од доласка Хуна до слома њихове власти; потом период од хунске пропасти до доласка Авара; време Првог аварског каганата; прелазни аварски период и досељавање Бугара, време Другог аварског каганата и на крају, период распадања аварског каганата и бугарских освајања.

У свим наведеним периодима овај простор показује шаролику и компликовану археолошку слику. Археолошка истраживања нису спроведена у довољном обиму, па многи делови ове слике још увек остају непознати. Ипак се може закључити да ни у једном периоду не постоји јединствена материјална култура на целој територији, већ се издвајају микрорегије са својим особеностима.

Систематизовањем археолошке грађе из времена Сеобе народа, Д. Мркобрад је 1980. године, забележио око 200 локалитета на територији коју разматрамо. Сви локалитети су делимично истраживане некрополе или, у највећем броју случајева, случајни, вероватно гробни налази. Насеља овог периода су била готово непозната. Од тог доба па до данас, археолошка ископавања, углавном мањег обима, вршена су на око 40 насеља која се могу сместити у временски оквир од 5. до почетка 9. века.

Елена Джорджевич, Ивана Пашич (Панчево / Нови-Сад, Србија)

Историко-археологическая ситуация в сербском Подунавье и Потисье в V–IX веках

В соответствии с историческими событиями и миграциями народов на территории Паннонской равнины, эпоху раннего Средневековья в сербском Подунавье и Потисье, как и в прилегающих областях, можно разделить на несколько периодов: время от вторжения гуннов до

краха их правления; затем период от исчезновения гуннов до прихода аваров; время Первого Аварского каганата; переходный аварский период и переселение болгар; время Второго Аварского каганата и, наконец, период распада Аварского каганата и болгарских завоеваний.

На протяжении всех периодов этот район представляет собой пеструю и сложную археологическую картину. Археологические раскопки проводились в недостаточном масштабе, поэтому многие детали этой картины пока еще остаются неизвестными. Однако можно сделать вывод, что ни в один из периодов не существует общей для всей территории материальной культуры, но выделяются микрорегионы со своими особенностями.

Систематизируя археологический материал эпохи переселения народов, Д. Мркобрад в 1980 г. зарегистрировал на карте рассматриваемой территории около 200 пунктов. Все они являются частично раскопанными некрополями или, в большинстве случаев, случайными находками, вероятно, из разрушенных могил. Поселения этого периода тогда были почти неизвестны. С тех пор и по сегодняшний день археологические раскопки, в основном небольшого объема, были проведены примерно на 40 поселениях, датированных V – началом IX в.

Jelena Djordjević, Ivana Pašić (Pancevo / Novi Sad, Serbia)

The archaeological–historical situation in the Serbian Danube and Tisa regions from the 5th to the 9th centuries AD

According to the historical events and migrations of peoples in the territory of the Pannonian Plain, the early Middle Ages in the territory of the Serbian Danube and Tisa regions, as well as in the wider surroundings, can be divided into several periods: the time from the invasion of the Huns to the collapse of their rule; the period from the disappearance of the Hun to the arrival of the Avars; the time of the First Avar Khaganate; the transitional Avar period and the immigration of the Bulgars; the time of the Second Avar Khaganate and, finally, the period of the collapse of the Avar Khaganate and the Bulgarian conquests.

Throughout all periods in this area, the archaeological situation has been diverse and complex and, because archaeological excavations have only been carried out to a limited extent, many details remain unknown. However, we can conclude that there is no material culture common to the whole area in any of the periods; instead, we see several micro-regions with their own characteristics.

When systematising the Migration Period archaeological material in 1980, D. Mrkobrad registered some 200 sites on a map of the area in

question. All these sites are partly excavated necropolises or, in most cases, accidental finds, probably from destroyed burials. Settlements from this period were almost unknown at that time. However, since then, and up to the present day, archaeological excavations, mostly small scale, have been carried out on about 40 settlements dating back to the 5th – early 9th centuries.

Војислав Ђорђевић, Емина Зечевић, Весна Мијатовић
(Панчево / Београд, Србија)

Археолошко-историјска слика српског Подунавља од почетка 9. до почетка 11. века

Последице распада аварске државе у Панонском басену крајем 8. и почетком 9. века осећају се и на простору српског Подунавља, где на сцену ступају две велике европске силе тадашњег времена, Франачка са запада и Бугарска са истока. Готово цео простор српског Подунавља налази се током 9. века у саставу Бугарске, односно локалних кнежевина које су под патронатом бугарске власти. Такво стање потрајаће до нове велике историјске прекретнице, досељавања Мађара у Карпатску котлину на самом крају 9. века. У Банату се, у време мађарских освајања, под бугарском управом налазила кнежевина Глада, у Бачкој кнежевина Салана, а Срем и десна обала Дунава са Ђердапом су саставни делови Бугарског царства.

Мађарско заузимање ових простора од почетка 10. века описано је у историјским изворима из доцнијег времена и по свему судећи било је дуготрајан процес. Неке области су раније укључене у састав угарске државе (Бачка, Срем), док је најдуже одолевао Банат, који је Угарској прикључен тек почетком 11. века у време Гладовог потомка кнеза Ахтума. У исто време на десну обалу Дунава избија Византијско царство чиме се за дуже време успоставља чврста граница између ове две силе.

Археолошки трагови из времена 9–11. века нису бројни, али ипак пружају довољно података да се изради прелиминарна археолошка слика ове територије. Насеља 9. века су малобројна у Бачкој и Срему (Чуруг, Футог, Оцаци, Нови Сад, Земун), а, судећи према резултатима ископавања и посебно рекогносцирања, бројна у Банату (Санад, Падеј, Добрица, Долово, север Баната, околина Вршца, околина Панчева и други). Бачка и сремска насеља са једне стране показују континуитет са становништвом из преходног периода, а са друге на померање и досељавање становништва. На насељима у Банату се пак огледа утицај подунавске културе засноване пре свега на словенској грнчарској традицији, која током целог периода у континуитету траје на десној обали Дунава и у Ђердапу. Са доласком Мађара, у Бачкој се ова насеља гасе,

док у Банату трају и кроз 10. век (Панчево, Ливаде), све до почетка 11. века, од када се на ширим просторима Панонске низије устаљује нова материјална култура зрелог средњег века.

Воислав Джорджевич, Эмина Зечевич, Весна Миятович
(Панчево / Белград, Србија)

Историко-археологическая ситуация в сербском Подунавье с начала IX до начала XI века

Последствия распада Аварского государства в Паннонском бассейне в конце VIII – начале IX в. ощущаются и в районе сербского Подунавья, где на историческую арену выходят две великие европейские державы того времени, Франкское государство на западе и Болгария на востоке. В IX в. почти вся территория сербского Подунавья была частью Болгарии, то есть представлена локальными княжествами, подчиненными болгарской власти. Такая ситуация длится до нового великого исторического момента - вторжения венгров в Карпатскую котловину в самом конце IX в. В период венгерских завоеваний под властью Болгарии оставались княжество Глада в Банате и княжество Салана в Бачке, а Срем и правый берег Дуная с Железными воротами были неотъемлемыми частями собственно Болгарского царства.

Венгерская оккупация этих территорий с начала X в. описана в более поздних исторических источниках и, похоже, это был длительный процесс. Некоторые области рано вошли в состав Венгерского государства (Бачка, Срем), а дольше всего сопротивлялся Банат, который был присоединен к Венгрии только в начале XI в., во времена потомка Глада князя Ахтума. В то же время правый берег Дуная захватила Византийская империя, надолго установив прочную границу между двумя державами.

Археологические памятники IX–XI вв. немногочисленны, но все же их достаточно для того, чтобы составить предварительную археологическую карту этой территории. Поселений IX в. мало в Бачке и Среме (Чуруг, Футог, Оджац, Нови-Сад, Земун), но, судя по результатам раскопок и особенно разведок, они многочисленны в Банате (Санад, Падей, Добрица, Долово, север Баната, окрестности Вршаца, окрестности Панчево и другие). Поселения Бачки и Срема, с одной стороны, демонстрируют преемственность с культурой переходного периода, с другой, свидетельствуют о миграциях и приходе нового населения. Кроме того, поселения в Банате отражают влияние дунайской культуры, основанной в первую очередь на славянской гончарной традиции, которая непрерывно сохраняется на правом берегу Дуная и близ Же-

лезных ворот на протяжении всего периода. С приходом венгров поселения в Бачке опустели, в то время как в Банате они существовали на протяжении всего X в. (Панчево, Ливаде) и начала XI в., когда на обширной территории Паннонской равнины возникла новая материальная культура зрелого Средневековья.

Vojislav Djordjević, Emina Zečević, Vesna Mijatović
(Pančevo / Belgrade, Serbia)

The archaeological-historical situation in the Serbian Danube region from the beginning of the 9th to the beginning of the 11th centuries

The consequences of the collapse of the Avar khaganate in the Pannonian Basin at the end of the eighth and beginning of the ninth centuries were also noticeable in the Serbian Danube region, where two great European powers of that time, the Frankish Empire in the West and Bulgaria in the East, had entered the historical arena. In the ninth century, almost the entire territory of the Serbian Danube region was part of Bulgaria, i.e. local principalities subordinated to Bulgarian rule. This situation persisted until a new great historical event, the Hungarian invasion of the Carpathian Basin at the very end of the ninth century, took place. During the Hungarian conquests, the Principality of Glad in Banat and the Principality of Salan in Bačka remained under Bulgarian rule, while Srem and the right bank of the Danube with the Iron Gate were integral parts of the Bulgarian Empire itself.

The Hungarian occupation of these territories from the beginning of the 10th century is described in later historical sources and it seems to have been a long process. Some areas became part of the Hungarian state early on (Bačka, Srem), while Banat resisted the longest and was not annexed to Hungary until the beginning of the 11th century, during the time of Prince Ahtum, a descendant of Glad. At the same time, the right bank of the Danube was occupied by the Byzantine Empire, permanently establishing a solid border between the two powers.

There are only a few archaeological sites from the 9th and 11th centuries, but there are still enough to make a preliminary archaeological map of the area. There are only a few 9th century settlements in Bačka and Srem (Črug, Futog, Odžaci, Novi Sad, Zemun) but, judging by excavations and especially by surveys, they are numerous in Banat (Sanad, Padej, Dobrica, Dolovo, northern Banat, around Vršac and Pančevo, etc.). The settlements of Bačka and Srem, on the one hand, show continuity with the culture of the transition period while, on the other hand, they testify to migrations and the arrival of a new population. Moreover, the settlements in Banat reflect the influence of the Danube culture primarily on the Slavic pottery tradition,

which is continuously preserved on the right bank of the Danube and at the Iron Gates throughout the whole period. With the arrival of the Hungarians, the settlements in Bačka were abandoned and deserted, while in Banat they existed throughout the 10th century (Pančevo, Livade) and the beginning of the 11th century, when a new material culture of the High Middle Ages emerged in the vast area of the wider Pannonian Plain.

Секција 1-1. Привреда Словена у 1. миленијуму н.е.
Секция 1-1. Хозяйство славян в 1 тысячелетии н.э.
Section 1-1. The economy of the Slavs in the 1st millennium AD

Власта Евгеньевна Родинкова (Москва, Россия), Елена Викторовна Пономаренко (Оттава, Канада), Екатерина Георгиевна Ершова (Москва, Россия), Светлана Арсеньевна Сычева (Москва, Россия), Людмила Сергеевна Шумиловских (Гёттинген, Германия)

**Ранние славяне Днепроовского лесостепного Левобережья:
характер земледелия и взаимодействие с природной средой**

Доклад представляет результаты мультидисциплинарного изучения поселения Куриловка 2 (Курская область, Россия), позволяющие реконструировать некоторые аспекты взаимодействия древнего населения со средой обитания и выявить маркеры тех или иных систем землепользования.

Памятник расположен в северной части Днепроовского лесостепного Левобережья, занимает останец в пойме при впадении реки Суджа в реку Псел. Кроме археологических, были проведены палеопочвенные, палинологические, антракологические исследования, анализ макроостатков, радиоуглеродное датирование.

Судя по имеющимся материалам, человек появился на этой территории в неолите, но активное ее освоение происходило во II–VIII вв. носителями раннеславянских позднезарубинецких, раннекиевских, колочинских, ранневолынцевских (сахновских) культурных традиций. В начале позднего голоцена здесь рос широколиственный лес, под которым сформировалась серая лесная почва. Судя по большому количеству золы и угля в нижней части почвенного профиля, деревья были уничтожены огнем. Особенности морфологии этих пирогенных горизонтов свидетельствуют о том, что лес был сведен под сельскохозяйственные угодья, а не сгорел естественным путем. В пылевых спектрах доминирует береза (индикатор вторичного леса), присутствуют другие ран-

несукцессионные виды, рудеральные растения и культурные злаки, что характерно для лесных почв, прошедших несколько циклов подсечного земледелия. Выращиваемые культуры представлены находками фитолитов проса и зерен проса и пшеницы. Какое-то время местность была открытой и использовалась как луг/пастбище: кости землеройных животных, обожженные побеги трав и колючих кустарников, семена маревых. Нижняя часть культурного слоя, коррелирующая с пирогенными горизонтами, содержит исключительно лепную раннеславянскую керамику. Это позволяет связывать описанную хозяйственную деятельность с поздnezарубинецким и/или раннеколочинским населением.

В 120 м от поселения изучен фоновый палинологический разрез, демонстрирующий региональное изменение растительности. Его анализ позволил реконструировать доминирование смешанных лесов с преобладанием дуба с 500 г. до н.э. до XVII–XVIII вв. Выделяются три фазы антропогенного влияния: 1) между 50 г. до н.э. и 350 г. н.э.; 2) между 850 и 1350 гг.; 3) с XVII–XVIII вв. по сей день. Часть первой фазы коррелирует с поздnezарубинецким и раннекиевским этапами. Пыльцевые спектры V–VIII вв., синхронные колочинскому и сахновскому этапам, показывают слабый сигнал присутствия человека. Это может свидетельствовать о небольшом влиянии населения на окружающую среду, не выходявшем за пределы поселенческой зоны.

Vlasta Rodinkova (Moscow, Russia), Elena Ponomarenko (Ottawa, Canada), Ekaterina Ershova (Moscow, Russia), Svetlana Sycheva (Moscow, Russia), Ludmilla Shumilovskikh (Göttingen, Germany)

The early Slavs in the forest-steppe zone of the Dnieper Left Bank region: the nature of agriculture and human-environment interaction

The paper presents the results of a multidisciplinary study of the Kurilovka 2 settlement (Kursk region, Russia), which aimed at reconstructing some aspects of the interaction of the ancient Slavs with the environment and to identify markers of certain land use systems, in particular, slash-and-burn agriculture.

The site is located in the northern part of the forest-steppe zone of the Dnieper Left Bank region. It occupies the remnant of a low terrace on the floodplain at the confluence of the Sudzha and Psel rivers. Archaeological finds attest for a human presence here since the Neolithic, but active development of the territory took place only in early Slavic times (2nd–8th centuries). This was connected with the bearers of the late Zarubintsy, early Kiev, Kolochin, and early Volyntsevo (Sakhnovka) cultural traditions. In addition to the archaeological investigations, we carried out paleopedological,

palynological and anthracological studies, a macrofossil analysis, and radiocarbon dating at the settlement and in its surroundings.

Our data show that, at the beginning of the late Holocene, the immediate surroundings of the study area were covered with broad-leaved forest on dark gray forest soils. The forest was burned shortly before the occupation of the site, which is indicated by a large quantity of ash and charcoal in the horizons at the contact between the buried forest soil and superposed anthropogenic deposits in the northern part of the remnant. The morphology of these pyrogenic horizons, the shape and size of the charcoal fragments and the low proportion of charred bark indicate that deforestation was caused by clearance for agriculture rather than wildfires. The pollen spectra from the basal part of the soil profile are characterized by the domination of birch (an indicator of secondary forest) and the presence of other early successional species (willow-herb), anthropochoric plants, and cultivated cereals. Such spectra are typical for the forest soils affected by several cycles of swidden agriculture. Panicoid (millet) phytoliths and charred grains of millet and wheat were found among macrofossils from the layer, indicating that these crops were cultivated at the site. Moreover, finds of the bones and teeth of fossorials, the charred (including re-burned) shoots of prickly shrubs and grasses and *Chenopodium* seeds among the macrofossils evidence that the area was open for some time and was used as grassland/pasture. The lower part of the occupation layer correlating with the pyrogenic soil horizons contains only handmade early Slavic pottery. This allows us to associate the above-described agricultural activity with the early Slavs, presumably the late Zarubintsy and early Kolochin populations.

The off-site palynological archive “Sudzha” was studied at 120 m from the Kurilovka 2 settlement. It provides a picture of regional vegetation changes. The dominance of broad-leaved forest with the predominance of oak is reconstructed in the region from 500 BC up to the 17th–18th centuries. Three major settlement phases are visible in the pollen record: 1) between ~ 50 BC to 350 AD; 2) between 850 and 1350 AD; 3) from 17th–18th centuries to the present day. The first phase partly correlates with the late Zarubintsy and early Kiev stages of the site’s development. However, a rather poor sign of human impact is detected during the 5th–8th centuries AD, synchronous with the Kolochin and Sakhnovka stages. A low contribution of anthropogenic indicators to the regional pollen spectrum may point to a quite limited influence of the early Slavic population on the environment that was restricted to the settlement zone.

Евгений Александрович Шинаков, Артур Артурович Чубур,
Валерий Николаевич Гурьянов (Брянск, Россия)

Влияние природной среды на хозяйственные и этнические процессы в восточнославянском ареале (на примере Среднего Подесенья)

Проблема: взаимосвязи этнического и природно-хозяйственно-го факторов в зоне расселения восточных славян.

Хронотоп: Среднее (Брянское и Новгород-Северское) Подесенье, Нижнее Посеймье, Верхнее Поочье в I тыс. н.э.

Физико-географический контекст: граница лесной и лесостепной зон с участками как долинно-зандровых лесов, так и возвышенных ополей и их «аналогов» (отрогов лесостепи – степков) и промежуточных по природно-хозяйственным свойствам микрорегионов.

Этническая обстановка: продвижение с юга на север нескольких волн нового, хотя и этнически родственного населения, в том числе и чисто славянского. Субстрат – балты, затем балто-праславяне («венеды» киевской и колочинской культур). Итог: формирование в основе славянской роменской культуры при ассимиляции части колочинского населения и возможном участии тюрко-болгарских и мадьярских элементов (древности типа Волынцево). Она сменяется на рубеже II тыс. н.э. культурой Древней Руси.

Природно-хозяйственный аспект процессов: смена систем земледелия (орудий и способов обработки почв), связанная с частичной сменой населения, пришедшая часть которого выбирала иные, чем у автохтонов, типы ландшафтных микрорегионов, а также с изменением демографической и экологической ситуации. Именно природно-хозяйственные факторы способствовали относительно мирному характеру славянского расселения в регионе (военные конфликты все же были, о чем свидетельствуют находки в Случевске). По мнению ряда исследователей, перелом в технике земледелия происходит в середине I тыс. н.э., новации передаются постепенно от черняховской культуры до волынцевских древностей. Именно для этого хронотопа характерны цельнодеревянные рала «дабергоцкого типа», распространенные, кроме Подесенья, в славянских землях на пограничье современных Польши и Германии (одно из них датировано по ^{14}C – 733 ± 80 г.). При этом на окраинах лесных массивов, где подсечно-огневое земледелие было более продуктивным, автохтонное дославянское и праславянское население продолжает его использовать, постепенно переходя к лесному перелугу с использованием сохи. Пришедшее же славянское население, напротив, осваивало ополья, степки и реже – промежуточные микрорегионы.

Evgeny Shinakov, Artur Chubur, Valery Guryanov (Bryansk, Russia)

The impact of the natural environment on economic and ethnic processes in the East Slavic area, based on the example of the Middle Desna region

The paper deals with the relationship between ethnic and natural economic factors in the settlement area of the Eastern Slavs. The focus is on the Middle Desna region (between Bryansk and Novgorod-Seversky), including the lower Sejm and upper Oka regions in the 1st millennium AD (after 150 AD). The physical-geographical context is the border of the forest and forest-steppe zones with areas of both forested sandy plains and elevated open areas and their “analogues” (spurs of the forest-steppe and steppe), as well as intermediate micro-regions in terms of natural and economic conditions.

The ethnic situation is characterised by the movement from south to north of several waves of a new, albeit ethnically related, population, including genuine Slavs. The substratum was the Balts, then the Balto-Proto-Slavs (the “Veneds” of the Kiev and Kolochin cultures). This process resulted in the formation of the Romny culture based on the Slavic immigrants, along with the assimilation of the Kolochin population and possible Turco-Bulgarian and Magyar influences (antiquities of the Volyntsevo type). It was replaced at the turn of the 2nd millennium AD by the Ancient Rus’ culture.

Concerning the natural and economic aspects of this process, a change in the agricultural system (tools and methods of soil cultivation) due to a partial change in population can be stated. The immigrants preferred other natural conditions for their agricultural activities than the autochthons did. As further reasons for the changing agricultural system, general demographic and ecological changes are considered. It was first of all natural and economic factors that enabled a relatively peaceful spread of the Slavs (there were still military conflicts, as is evidenced by the finds in Sluchevsk). The turning point in soil cultivation techniques is thought to have occurred in the middle of the 1st millennium AD. The innovations were transferred gradually from the Chernyakhov culture to that of the Volyntsevo antiquities. Solid wooden ards of the Dabergotz type were characteristic for this time. Except for the Desna region, these were widespread over the Slavic territory in the borderlands of Poland and Germany (one of them is dated by ^{14}C to 733 ± 80 AD). At the same time, on the outskirts of the woodlands, where slash-and-burn agriculture was more productive, the autochthonous pre- and proto-Slavic population continued to practice it, gradually transforming this practice into forest conversion using sokha-type ploughs. The new Slavic

population, on the contrary, used the sandy plains (“opolye”), steppes and, less often, the intermediate micro-regions.

*Supported by the Russian Foundation for Basic Research,
grant 18-45-320001.*

Любомир Михайлина, Сергій Пивоваров, Сергій Горбаненко
(Київ, Україна)

Сільське господарство мешканців ревнянської агломерації (остання чверть I тис. н.е.)

Ревнянське гніздо поселень VIII–X ст. (Кіцманський район, Чернівецька область, Україна,) разом із ресурсною базою розташоване на обох берегах річки Прут на території сіл Ревне, Стрілецький Кут, Бурдей, Мамаївці та Лужани, є однією з відомих непересічних пам’яток слов’янського племінного угруповання східних хорватів в Українсько-Прикарпатті.

Ревнянська агломерація розташована в оптимальних природних умовах та існувала в період кліматичного оптимуму, що є гарним підґрунтям для ведення сільського господарства. Археологічні дослідження тут під керівництвом Б.О. Тимошука і згодом М.П. Михайлини тривають з перервами із 1972 р. дотепер. Виявлено повний набір знарядь хліборобства, знаряддя тваринництва й мисливства, а також об’єкти, що характеризують ці галузі. Проведено археозоологічні й палеоетно-ботанічні визначення матеріалів. Таким чином накопичилась повноцінна база даних для оцінки сільського господарства.

Загальна оцінка, а також порівняльний аналіз, засвідчують високий рівень розвитку обох галузей сільського господарства, максимальний для ареалу райковецької культури. Оцінка привласнювальних форм господарювання підтверджує його другорядну роль.

Lubomyr Mykhailyna, Sergii Pyvovarov, Sergii Gorbanenko
(Kyiv, Ukraine)

Agriculture of the inhabitants of the Revne settlement cluster (last quarter of the 1st millennium AD)

The 8th–10th century Revne settlement cluster (Chernivtsi region, Ukraine) is located together with its resource base on both banks of the Prut River and includes the territory of the villages of Revne, Striletskii Kut, Burdey, Mamaivtsi and Luzhany. It is one of the well-known continuously inhabited settlement sites of the Slavic Eastern Croats in the Ukrainian Carpathians.

The Revne settlement cluster was situated in an optimal natural environment; it existed during the climatic optimum and had, therefore, very good conditions for agriculture.

Archaeological excavations have been carried out with some interruptions since 1972 by B.O. Tymoschuk and later by M.P. Mykhailyna. Tools for farming, animal husbandry and hunting were found, as well as other objects characterising these economic activities. Furthermore, archaeozoological and palaeoethnobotanical investigations have been carried out. Thus, a comprehensive database for the assessment of the agriculture has been accumulated.

The general assessment and the comparative analysis show a high level of development for both branches of agriculture, which is considered to be the most developed on the territory of the Rayky culture. The assessment of appropriate forms of subsistence economy revealed their secondary role.

Леонид Александрович Вязов (Казань, Россия), Елена Викторовна Пономаренко (Оттава, Канада), Юлия Анатольевна Салова (Казань, Россия), Екатерина Георгиевна Ершова (Москва, Россия), Михаил Сергеевич Блинников (Сент-Клоуд, США)

Подсечное земледелие на восточной периферии раннеславянского мира: система землепользования в Среднем Поволжье во второй-третьей четвертях I тыс. н.э.

За неимением четких археологических признаков подсеки, ее применение априорно реконструируется для населения всех культур лесной зоны, в материалах которых неизвестны пахотные орудия. Напротив, появление железных наральных в лесостепных, а позднее и лесных памятниках обычно интерпретируется как свидетельство перехода населения к пашенному земледелию.

Появившиеся в последние годы возможности междисциплинарных исследований с использованием палеопочвенных, археоботанических, палинологических и фитолитных данных позволяют реконструировать технологии обработки почвы на основании непосредственных наблюдений.

Проведенные нами исследования памятников Среднего Поволжья второй-третьей четвертей I тыс. н.э. показали, что подсечное земледелие применялось как населением, не имевшим археологически представленных пахотных орудий, так и группами, использовавшими железные наральники.

Так, хозяйственная система средневожского варианта киевской культуры (III–IV вв.) строилась на освоении пойменных ландшафтов и

ограниченном применении подсек в сочетании с придомным животноводством. Несмотря на несомненное наличие земледелия, объем зернового производства у этих групп оставался незначительным.

С распространением в средневожском регионе именьковской культуры (V–VII вв.) в хозяйственной системе происходят существенные изменения. Для именьковского комплекса характерен выраженный «подсечный» характер, включающий следующий набор признаков:

- наличие специфического пирогенного «гумусового» горизонта мощностью 5–7 см с многочисленными норами роющих пчёл;
- наличие пыльцы культурных злаков в сочетании с фитолитами паникоидов и деревьев;
- наличие в археозоологических материалах существенной доли костей диких животных, в первую очередь – лесных видов (лося и медведя);
- топографическая приуроченность памятников к высоким, хорошо проветриваемым мысам.

Орудийный комплекс именьковского населения при этом включает многочисленные (наибольшее количество среди синхронных памятников Восточной Европы) железные наральники, что говорит о формировании в Среднем Поволжье специфической системы хозяйствования, сочетавшей освоение обширных залесенных территорий с последующей обработкой ралом, что позволяло получать значительные урожаи, характерные для подсеки, и при этом не менять местообитаний весьма долгое время. Об эффективности хозяйственной системы именьковского населения свидетельствует многочисленность находок известняковых жерновов.

Ряд признаков, характерных для именьковского подсечного земледелия обнаруживается и в синхронных раннеславянских культурах, что позволяет предполагать наличие у ранних славян схожей системы земледелия.

Leonid Vyazov (Kazan, Russia), Elena Ponomarenko (Ottawa, Canada),
Yulia Salova (Kazan, Russia), Ekaterina Ershova (Moscow, Russia),
Mikhail Blinnikov (Saint Cloud, USA)

Swidden agriculture at the eastern periphery of the Early Slavic oikumene: a land-use system in the Mid-Volga region during the second and the third quarters of the first millennium CE

In archaeology, swidden agriculture was a priori attributed to the populations of all cultures of the forest zone that have no record of tillage tools. On the contrary, the introduction of iron ploughshares in the for-

est-steppe and, later, forest zone is usually interpreted as evidence of transitioning to arable farming.

Meanwhile, the techniques of soil cultivation can be reconstructed utilizing a recently developed approach that combines paleopedological, archaeobotanical, palynological, and phytolith data.

The study of our research group revealed that in the Middle Volga region of the 200-700 CE, slash-and-burn farming was used both by the populations that did not have arable tools on archaeological record and by the groups that used iron ploughshares.

Thus, the economic system of the Middle Volga variant of the Kiev culture (3rd–4th centuries CE) was based on the development of floodplain landscapes, utilizing the swidden techniques in combination with local livestock breeding. Despite the undoubted use of agriculture, the scale of crop production for these groups remained insignificant.

With the spread of the Imen'kovo culture (5th–7th centuries CE) in the Middle Volga region, the economic system has changed dramatically. The Imen'kovo sites have a distinct “swidden” character, which includes the following features:

- a specific pyrogenic “humic” horizon 5-7 cm thick with numerous burrows of bees;
- pollen of cereals in combination with phytoliths of panicoids and trees;
- a significant proportion of game bones of wild animals, primarily forest species (elk and bear) in archaeozoological collections;
- elevated and well-ventilated site locations.

The combination of swidden markers with the Imen'kovo tool set that includes numerous iron ploughshares (the largest number among the synchronous sites of Eastern Europe), indicates the formation of a specific economic system in the Middle Volga region, which combined local clearance of vast forested areas with the subsequent arid tillage.

As it is typical for the slash-and-burn agriculture, this system provided abundant yield, but at the same time did not demand frequent movements of population. The efficiency of the economic system of the Imen'kovo population is evidenced by a large number of millstones.

A number of features characteristic for the Imen'kovo slash-and-burn agriculture were also typical for synchronous Early Slavic cultures, which suggests that the Early Slavs might have a similar farming system.

Владимир Игоревич Завьялов, Наталья Николаевна Терехова
(Москва, Россия)

Восточнославянская модель железообрабатывающего ремесла (вторая половина I тыс. н.э.)

На протяжении второй половины I тыс. н.э. происходит формирование славянской модели железообрабатывающего ремесла. Под технологической моделью мы понимаем совокупность трёх взаимосвязанных составляющих: технико-технологический стереотип (ТТС), производственные традиции и инокультурные влияния. ТТС включает определённый набор и соотношение признаков, характеризующих материал, категориальный состав, приёмы и способы изготовления изделий. ТТС в кузнечном деле представляет устойчивый элемент культуры, передача которого из поколения в поколение составляет суть производственных традиций.

В основе славянской модели лежит ТТС, характеризующийся использованием простых технологий. Кузнечные изделия отковывались целиком либо из железа, либо из сырцово́й стали (продукта металлургического производства). При этом мастерам были известны способы цементации и наварки, а также термическая обработка. Однако доля этих приёмов невелика. Обращает на себя внимание появление в конце I тыс. н.э. такого высокотехнологичного приема, как наварка стального лезвия на железную основу. Это свидетельство динамичного развития славянского кузнечного дела.

Истоки наварной технологии восточных славян прослеживаются в ремесленных традициях западнославянского мира. Уже в VII–VIII вв. эта технология фиксируется на территории будущей Великой Моравии и в междуречье Вислы и Одера. В это же время единичные образцы появляются и на восточнославянских памятниках. Постепенно технология наварки становится характерной чертой всей славянской производственной традиции.

На основании результатов археометаллографических исследований можно говорить и о характере взаимодействия славянских и инокультурных традиций. Аналитические данные свидетельствуют о том, что распространение в IX–X вв. у славян инновационной технологии трёхслойного пакета не вытесняет наварку. Объяснить это можно преимуществами наварки перед пакетированием: экономией стали и универсальностью, то есть возможностью использования на разных категориях предметов. Не исключено, что сыграла роль и дань славянским кузнечным традициям.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект 19-18-00144.

Vladimir Zavyalov, Natalya Terekhova (Moscow, Russia)

The Eastern Slavic blacksmithing model (second half of the 1st millennium AD)

The formation of the Slavic blacksmithing model took place during the second half of the 1st millennium AD. The term ‘technological model’ is understood as a set of three interdependent components: technical-technological stereotypes, production traditions, and foreign cultural influences. The technical-technological stereotype includes a certain set and ratio of features that characterize the material, categorical composition, techniques and methods of manufacturing items. The technical-technological stereotype in smithery is a stable element of culture. Its consolidation and transfer from generation to generation is the essence of production traditions.

The Slavic model was based on a technical-technological stereotype, characterized by the use of simple technologies. Iron objects were forged either entirely from iron or from bloomery steel (a direct product of the bloomery process). At the same time, the masters knew the methods of carburizing and welding, as well as heat treatment. However, the sharing of these techniques in the period under review was limited. Attention is drawn to the appearance at the end of the 1st millennium AD of such a high-tech technique as welding a steel blade onto an iron base. This indicates that the Slavic blacksmith’s craft was under a dynamic development.

The origins of welding technology among the Eastern Slavic tribes can be traced in the craft traditions of the Western Slavic world. Welding technology is recorded in the territory of future Great Moravia and between the Vistula and the Oder, dating back as far as the 7th–8th centuries. At the same time, single artefacts made with welding technology appeared at the Eastern Slavic sites. Gradually, this welding technology became a characteristic feature of the Slavic manufacturing tradition.

Based on the results of archaeometallographic studies, it is possible to speak about the nature of the interrelations of Slavic and foreign cultural production traditions. Analytical data indicate that the appearance and distribution of an innovative technology (three-fold welding) at Eastern Slavic sites in the 9th–10th centuries did not displace the rewelding technology. This fact can be explained by certain advantages of rewelding technology over a three-fold welding: economy of steel and versatility (that is, the possibility of using it on various categories of tools and weapons). However, it is also possible that a tribute to Slavic blacksmithing traditions played a role here, too.

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project 19-18-00144.

Виталий Леонидович Щербаков (Кострома, Россия)

**Восточнославянское влияние на производственную культуру
средневекового населения Костромского Поволжья
(по материалам кузнечного ремесла)**

Этнический состав жителей Костромского Поволжья не оставался однородным на протяжении Средневековья. На территорию, занятую в VIII–XI вв. финно-угорским населением, в конце XI в. распространяется древнерусская колонизация, связанная с перемещением смешанного славяно-финно-угорского населения в основном из юго-западных районов – из Ростово-Суздальской земли.

Эти изменения нашли выражение в производственной сфере. В VIII–XI вв. в Костромском Поволжье преобладали кузнечные изделия, изготовленные без использования технологической сварки. Здесь были известны ножи с трехслойным лезвием, но их количество оставалось небольшим. В XII–XIII вв. с приходом нового славяно-финно-угорского населения широко распространяются предметы, изготовленные с использованием технологической сварки. Среди сварных ножей преобладают орудия с наваренным лезвием.

Исследование основано на результатах археометаллографического изучения кузнечных изделий из памятников VIII–XIII вв.

Vitalii Shcherbakov (Kostroma, Russia)

**East Slavic influence on the production culture of
the medieval population of the Kostroma Volga region
(based on blacksmithing materials)**

The ethnic composition of the population of the Kostroma part of the Volga River did not remain homogeneous throughout the Middle Ages. The territory occupied by the Finno-Ugric population in the 8th –11th centuries was subjected to Ancient Rus' colonization at the end of the 11th century. This process was connected with the relocation of a mixed Slavic-Finnic-Ugric population mainly from the south-western regions – from the Rostov-Suzdal land.

These changes were reflected in the production sphere. In the 8th –11th centuries in the Kostroma Volga region, blacksmith's products made without the use of technological welding predominated. Knives with a three-layer blade were known to the local population, but their number remained small. In the 12th –13th centuries, with the arrival of the new Slavic-Finno-Ugric population, objects made with the use of technological welding were

widely distributed. Among the welded knives, tools with a welded blade predominate.

The investigation that is presented in the paper is based on the results of archaeometallographic analysis of blacksmith items from 8th–13th century archaeological sites.

Борис Евгеньевич Янишевский (Москва, Россия)

Линейный и волнистый орнамент на славянской керамике, его происхождение и распространение

Орнамент на славянской керамике, в основном представленной горшками, обладает общими элементами, из которых остановимся только на линейном и волнистом орнаментах.

Ранняя (лепная) славянская керамика практически не орнаментировалась, если не считать тычков или насечек по венчику и иных редких видов отпечатков. На лепных сосудах появляется и орнаментация многозубым колесиком или штампом, для которого не нужно вращение сосуда на гончарном круге. Распространен был и орнамент из отдельных прочерченных линий, зачастую пересекающихся. С медленным гончарным кругом появляются линейный и волнистый орнаменты, выполненные одиночным широким острием или многозубым инструментом. При использовании славянами быстрого гончарного круга линейный и волнистый орнамент, сделанный многозубым или «гребенчатым» инструментом, сохранил преобладание. Этот инструмент применялся долго. В частности, в Московской Руси пояса из отпечатков гребенчатого штампа наносились на кувшины до XV–XVI вв.

Происхождение этих орнаментов до конца не установлено (в позднеримское время линейный и волнистый орнамент известен на сосудах, выполненных на быстром круге, в ряде регионов Римской империи, в черняховской, пшеворской и других культурах), штампованный, линейный и волнистый орнаменты были на сосудах, выполненных на медленном круге, в культуре лимигантов с середины IV в. С середины VII в. такая посуда широко распространяется в Подунавье и ряде связанных с ним регионов (так называемый дунайский тип). Лепные сосуды с линейным и волнистым орнаментами у некоторых групп славян отмечаются с VII в. На юге славянского мира повсеместно используется быстрый гончарный круг, и к VIII в. эти виды орнаментов становятся преобладающими. С VIII–IX вв. гончарный круг и рассматриваемый орнамент постепенно укореняется на северо-западе мира славян. В Среднем Поднепровье он получает распространение с IX в., в южном Поочье к началу XI в., в северной части Волго-Окского междуречья к концу XI в.

Boris Yanishevskiy (Moscow, Russia)

The linear and wavy ornamentation on Slavic pottery, its origin and distribution

While the ornamentation on Slavic ceramics, mainly represented by pots, has several common elements, the paper focusses on the linear and wavy styles of decoration.

Early (handmade) Slavic pottery is practically unornamented, apart from impressions, incisions on the rim or other rare types of imprints. On handmade vessels, ornamentation by means of small multiline cogs or dies, which does not require turning the vessel on a pottery wheel, also appears. Patterns made of separate incised lines, often crossing each other, were also widespread. Linear and wavy ornamentation appeared with the use of a slow pottery wheel. They were made by one wide and sharp or multi-toothed tool. When the Slavs began to use a fast pottery wheel, linear and wavy ornamentation, applied by a multi-toothed, or “comb” tool, remained predominant. This comb tool was used for a long time. In particular, in the Moscow Rus', belts of comb stamp imprints were applied to jugs up until the 15th–16th centuries.

The origin of this ornamentation has not been fully determined. Linear and wavy patterns can be found on wheel-made vessels of the Late Roman Period in several regions of the Roman Empire, as well as in the Chernyakhov, Przeworsk and other cultures. Stamp impressions, linear and wavy patterns were applied to the pottery of the Limigant culture, made on a slow wheel from the mid-4th century onwards. From the middle of 7th century, such vessels were widely distributed in the Danube region and several related territories (the so-called Danube type). Handmade pottery with linear and wavy ornamentation can be found sporadically among some Slavic groups beginning in the 7th century. In the south of the Slavic world, the fast pottery wheel was used everywhere and by the 8th century these types of ornamentation became predominant. From the 8th–9th centuries onwards, the pottery wheel and the ornamentation in question gradually took roots also in the north-west of the Slavic world. In the Middle Dnieper area, it became widespread from the 9th century onwards, in the southern Oka region by the beginning of the 11th century, and in the northern part of the Volga-Oka interfluves by the end of the 11th century.

Секција 1-2. Словенско паганство
Секция 1-2. Славянское язычество
Section 1-2. Slavic paganism

Душан Николић (Београд, Србија)

**Глинени „хлебови“ на простору јужне Паноније
и Централног Балкана током 6-7. века**

Глинени „хлебови“ или „култни хлебови“ се током 6–7. века јављају на широком простору Источне и Централне Европе, и то искључиво на ранословенским насељима, углавном на територији Прашке културе (5–7. век). У археолошкој литератури познати супод термином глинени „хлеб“ или „култни хлеб“, јер по облику подсећају на хлеб-колач или погачу, те им се приписује магијско-религијско значење, при чему неки истраживачи не искључују и њихову практичну намену. Иако познати у миљеу ранословенских насеља већ дуже време, налази „глинених „хлебова“ све до скоро нису били предмет озбиљнијих анализа. Скорашње студије, које су посвећене овим налазима, подвукле су њихово магијско-религијско значење, при чему је указано и на могућност њиховог тумачења у контексту територијепорекла и праваца миграција Словена. Многезанимљива објашњења изнесена су на основу места њиховог налаза и начина украшавања. Географска распрострањеност глинених „хлебова“ и њихова релација са кућним пећима од скоро једобро картирана од стране Ј. Станчуа. На датој карти дистрибуције глинених „хлебова“ током 6-7. века уочљиво је да на простору Централне Европе, за разлику од Источне Европе, ових налаза има јако мало, док су на простору јужно од Дунава познати само са налазишта Гарван у Бугарској. На основу анализе објављене грађе можемо закључити да су на територији јужне Паноније односно АП Вовјодине и Централног Балкана на насељима 6-7. века, која су приписана Словенима, глинени „хлебови“ познати само са налазишта Падеј-Вишњевача (6–7. век) и Ритопек-Река (6–11. век). Међутим, они до сада нису адекватно објављени, тј. приказани. С тога, у овом раду, поред њиховог објављивања, биће дат кратак преглед интерпретација и контекста налаза глинених „хлебова“. Главни циљ овог рада је да постави питање, и понуди могућ одговор, зашто су глинени „хлебови“, који се за разлику од осталих елемената прашке културе (куће са каменим пећима у углу, керамика прашког типа, спаљени гробови и тако даље), присутни, односно одсутни са ранословенских насеља 6-7. века на територији Србије.

Dušan Nikolić (Belgrade, Serbia)

Clay “breads“ of the 6th –7th centuries in Lower Pannonia and the Central Balkans

So-called clay breads occurred over a wide area of Eastern and central Europe during the 6th–7th centuries. They are found exclusively in early Slavic settlements, mainly within the territory of the Prague culture (5th–7th centuries). Since their shape resembles that of a bread cake or a loaf of bread, they have been assigned a magical-religious meaning, though some researchers do not exclude their practical use. However, in archeological literature they are known as “clay breads” or “cult breads”. Although known in the milieu of Early Slavic settlements for a long time, the findings of clay breads were not the subject of serious analysis until recently. Recent studies, which are dedicated to these findings, have underlined their magical-religious meaning, and also pointed out the possibility of an interpretation in the context of the territory of their origin and the directions of migration of the Early Slavs. Many interesting explanations have been proffered, based on the places in which they were found and the method of decoration used. The geographical distribution of clay breads and their relation to domestic ovens has been well mapped recently by I. Stanciu. On Stanciu’s distribution map of clay breads during the 6th–7th centuries, it is noticeable that in the area of Central Europe, unlike in Eastern Europe, there are very few of these finds and in the area south of the Danube they are known only from the Garvan site in Bulgaria. Based on the analysis of the published material, we conclude that in the territory of southern Pannonia, i.e. the autonomous province of Vojvodina and the central Balkans, at settlements of the 6th–7th centuries, which are attributed to the Early Slavs, clay breads are known only from the sites of Padej-Višnjevača (6th–7th centuries) and Ritopek-Reka (6th –11th centuries). However, they have not been adequately published so far. Therefore, the focus of the paper is, in addition to the presentation of the investigated objects, on a brief overview of the interpretations and contexts of clay breads. The main goal of this paper is to answer the question of why clay breads, unlike other features of the Prague culture (such as houses with stone ovens in the corner, Prague-type pottery, cremation burials, etc.), are missing in the early Slavic settlements of the 6th –7th centuries on the territory of Serbia.

Ольга Алексеевна Щеглова (Санкт-Петербург, Россия)

**«Возвращение» Велестинского клада.
К 100-летию обнаружения комплекса**

Публикация монографического исследования части знаменитого Велестинского клада, хранящейся в коллекции Художественного музея Принстона, осуществленная Ф. Куртой и Б.Ш. Шмониевским (F. Curta, B.S. Szmoniewski. The Velestino Hoard. Casting Light on the Byzantine 'Dark Ages'. New Approaches to Byzantine History and Culture. 2019) привлекла внимание исследователей и уже вызвала дискуссию. Авторы монографии приходят к выводам о том, что велестинские фигурки служили в качестве зеркальных моделей для отливки изделий, выполненные по ним предметы не могут рассматриваться ни как изображения персонажей славянского пантеона, ни как атрибуты неких шаманских практик (как считал Й. Вернер), а отражают рецепцию византийской христианской культуры представителями периферийных элит на рубеже VII–VIII вв.

Картирование многочисленных находок, сделанных в последние годы как в ходе археологических раскопок, так и в результате деятельности «черных копателей», показывает широкое распространение отливок и шаблонов для изготовления фигурок «мартыновского типа» на территории пражской и пеньковской культур, а также на Северном Кавказе (И.Р. Ахмедов). Среди них есть близкие стилистические и сюжетные аналоги велестинским фигуркам из Принстонской коллекции. С одной стороны, независимые находки сходных экземпляров ещё раз подтверждают подлинность велестинской коллекции, которая подвергалась сомнению. С другой стороны, связь большинства находок с памятниками пражской, пеньковской и колочинской культур, значительно удаленными от границ Империи, не позволяет однозначно интерпретировать их, как свидетельство осмысленного использования христианского символизма в мелкой металлопластике. Импульс византийской культуры в VII веке прослеживается по редким находкам серебряной посуды и её фрагментов в кладах, в области ювелирного дела – по некоторым элементам ранних антрополоморфных фибул (также распространенных почти исключительно в Среднем Поднепровье и в Крыму). Преувеличивать его объем и значение не стоит, особенно в области интерпретации идеологических представлений.

Olga Shcheglova (Saint Petersburg, Russia)

**The “return” of the Velestino Hoard:
The 100th anniversary of the discovery of the complex**

The monographic publication of a part of the famous Velestino Hoard, kept in the collection of the Princeton University Art Museum, by F. Curta and B. Szmoniewski (The Velestino Hoard. Casting Light on the Byzantine ‘Dark Ages’. New Approaches to Byzantine History and Culture. 2019) has attracted the attention of researchers and has already induced a discussion. The authors come to the conclusion that the Velestino figurines served as mirror inverted models for casting items, and that the produced objects cannot be considered either as depictions of Slavic pantheon members, or as attributes of certain shamanic practices (as J. Werner assumed), but reflect instead the reception of Byzantine Christian culture by representatives of local elites at the turn of the 7th–8th centuries.

Mapping of numerous recent finds has demonstrated the widespread use of castings and templates for making figurines of the “Martynovka type” in the territory of the Prague and Penkovka cultures, and also in the North Caucasus (I. Akhmedov). Among them there are close stylistic analogues to the Velestino figurines from the Princeton collection. On the one hand, independent finds of similar items can confirm the authenticity of the Velestino collection, which has been repeatedly questioned. On the other hand, the close association of most of the finds with sites of the Prague, Penkovka and Kolochin cultures, which are far away from the borders of the Empire, does not allow the small, metal objects to be unambiguously interpreted as evidence of a conscious use of Christian symbolism. The impact of the Byzantine culture in the 7th century can be traced by rare finds of silverware and its fragments in hoards, and – in the field of jewellery – by some elements of early anthropozoomorphic fibulae (distributed almost exclusively in the Middle Dnieper area and in Crimea). However, its amount and significance should not be exaggerated, especially in the field of interpreting ideological representations.

Никос Чаусидис, Игор Ефтимовски
(Скопје / Ресен, Северна Македонија)

**Словенските многуглави идоли – распространетост,
генеа и значење**

Археолошките наоди, историските извори и прежитоците во фолклорот покажуваат дека многуглавоста била едната од најчестите

карактеристики на култните објекти кои, со поголем или помал степен на сигурност, се определуваат како словенски. Тука ги имаме предвид вертикалните столбовидни предмети со две, три, четири или повеќе човечки глави то јест лица, ориентирани кон разни насоки, кои се јавуваат во поголем (монументален) формат, во нешто помали или во минијатурни димензии, изработени од камен, метал, коска, рог или дрво.

Во трудот најпрво ќе бидат картирани сите такви наоди кои претендираат да го носат предзнакот словенски, а добиената карта ќе се спореди со распространетост на словенските етноси во средниот век и теориите на нивната прапостојбина. Потоа, во добиената карта ќе бидат внесени јадрата на аналогните објекти кои не припаѓаат на старословенскиот културен ареал: западното („келтско/германско“), северното („скандинавско“), јужното („античко-медитеранско“), источното („фино-угриско“) и двете југоисточни јадра („ирано-кавказско“ и „хиндуистичко“). Овие карти, согледани во еден дијахрониски контекст, ќе бидат употребени во откривањето на степенот на сродност на словенските објекти со примерите од посочените околни јадра. Потоа, ова ќе биде употребено во проектирањето на некои можни релации меѓу нив, во согласност и со аргументите што ги нудат и другите научни дисциплини: лингвистиката, историјата (базирана врз древните пишани извори) и генетиката.

На крајот, ќе биде предложено толкување на иконографијата, симболиката и религискиот карактер на овие предмети и тоа врз база на археолошките контексти во кои се тие пронајдени, историските извори во кои се споменуваат, методите на ликовната семиотика и компарирањето со аналогни примери од другите култури. Во тој контекст ќе се направи обид за откривање на карактерот и намената на одделните типови предмети, како и диференцијација на специфичните значења и функции на двоглавите, троглавите и четириглавите идоли и соодветните митски ликови или божества кои стоеле зад нив.

Nikos Chausidis, Igor Eftimovski (Skopje / Resen, North Macedonia)

Slavic polycephalic idols – distribution, genesis and meaning

Archaeological finds, historical sources and remnants of folklore show that polycephaly was one of the most common features of cult objects that, with a greater or lesser degree of certainty, are defined as Slavic. Here we have in mind the vertical columnar objects with two, three, four or more human heads i.e. faces, oriented towards different directions, which appear in a larger (monumental) format, in somewhat smaller or in miniature dimensions, made of stone, metal, bone, horn or wood.

The paper will first map all such finds that seem to bear a Slavic character, and the resulting map will be compared with the area of distribution of Slavic ethnicities in the Middle Ages and with the theories of their original homeland. Afterwards, included within the resulting map will be the nuclei of analogous objects that do not belong to the Old Slavic cultural area: the western (“Celtic/German”), the northern (“Scandinavian”), the southern (“ancient-Mediterranean”), the eastern (“Finno-Ugric”) and the two south-eastern nuclei (“Iranian-Caucasian” and “Hindu”). These maps, observed in a diachronic context, will be used to reveal the degree of similarity between the Slavic objects and the examples from the above-mentioned surrounding nuclei. This will then be used to propose a possible relationship between them, in accordance with the arguments offered by other scientific disciplines: linguistics, history (based on ancient written sources) and genetics.

Finally, an interpretation of the iconography, symbolism and religious character of these objects will be proposed based on the archaeological contexts in which they were discovered, the historical sources in which they are mentioned, the methods of pictorial semiotics and the comparison with analogous examples from other cultures. In this context, an attempt will be made to reveal the character and purpose of the individual types of objects, as well as the differentiation of the specific meanings and functions of the two-headed, three-headed and four-headed idols and the corresponding mythical characters or deities that inspired them.

Рафаэль Сергеевич Минасян (Санкт-Петербург, Россия)

Семантика знака рода Рюриковичей

Принято считать, что знак-тамга в виде трезубца был характерен для культуры сарматов. Появление же таких изображений на вещах, найденных на поселениях оседлых народов, объясняется контактами кочевников с населением античных городов-государств и племенами, жившими в Центральной Европе и лесной зоне Восточной Европы. Есть предположение, что знак Рюриковичей – трезубец – также был заимствован у кочевников.

Однако наличие кочевнических тамг на германских наконечниках копий II–III вв., на оружии, предназначенном для убийства, вызывает недоумение. Либо германцы пользовались чужой непонятной им символикой, либо этот символ у германцев имел собственную семантику. В Старшей Эдде есть упоминание о магических рунах смерти, которые вырезали на оружии, чтобы придать ему губительную силу.

Знак Рюриковичей имеет важное культурное значение для ранней истории Русского государства. На Руси княжеские знаки встреча-

ются на изделиях середины X – середины XI в. Первоначально знак изображался в виде виллообразной фигуры с тремя отростками. Он передавался по прямой линии в неизменном виде вплоть до княжения Владимира. Затем к этому знаку стали добавлять новые ветви. Рюриковичи были скандинавами и логично полагать, что герб, с которого начался рост их родового древа, должен был обозначать какое-то конкретное понятие.

В Швеции найдены дирхамы IX–X вв. со знаком Рюриковичей. На аверсе серебряного дирхама Исмаила ибн Ахмада, Андараба (892–908 гг.) поверх легенды процарапано граффито в виде Мирового Змея, а выше нанесено граффито в виде наконечника копья. На реверсе процарапано граффито в виде двузубца Рюриковичей (Игоря и Святослава). Этот «двузубец», по существу, изображен с тремя отростками – два сверху и один внизу. У Мирового Древа – ясеня Иггдрасиль было три корня. Они объединяли небо, землю и подземный мир. Этот сюжет, занимающий важное место в мифологии скандинавских народов, отражен в искусстве вендельского и викингского периодов. Есть основание полагать, что три корня Мирового Древа и являются геральдической эмблемой дома Рюриковичей.

Rafael Minasyan (Saint Petersburg, Russia)

Semantics of the symbol of the Rurik dynasty

It is considered that the symbol-tamga in the form of a trident was characteristic for the Sarmatian culture. The appearance of such depictions on items that were found in permanent settlements is explained by contacts between nomadic people and the populations of ancient city-states and tribes that lived in central Europe and the forest zone of Eastern Europe. There is a suggestion that the sign of the Rurikids - the trident - had also been adopted from nomads.

But the nomadic tamgas on German spearheads (weapons for killing) of the 2nd–3rd centuries AD are puzzling. Either the Germans used someone else's symbols that they did not understand, or the Germans had their own explanation for these symbols. In the Elder Edda, there is a mention of magical death runes that were carved on weapons to give them destructive power.

The Rurik symbol has an important cultural significance for the early history of the Ancient Russian State. In Ancient Rus, princely signs are found on items of the mid-10th – mid-11th centuries AD. Initially, the symbol was depicted as a fork-shaped monogram with three tines. This symbol was passed down unchanged in a straight line to the reign of Vladimir. Then, new tines were added to this symbol. The Rurikids were Scandinavians and

it is logical to assume that their emblem, which marked the beginning of the growth of their family tree, had to denote a specific concept.

In Sweden, dirhams dated to the 9th–10th centuries AD with the sign of the Rurikids were found. On the obverse of a silver dirham of Ismail Ibn Ahmad, Andarab (892-908), a graffito in the form of a World Serpent is scratched on top of the legend, and above that a graffito depicting a spear tip. On the reverse, a graffito in the form of the two-pronged Rurikid's princely symbol (of Igor and Svyatoslav) is scratched. This “bident” is, strictly speaking, depicted with three tines – two upwards and one downwards. The World Tree – the Ash Yggdrasil – had three roots. They united heaven, earth, and the underworld. This subject, which has an important place in the mythology of the Scandinavians, is represented in the art of the Vendel and Viking periods. There is reason to assume that the three roots of the World Tree also form the heraldic emblem of the House of the Rurikids.

Секција 2-1. Словени и њихови суседи у латенској и римској епохи

Секција 2-1. Славяне и их соседи в латенскую и римскую эпохи

Section 2-1. Slavs and their neighbors in the La Tène and Roman eras

Андрей Михайлович Обломский (Москва, Россия)

**Восточная линия славянского этногенеза
по археологическим данным**

В археологическом отношении восточная линия славянского этногенеза представляет собой процесс формирования пеньковской (анты) и колочинской (венеты Иордана) культур, а также ряда родственных им общностей северо-запада Восточной Европы и Подонья.

В середине – второй половине I в. н.э. в результате распада зарубинецкой культуры формируются памятники позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта (середина I – II в.) от Западного Буга до бассейна Хопра. В наибольшей степени они соответствуют венедам Тацита (конец I в.). В составе всех групп позднезарубинецких памятников выделяются элементы зарубинецкой культуры, но присутствуют и традиции других культур.

На рубеже II/III в. или в начале III в. в результате серии микромиграций позднезарубинецкого населения формируется киевская культура (III – начало V в.). Основной ее массив охватывает Поднепровье до верхнего течения Западной Двины. Отдельные анклавы известны в

бассейне Хопра и лесостепном Поволжье. Мелкие группы проникают из Поднепровья на восток в финно-угорскую среду.

Во второй трети III в. формируется черняховская культура. Часть областей, ранее занятых киевской культурой в лесостепном Поднепровье, оказались включенными в черняховское объединение. Они выделяются как памятники киевской традиции. Около середины III в. – первой половины IV в. население этого круга является основным компонентом древностей типа Каширки – Седелок в Подонье.

На западе черняховское влияние распространяется на памятники типа Черепин – Теремцы Поднепровья (вторая четверть III – начало V в), возникшие на основе зубрецкой культуры. В Среднем Подунавье в III–IV вв. известны памятники типа Баранды, близкие лесостепным древностям киевского круга Поднепровья и Подонья.

В начале – первой половине V в. после ухода готов в лесостепь Поднепровья проникают носители деснинского варианта киевской культуры. Около второй четверти – середины V в. формируются колочинская и пеньковская культуры. Колочинская культура возникла в результате эволюции деснинского варианта киевской, пеньковская сложилась на основе южных группировок киевской культуры, втянутых в орбиту черняховского влияния.

На северо-западе лесной зоны Восточной Европы отдельные традиции киевской культуры зафиксированы в керамическом комплексе памятников типа Банцеровщины и псковских длинных курганов.

В Верхнем Подонье в конце IV – V в. киевский компонент присутствует на памятниках типа Чертовицкое – Замятино. Традиции древностей этого круга ощущаются и в материалах линии Ярок верхневоронежской культурной группы (конец V – VII вв.).

Andrey Oblomsky (Moscow, Russia)

The eastern line of Slavic ethnogenesis according to archaeological data

In archaeological terms, the eastern line of the Slavic ethnogenesis is the process by which the Penkovka (Antes) and Kolochin (Venetians of Jordanes) cultures and a series of related archaeological communities in the northwestern part of Eastern Europe and the Don region were formed.

The Zarubinty culture decayed in the middle and second half of the first century AD. This gave impulse to the emergence of the Late Zarubinty cultural and chronological horizon (mid-1st – 2nd century). This new archaeological phenomenon was formed between Western Bug and the Khopyor basin. In all groups of Late Zarubinty sites, components connected to the

preceding Zarubintsy culture can be distinguished, but they also contain elements of other cultures. According to the author and a number of other researchers, the sites of the Late Zarubintsy horizon correspond most closely to the Veneti of Tacitus (late 1st century AD).

The Kiev archaeological culture (3rd – early 5th centuries) was formed no later than the beginning of the 3rd century and was distributed mainly between the forest-steppe and forest zones in the Dnieper region and the basin of the upper Western Dvina in the north. In the east separated enclaves of the Kiev culture can be distinguished in the Khopyor basin and in the forest-steppe Volga region. Some finds show the penetration of small groups of the Kiev population into Finno-Ugric territory.

In the second third of the 3rd century, the Chernyakhov culture was formed in the forest-steppe zone between the Dniester and the Dnieper. Areas previously occupied by the Kiev culture (Middle Dnieper and Dnieper left bank forest-steppe) were included in the Chernyakhov association. As a result, the so-called Kiev-type sites within the Chernyakhov culture developed in the middle of the 3rd–4th centuries. At that time, the population of this tradition form the main component of the Kashirka-Sedelki-type sites in the forest-steppe Don region. The Chernyakhov influence also spread westwards to the Dniester region (Cherepin-Teremtsy cultural group) and southwards to the Middle Danube region (Baranda type cultural group).

In the first half of the 5th century, Goths began to move westwards. Immigrants of the Desna variant of the Kiev culture in the north actively inhabited the Dnieper-Donetsk forest-steppe, which by then had been abandoned. In contrast, the population of the Kiev-type Chernyakhov sites apparently remained in place. During the second quarter of the 5th century, the Kolochin and Penkovka cultures were formed. The Kolochin archaeological community is based on the Desna variant of the Kiev culture; the Penkovka culture was based on groups of Chernyakhov-influenced Kiev culture.

Echoes of the Kiev culture can be traced in the ceramics of the Bantserovshchina type and the Pskov Long Barrow culture that appeared in the 5th century in the northwest of the Eastern European forest zone, as well as in the Upper Don and Upper Voronezh regions (Chertovitskoye-Zamyatino sites).

The observations presented in the paper are a schematic generalization, which still lacks many details. Nevertheless, an effort has been made to show the main points of the formation of the eastern groupings of the Slavs.

Лариса Сергеевна Воротинская (Санкт-Петербург, Россия)

О фибулах среднелатенской конструкции с треугольным щитком на ножке

Среди многочисленных типов и вариантов фибул среднелатенской конструкции обращают на себя внимание фибулы с треугольным щитком на ножке, которые принято называть копьевидными (конец III – I в. до н.э.). В кельтском мире они сконцентрированы на северо-западе Балкан (известно не менее 61 экземпляра), где развились из более ранних типов. Такие фибулы встречаются и в других регионах: единично на позднескифских памятниках Крыма, на Кавказе, целая серия в Поднестровье (позднескифский могильник Глиное, 8 экземпляров), на Нижней Эльбе.

Однако самая большая концентрация этих фибул находится на территории Среднего и Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья (современные Украина и Белоруссия), на памятниках зарубинецкой культуры: не менее 209 экземпляров. Здесь они получили название «фибулы зарубинецкого типа» и даже считаются этнографической особенностью этой культуры. Существует несколько вариантов типологии, которые подразумевают, что данный тип развивался во времени в сторону увеличения щитка, то есть фибулы с маленьким щитком ранние, а с большим поздние. В советской и российской археологической литературе утвердилось мнение, что эти фибулы проникли в Поднепровье из кельто-иллирийских земель Подунавья в результате балканских походов бастарнов в первой трети II в. до н.э. Наиболее полно данная гипотеза была сформулирована в работах К.В. Каспаровой. Эта идея сильно повлияла на общее видение вопросов происхождения, развития и этнической интерпретации зарубинецкой культуры. Тем не менее, в этой гипотезе есть ряд логических, фактических и хронологических противоречий и слабых мест.

На сегодняшний день появились новые находки, которые уточняют хронологию этих фибул, а также позволяют говорить об их более широком распространении, чем считалось ранее.

Larissa Vorotinskaya (Saint Petersburg, Russia)

Fibulae of mid-Latène construction with a triangular foot shield

Among the numerous types and variants of fibulae of mid-Latène construction, attention is drawn to fibulae with a triangular foot shield, which are usually called spear-shaped fibulae (end of 3rd – 1st centuries BC). In the

Celtic world, they are concentrated in the northwestern Balkans (at least 61 examples are known), where they derived from earlier types. Such fibulae are also found in other regions: sporadically on Late Scythian sites of the Crimea, in the Caucasus, on the Lower Elbe and a whole series in the Dniester region (from the Late Scythian necropolis Glinoc: 8 specimens), etc.

However, the largest concentration of such fibulae, with at least 209 known specimens, is located on the territory of the Middle and Upper Dnieper region and in the Pripyat Polesia (Ukraine and Belarus) at Zarubintsy culture sites. Here, they have been given the name “Zarubintsy-type fibulae”, and are even considered an ethnographic feature of this culture. There are several variants of the typology of such fibulae, which imply that this type evolved over time with an increasing scutellum; that is, fibulae with a small scutellum are earlier than those with a large shield. In the Soviet and Russian archaeological literature, the opinion was established that such fibulae arrived in the Dnieper region from the Celto-Illyrian lands of the Danube as a result of the Balkan campaigns of the Bastarns in the first third of the 2nd century BC. This hypothesis is most fully presented in the works of K.V. Kasparova, and the idea strongly influenced the general image of the Zarubintsy culture, its origin, development and ethnic interpretation. However, this hypothesis contains a number of logical, factual and chronological contradictions and weaknesses.

To date, new finds have appeared that clarify the chronology of these fibulas, and also make it possible to speak of their distribution, which was wider than previously thought.

Ольга Алексеевна Хомякова (Москва, Россия)

Провинциально-римская культура и формирование идентичности западных балтов (по данным женского убора)

Вопросы происхождения народов западной окраины лесной зоны Восточной Европы и юго-восточной Балтии, условно обозначаемых термином «балты», важны и для понимания этногенеза славян, их ближайших соседей.

В последние десятилетия утвердилось мнение об огромной роли, которую сыграли римские влияния в формировании идентичности балтских племен. Спрос, возникший в Римской империи в I в. н.э. на янтарь, месторождения которого расположены на землях западных балтов, вызвал стремительное развитие их культуры, привел к изменениям в погребальном обряде, системе расселения и ускорил развитие социальных структур. У местного населения установились прямые контакты со среднедунайскими провинциями Римской империи. Упо-

минания о народах Балтии под именем *Aesti, Aestiorum gentes* («эстии», «народы Аустеравии») впервые появляются в письменных источниках.

Одним из признаков зарождающейся идентичности балтских племен можно считать появление у них собственной модели женского убора. Известные в бронзовом и раннем железном веках украшения не формировали единого костюмного комплекса. В начале эпохи римских влияний во второй половине I в. н.э. в юго-восточной Балтии появляются индивидуальные женские захоронения, в которых присутствуют разнообразные элементы костюма, формирующие убор. Эта модель убора развивается в ареале самбийско-натангийской культуры (современный Калининградский полуостров), расположенной в точке пересечения разных культурных миров – североевропейского, центральноевропейского и балтского. Параллели и возможные истоки этой модели можно найти в римских провинциях Паннония и Норик.

На основе заимствованной модели убора «среднедунайского» облика достаточно быстро формируется собственная. Идентичность, изначально отражавшая степень «романизации» в противовес локальным традициям, трансформируется в идентичность, указывающую на принадлежность к местным социальным структурам и подчеркивающую их отличие от соседних племен. Предметы, характерные для античной традиции и отсутствовавшие в культуре балтов более раннего периода (фибулы, ременные гарнитуры, кольца), становятся основой для местных форм украшений, влияют на развитие ювелирного ремесла и появление собственного стиля.

Богатые материалы погребальных древностей юго-восточной Балтии первых веков н.э., в отличие от раннеславянских, дающих представление о женском уборе только по комплексам из кладов, имеют исключительное значение для реконструкции механизмов формирования убора и других восточноевропейских народов.

Olga Khomyakova (Moscow, Russia)

Provincial Roman culture and the formation of the identity of the Western Balts (according to female dress)

Issues concerning the origin of the peoples of the western edge of the East European forest zone and the southeastern Baltic, conventionally referred to as “Balts”, are important for the understanding of the ethnogenesis of their closest neighbours, the Slavs, as well.

During the last decades, the opinion has been established that Roman influences played an enormous role in shaping the identity of the Baltic tribes, due to the amber deposits in the lands of the Western Balts. The in-

creasing demand for amber in the Roman Empire during the 1st century AD was the reason for a rapid development of the Baltic culture; it led to changes in funeral rites and settlement systems, and it accelerated the development of social structures. Direct contacts between the local population and the Middle Danube provinces of the Roman Empire were established. Mentions of the Baltic peoples under the name *Aesti*, *Aestiorum gentes* (“Estonians”, “peoples of Austeravia”) appear in written sources for the first time.

One of the signs of an incipient identity of the Baltic tribes can be seen in the appearance of their own model of female dress. Bronze Age and Early Iron Age jewellery did not form a single costume complex. In the second half of the 1st century AD, the beginning of the era of Roman influence, individual female burials with various elements of costume that form a dress style appear in the southeastern Baltic. This kind of dress was developing in the area of the Sambian-Natangian culture (the present-day Kaliningrad Peninsula), which is located at the intersection of different cultural worlds – north European, central European and Baltic. Parallels and possible origins of this dress type can be found in the Roman provinces of Pannonia and Noricum.

Based on the adopted “Middle Danube” dress type, their own distinctive style was formed rather quickly. This individual style, which originally reflected the degree of “Romanization” as opposed to local traditions, was transformed into a style that indicated an affiliation with local social structures and emphasized their difference from neighbouring tribes. Objects of antique tradition that had been absent in the earlier Baltic culture (fibulae, belt sets, rings) became the basis for local forms of jewellery, influencing the development of jewellery production and the emergence of an individual style. In contrast to the early Slavonic material, from which an idea of female dress is provided only from hoard findings, the rich materials from burials of the first centuries AD in the southeastern Baltic are of exceptional importance for the reconstruction of the mechanisms of the dress development of the other East-European peoples as well.

Сергей Вячеславович Воронятов (Санкт-Петербург, Россия)

Западные компоненты в ранних комплексах восточноевропейских выемчатых эмалей

Среди немногочисленных погребений и кладов с вещами стиля «варварских выемчатых эмалей» (II–IV вв.) своим составом выделяются два пункта в Среднеднепровском регионе. Их особенность заключается в наличии нетипичных для этого круга вещей предметов, которых нет в других комплексах Балтийского, Днепро-Окского и Донского ареалов.

Первый комплекс – это погребение (или клад), обнаруженное в самом начале XX в. близ села Жукин в Черниговской области. В его состав входит венчик из бронзовой орнаментированной пластины, бронзовое ожерелье с крестообразными литыми подвесками, треугольная пластинчатая фибула с орнаментом, два литых браслета. Необычным предметом является шейное или головное украшение из бронзовой проволоки, изогнутой волной. Второй комплекс – клад бронзовых украшений, найденный в 1892 г. у села Межигорье Киевской области. Он включает в себя фибулу с красной эмалью, длинную цепь сложной конструкции с эмалью на звеньях, два венчика из широкой орнаментированной пластины, две витых гривны, пять пластинчатых подвесок, фрагмент браслета и четыре колокольчика. Нетипичными для кладов «круга эмалей» выглядят два круглых предмета, названных исследователями «привесками с петлями» или «пряжками».

Украшение из проволоки Жукинского комплекса и круглые привески из Межигорского клада находят аналогии в материалах центрально-европейского Барбарикума и римских провинций и маркируют западный вектор связей на раннем этапе развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. В комплексах следующего этапа предметы, находящие прямые аналогии на западе, отсутствуют. Вектор культурных связей меняется на меридиональный.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40093

Sergey Voronyatov (Saint Petersburg, Russia)

Western elements in early East European *champlevé* enamel complexes

Among the few known burials and hoards that belong to the “Barbarian *champlevé* enamel” (2nd–4th cent. AD) style, we can highlight two sites in the Middle Dnieper region due to their composition and structure. The complexes from these sites contain exceptional components that are not typical in the context of this style, and which are not known from other complexes of the Baltic, Dnieper-Oka, and Don Regions.

The first complex is the burial (or hoard), found at the very beginning of the 20th century at the village of Zhukin in the Chernigov region. It contains a lamellar “diadem” made of an ornamented bronze plate; a bronze necklace with cross-shaped cast pendants; a triangle lamellar fibula with ornaments and two cast bracelets. The extraordinary item in this complex is a necklace or headdress made of bronze wire that has been bent into a wavy shape. The second complex is a hoard of bronze jewellery that was found in 1892 near the village of Mezhygorye in the Kiev region. The hoard includes a fibula with red

enamel, a long chain of complex construction with enamel on the chain links, two lamellar “diadems” made of an ornamented plate, two twisted torques, five lamellar ornamented pendants, a fragment of a bracelet and four bells. Non-typical for the “enamel hoards” seem to be two round items described by researchers as round pendants with joint wires or “buckles”.

Analogies for the bronze wire garniture from the Zhukin complex and for the round pendants from the Mezhhigorye hoard can be found in materials from the central European Barbaricum and the Roman provinces. They mark the western vector of the cultural relations during the earliest stage in the development of the East European champlevé enamel style. In the complexes of the next period there are no items with direct analogies in the West. The vector of the cultural relations changes to the meridional vector.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-40093.

Ирина Владимировна Зиньковская (Воронеж, Россия)

Горизонт выемчатых эмалей, венеты и сарматы в бассейне Дона

В докладе рассматривается соотношение постзарубинецких древностей бассейна Дона, маркированных находками восточноевропейских выемчатых эмалей, и синхронных позднесарматских памятников II–III вв. Многие современные ученые считают, что постзарубинецкие древности оставлены венетами (венетами). Недавно обнаруженные на Северском Донце и Хопре изделия с выемчатыми эмальями можно однозначно отнести к финалу постзарубинецкого культурно-хронологического горизонта, а именно к середине II – первой половине III в., поскольку некоторые из них найдены не только в культурном слое поселений, но и в жилищах и даже на могильнике (Инясево). Иная ситуация на Верхнем Дону, где найдено больше всего предметов с эмалью (72 шт.); исходя из этого А.М. Обломский даже выделил культурно-хронологический горизонт «Паниковец». Однако эти находки не имеют четкой связи с каким-либо культурным слоем. Здесь преобладают клады и отдельные находки вещей, представляющих собой лом, предназначенный к переплавке. Постзарубинецкое население долгое время не могло здесь закрепиться, так как верховья Дона были заняты воинственными позднесарматскими племенами, оставившими курганные группы середины II – первой половины III в., а также потомками местного скифоидного населения, проживавшего на городищах типа Ишутино или Подгорного. Таким образом, весьма вероятно, что район Верхнего Дона служил лишь «транзитной зоной» для перемещений постзарубинецких групп с запада на восток, вплоть до района Хопра. Об этом свидетельствует

тот факт, что эмали не встречены ни в сарматских погребениях, ни на скифоидных городищах.

Irina Zinkovskaya (Voronezh, Russia)

The champlevé enamel horizon, Veneti and Sarmatians in the Don basin

The focus of the paper is the relationship between post-Zarubintsy sites in the Don basin, marked by East European champlevé enamels, and synchronous late Sarmatian sites of the 2nd–3rd centuries AD. Today, it is widely accepted that the post-Zarubintsy antiquities were left by the Veneti (Venedi). Recently, in the Donets and Khopyor regions, Champlevé enamel items can definitely be attributed to the final stage of the post-Zarubintsy cultural–chronological horizon of the mid-2nd – first half of the 3rd centuries AD, since some of them were found not only in the cultural layer, but in dwellings and even on a burial site (Inyasevo). There is a different situation in the Upper Don region, where the largest number of enamels was found (72 items). Based on this fact, A.M. Oblomsky even distinguished a cultural–chronological horizon ‘Panikovets’. However, these finds are not related to any cultural layer. They are dominated by hoards and individual finds of enamels that mostly represent breakage for remelting. The post-Zarubintsy population could not settle down there for a long time because the Upper Don region was occupied by the martial late Sarmatian people, who had built the kurgan groups of the mid-2nd–first half of the 3rd centuries AD, as well as by descendants of the local Scythoid population, who used to live in fortified settlements such as Ishutino or Podgornoe. Therefore, it is very likely that the Upper Don region served just as a ‘transit zone’ for movements of post-Zarubintsy groups from the west to the east, up as far as the Khopyor region. This is underlined by the fact that enamels are found neither in Sarmatian burials nor at Scythoid fortified settlements.

Вадим Георгиевич Белевец (Минск, Республика Беларусь)

К изучению памятников «предпражского» горизонта в белорусском Полесье (на примере работ по р. Случ)

Вопрос об источниках и путях формирования пражской культуры, которая признаётся археологическим соответствием раннеисторического народа славян (lat. *Sclavini*) V–VII вв., остается сегодня открытым. Согласно одной из гипотез (так называемого Полесского белого пятна), сформулированной ещё в 1970-е гг., образование праж-

ской культуры происходило на практически неизученном в то время пространстве между верховьями Немана и средним течением Днепра.

С начала 2000-х гг. на всем юге Белоруссии, от Западного Буга до Днепра, были выделены памятники постзарубинецкого горизонта (около 10/40–200/220 гг.). В последнее десятилетие в среднем течении Припяти также описаны и изучаются селища с материалами киевского культурного круга (позднеримского времени, около 200/220–360/375 гг.). Они непосредственно предшествуют здесь наиболее ранним (фазы «0») памятникам пражской культуры.

В 2017–2020 гг. исследования по «предпражской» проблематике были предприняты на северной окраине Центрального Полесья – в среднем течении реки Случ. Здесь, в рамках микрорегиона радиусом 5 км, открыта серия перспективных для изучения памятников. В ходе раскопок на трех из них (Ясковичи-1, Горка-1 и Долгое-1) суммарно получены материалы всего римского времени: как постзарубинецкого горизонта, так и круга киевской культуры. Изучены 3 жилища с глиняными и каменными очагами (2 углублённые, 1 наземное), 1 хозяйственная постройка, объекты, связанные с производством железа и обработкой металлов, хозяйственные ямы. Результаты работ на селище Ясковичи-1 позволяют характеризовать его как локальный центр. Среди находок присутствуют импортные изделия, связанные с вельбарской культурой – свидетельства контактов с историческими готами, которые с конца II в. проникают в Центральное Полесье. На изучаемых памятниках также более или менее выразительно представлены трудные для датировки древности пражской культуры.

Актуальное состояние исследований не позволяет совершенно уверенно говорить об прямой эволюционной связи населения Полесья римского времени с носителями пражской культуры. Тем не менее, результаты этих работ являются новым аргументом в пользу теории о формировании последней на землях Припятского Полесья и прилегающих регионов Среднего Поднепровья.

Vadzim Beliaevets (Minsk, Belarus)

New research on the “pre-Prague” horizon in Belarusian Polesia (based on the sites on the Sluch River)

The question concerning the origins and the formation of the Prague culture, which is recognized as the archaeological equivalent to the early historical Slavic people (lat. *Sclavini*) of the 5th–7th centuries, is still open today. According to one of the hypotheses (the so-called “Polesia White Spot”), formulated back in the 1970s, the formation of the Prague culture

took place in the territory between the upper reaches of the Neman and the middle reaches of the Dnieper, which was practically unexplored at that time.

Since the beginning of the 2000s, post-Zarubintsy horizon sites (c. 10/40 AD – 200/220 AD) have been identified throughout the entire south of Belarus, between the Western Bug and the Dnieper. Since the last decade, in the middle reaches of the Pripyat, settlement sites with materials from the Kiev cultural circle (Late Roman period: c. 200/220 AD – 360/375 AD) have also been described and studied. These directly precede the earliest – phase “0” – sites of the Prague culture.

Investigations on the “pre-Prague” complex of problems were undertaken between 2017–2020 on the northern outskirts of central Polesia – on the middle reaches of the River Sluch. Here, within the framework of a microregion with a radius of 5 km, a series of promising sites has been discovered. The excavations of three sites (Yaskovichi-1, Gorka-1, Dolgoe-1) revealed findings from the entire Roman period: from the post-Zarubintsy horizon as well as from the Kiev culture circle. Three dwellings with clay and stone hearths (two sunken, one at ground level), one outbuilding, objects related to the production of iron and metal processing and household pits were studied. According to the results of the recent investigations, Yaskovichi-1 can be characterised as a local centre. Among the finds, there are imports from the Wielbark culture. These can be interpreted as evidence of contacts with the historical Goths, who started to penetrate into central Polesia from the end of the 2nd century. Additionally, the studied sites revealed in a more or less distinctive way the difficult-to-date Prague culture antiquities.

The current state of research does not allow us to speak with certainty about a direct evolutionary relationship between the Roman period population of Polesia and the bearers of the Prague culture. Nevertheless, the results of these studies provide new arguments in favour of the theory that the formation of the Prague culture developed in Pripyat Polesia and adjacent areas of the Middle Dnieper region.

Олег Васильевич Шаров (Москва, Россия)

«Спалы» и «славяне»? Между археологией и эпиграфикой

Племя спалов упоминается лишь Иорданом в «Гетике» в связи с переселением готов в страну Ойум. Ввиду вероятности встречи готов с ранними славянами на рубеже II и III в., многие археологи начали искать в «Гетике» названия племен, которые можно было бы сопоставить со славянами.

Археологические теории. Так, В.В. Седов пишет: «Кто такие спалеи Плиния, сказать невозможно. Споры же Прокопия, несомненно, были

славянами, о чем он пишет достаточно определенно. Если спалы Иордана и споры Прокопия были одним и тем же этносом, то, следовательно, готы, вторгшись в Скифию, прежде всего встретились со славянами. Они – носители пшеворских древностей – вместе с готами составили население вельбарской культуры Мазовии, Подлясья и Западной Волыни».

Б.В. Магомедов и ряд других украинских исследователей предлагают также «славянскую» гипотезу, считая, что на Волыни готы вытеснили с мест обитания представителей зубрицкой группы/культуры ранних славян. Скорее всего именно здесь и произошла описанная Иорданом битва готов со спалами.

Такие версии встречи готов со славянами вполне возможны, остается лишь доказать, что встреча со спалами была на Волыни. Попытки Д.А. Мачинского и С.В. Воронятова доказать миграцию спалов на Волынь представляются неудачными.

Лингвистическая теория. Существует также гипотеза С.Р. Тохтасьева, основанная на данных письменных и эпиграфических источников. Он пишет, что «исторически сомнительно, что это скифское племя существовало в Причерноморье вплоть до переселения сюда готов, *Spali* созвучно *Spalaei* лишь случайно, и речь идет о диттографии, что подкрепляется именем *Πάλακος*, от которого образовано название крепости таврических скифов *Παλάκιον*».

Объединив гипотезы С.Р. Тохтасьева и Л.А. Ельницкого о возможной близости этниконов «спалы» и «палы», можно предположить, что спалеи Плиния и спалы Иордана вполне могут быть «палами», которые издавна обитали в степном Крыму и упоминаются Диодором Сицилийским, Страбоном, Плинием Старшим. Царская крепость Палакий и имя царя Палак подтверждают эту версию. Таким образом, я полагаю, что палы/спалы были одним из сарматских племен, пришедших в Крым во II в. до н.э. с востока, и предков славян надо искать среди других народов, встреченных готами на своем пути в страну Ойум.

Oleg Sharov (Moscow, Russia)

“Spali” and “Slavs”? Between archeology and epigraphy

The *Spali* were a tribe that was mentioned by Jordanes in his *Getica* in connection with the migration of the Goths to Oium. Since a meeting of Goths and Slavs at the turn of the 2nd–3rd centuries seems to be quite probable, many archaeologists started to look for names in the *Getica* that could be related to Slavic tribes.

Archaeological theories: V.V. Sedov writes: “It is impossible to say who the *Spali* of Pliny the Elder are. The *Spory* of Procopius, however, were

undoubtedly Slavs, about which he writes quite definitively. If the *Spali* of Jordanes and the *Spori* of Procopius were one and the same ethnos then, consequently, the Goths, having invaded Scythia, must have met with the Slavs first of all. These tribes – carriers of the Przeworsk culture – together with the Goths made up the population of the Wielbark culture of Mazovia, Podlasye and western Volhynia.”

B.V. Magomedov and several others have also offered a “Slavic” hypothesis, believing that in Volhynia the Goths displaced representatives of the early Slavic «Zubritskaya group». This is probably where the battle between the Goths and the *Spali*, as described by Jordanes, took place.

Such versions of a meeting of Goths and Slavs are quite possible, it remains only to prove that the meeting with the *Spali* was in Volhynia. The arguments put forward by D.A. Machinsky and S.V. Voronyatov in favour of the migration of the *Spali* to Volhynia seem very doubtful.

Linguistic theory: There is also a hypothesis by S.R. Tokhtasyev, based on data from written and epigraphic sources. He states that “it is historically doubtful that this Scythian tribe existed in the Black Sea region until the Goths migrated here, *Spali* is consonant with *Spalaei* only by chance, and we are talking about dittography, which is supported by the name *Πάλακος*, from which the name of the Taurian Scythian fortress *Παλάκιον* was formed”.

Combining the hypotheses of S.R. Tokhtasyev and L.A. Yel’nitsky about the possible proximity of the ethnica *Spali* and *Pali*, it can be assumed that the *Spalei* of Pliny the Elder and the *Spali* of Jordanes may well be the *Pali*, who inhabited the steppe Crimea for a long time and are mentioned by Diodorus, Strabo, and Pliny the Elder. The royal fortress of Palakion and the name of the king, Palakos, confirm this version. Thus, I propose that the *Pali/Spali* were one of the Sarmatian tribes who came to the Crimea in the 2nd century BC from the East, and the ancestors of the Slavs must be sought among other peoples encountered by the Goths on their way to Oium.

Małgorzata Wawer, Radosław Liwoch (Kraków, Polska)

Dakowie za Karpatami – eponimiczne cmentarzysko kultury lipickiej w Lipicy Górnej koło Rohatyna na Ukrainie

W końcu XIX w. we wsi Lipica Górna koło Rohatyna (dziś Ukraina) Izidor Kopernicki przeprowadził wykopaliska na cmentarzysku z grobami ciałaopalnymi i szkieletowymi. Karol Hadaczek wydzielił na podstawie materiałów z tego stanowiska archeologicznego jednostkę kulturową – kulturę lipicką, którą powszechnie wiąże się z Dakami. Zabytki ruchome opracował przed II wojną światową Marcyan Śmieszko. Przechowywane są one w Muzeum Archeologicznym w Krakowie pod numerem inwentarzowym

MAK/3422. Zdaniem autorów potrzebny jest ponowny przegląd i publikacja materiałów z tego eponimicznego i chyba nadal najistotniejszego dla studiów nad kulturą lipicką stanowiska. Planują przeprowadzenie ponownej analizy typologicznej i chronologicznej zabytków ruchomych i obiektów nieruchomości, a także antropologicznej szczątków ludzkich. Być może uda się także przeprowadzić analizy chemiczne. W oparciu o dane archeologiczne autorzy podejmą próbę zweryfikowania przynależności etnicznej zmarłych pochowanych na cmentarzysku w Lipicy Górnej. Ocenia także prawdopodobieństwo i zakres ewentualnego związku kultury lipickiej ze Słowianami, który sugerowany był przez Tadeusza Sulimirskiego i Denisa Kozaka. Efektem badań autorów będzie spełniająca standardy współczesnych monografii archeologicznych książka o tytule zbliżonym do tytułu referatu. Dodać można, że kulturę lipicką datuje się na I–II w. n.e., oraz że wysuwany jest postulat, aby określać ją jako grupę w obrębie kultury geto-dackiej.

Małgorzata Wawer, Radosław Liwoch (Crakow, Poland)

The Dacians behind the Carpathians – the eponymic cemetery of the Lipica culture in Verhnâ Lipicâ near Rogatin in Ukraine

At the end of the 19th century, in the village of Verhnâ Lipicâ near Rogatin (present-day Ukraine), Izydor Kopernicki carried out excavations at a cemetery with cremation and inhumation burials. Based on the materials from this archaeological site, Karol Hadaczek distinguished a cultural unit – the Lipica culture, which is commonly associated with the Dacians. The artefacts were studied before the Second World War by Marcyan Śmiszko. They are stored in the Archaeological Museum in Cracow under inventory number MAK / 3422. The eponymous site is probably still the most important site for the study of the Lipica culture. Therefore, it is necessary and essential to review and publish the old material. We plan to re-analyse the typology and chronology of artefacts and features, as well as conducting an anthropological analysis of the human remains. It may also be possible to conduct chemical analyses. Based on archaeological data, we will attempt to verify the ethnicity of the deceased persons buried in the cemetery at Verhnâ Lipicâ. Moreover, we will assess the probability and scope of a possible relationship between the Lipica culture and the Slavs, which was suggested by Tadeusz Sulimirski and Denis Kozak. The result of our research will be a book with a title similar to the title of the paper, meeting the standards of modern archaeological monographs. It can be added that the Lipica culture dates back to the 1st–2nd centuries AD, and that it is postulated that it should be defined as a group within the Geto-Dacian culture.

Оксана Викторовна Гопкало (Киев, Украина)

Население Верхнего Днестра раннечерняховского времени в свете новейших идей

Планомерное изучение черняховских поселений левобережья Верхнего Днестра, которое проводилось под руководством В.Д. Барана, получило отражение в итоговой монографии. Автором была выдвинута концепция, согласно которой памятники региона принадлежали предкам славян (Баран 1981). Позже поселения в верховьях Днестра были выделены в особую группу, принадлежащую славянам-венедам (Магомедов 2001).

Особое положение региона подтверждается распределением находок монет, отчеканенных в Галлии и Италии, что совпадает с ситуацией в пшеворской культуре и культуре карпатских курганов (Магомедов 2006). Этот факт ставит под сомнение связь верхнеднестровских памятников с черняховской культурой, но доказывает связь с пшеворской. Сходство поселений черняховской культуры региона Верхнего Днестра и синхронных пшеворских наблюдается в наборе круговой посуды (Левада, Дудек 1998).

Открытие поселений с подобными признаками на восточной окраине черняховского ареала позволило выдвинуть гипотезу о миграции туда части населения из Верхнего Поднестровья (Некрасова 1990). Идея была поддержана (Обломский 2002; Любичев 2003). М.Б. Щукин предложил относить черняховские памятники с фибулами с высоким приемником к одному периоду, соответствующему периоду С2, и называть их «горизонтом Боромля» (Щукин 2005). По его мнению, миграция части населения из Верхнего Поднестровья на восток была вызвана продвижением отрядов пшеворцев и носителей вельбарской культуры дытынычской волны. М.В. Любичев перенес название «горизонт Боромля» на группу поселений днепро-донецкой лесостепи, «включающих в себя некоторые элементы черняховской культуры, но не являющихся черняховской культурой» (Любичев 2008).

Можно ли считать поселения Верхнего Днестра черняховскими? Можно ли считать миграцию из Верхнего Поднестровья эвакуацией населения? Можно ли считать черняховскими ранние памятники в Днепро-Донецком междуречье, оставленные мигрантами из Верхнего Поднестровья? И, наконец, можно ли принять версию И.О. Гавритухина (Gavritukhin 2011), что создатели «горизонта Боромля» - герулы Иордана?

Oksana Hopkalo (Kiev, Ukraine)

Ideas about the population of the Upper Dniester region in the early Chernyakhov period

V. D. Baran presented his systematic study of the Chernyakhov settlements on the left bank of the Upper Dniester River in a monograph that was published in 1981. In this paper, he put forward a concept, according to which the sites of the region have been interpreted as belonging to the ancestors of early medieval Slavs. Twenty years later, the settlements on the Upper Dniester River were attributed by B.V. Magomedov to a special group belonging to the Slavic Veneds.

Furthermore, the special position of the region is underlined by the distribution of coin finds from Gaul and Italy, which is similar that of the Przeworsk and Carpathian Kurgan cultures. This fact gives us reason to doubt the connection between the Upper Dniestrian sites and the Chernyakhov culture; instead it connects it to the Przeworsk culture. Similarities between the Chernyakhov settlements of the Upper Dniester region and the synchronous settlements of the Przeworsk culture are also reflected in the shape of the wheel-made pottery.

In the early 1990s, the discovery of settlements with similar features on the eastern outskirts of the Chernyakhov territory evoked the hypothesis of the migration of some of the population from the Upper Dniester region. This idea was widely supported. M.B. Shchukin united the Chernyakhov sites with fibulae with a high needle holder into one period, corresponding to Period C2, and called it the “Boromlya horizon”. In his opinion, the migration of some people from the Upper Dniester region to the East was caused by the expansion of Przeworsk groups and of carriers of the Wielbark culture of the Dytynychy wave. In 2008, M.V. Lyubichev transferred the “Boromlya Horizon” to a group of settlements in the Dnieper-Donetsk forest-steppe that “include some elements of the Chernyakhov culture though not being of it”.

Can the settlements of the Upper Dniester region be considered as Chernyakhov sites? Can the migration from the Upper Dniester Region be considered as an evacuation of the population? Can the early sites in the Dnieper-Donets interfluvium, abandoned by Upper Dniester migrants, be considered as Chernyakhov sites? Finally, can we accept I.O. Gavritukhin’s interpretation that the creators of the “Boromlya horizon” are the Heruli of Jordanes?

Григорий Леонидович Земцов (Липецк, Россия)

Памятники позднеримского времени на Верхнем Дону

К настоящему времени на территории Верхнего Подонья (Липецкая, север Воронежской и юг Тульской областей России) открыто 176 поселений позднеримского времени. В 1999 г. А.М. Обломский объединил их в группу памятников типа Каширки – Седелок и датировал серединой III – началом IV в. Памятники представлены исключительно селищами. Располагаются они на расстоянии 5-7 км друг от друга на берегах малых рек и до 10-13 км – вдоль крупных рек. Археологически фиксируется несколько уровней поселенческой и социальной системы – «усадебь», поселки, фратрии, обширные группы селищ. На основе имеющихся координат археологических пунктов осуществлено предиктивное ГИС-моделирование методом максимальной энтропии для выявления потенциальных мест расположения памятников этого периода.

Материальная культура памятников типа Каширки – Седелок включает несколько различных компонентов. Основная масса керамики имеет раннеславянский облик – это грубая лепная посуда киевской традиции. Элементы черняховской культуры: месторасположение поселений, сделанная на гончарном круге посуда, традиция возведения крупных наземных домов каркасно-плетневой конструкции, предметы быта и украшения. Выделяются причерноморские элементы, представленные специфической лепной керамикой – сосудами-зерновиками. Ярким примером синкретичной культуры населения являются материалы селища Лощина, где в небольшой яме обнаружено 15 перевернутых вверх дном сосудов всех культурных типов.

Поселения имеют очень слабый культурный слой, на всех селищах прослежены следы пожарищ. Традиционно гибель верхнедонских памятников связывается с походами готов с целью покорения восточных областей, которые описаны Иорданом в рассказе о деяниях Германиха. На наш взгляд, сожжение этих поселков связано не с военным фактором, а с существованием особых ритуальных практик.

Grigory Zemtsov (Lipetsk, Russia)

Archaeological sites of the late Roman period in the Upper Don region

To date, 176 settlements of the Late Roman period have been discovered on the territory of the Upper Don region (Lipetsk district, north of the Voronezh and south of the Tula districts). In 1999, A.M. Oblomsky grouped these as Kashirka-Sedelki-type sites and dated them to the middle of the

3rd – beginning of the 4th centuries AD. All of the sites are exclusively open settlements. They were located at a distance of 5-7 km from each other on the banks of small rivers, and at up to 10-13 km distance along large rivers. Archaeologically, several levels of social and settlement organization can be determined: “homesteads”, villages, fraternities and settlement clusters. Based on the coordinates of the archaeological sites, predictive GIS modeling was carried out using the maximum entropy method to identify potential locations for sites of this period.

The material culture of the Kashirka-Sedelki sites includes several components. The majority of the ceramics has an early Slavic appearance; it is rough, handmade pottery in the Kiev tradition. The elements of the Chernyakhov culture include the location of the settlements, wheel-made pottery, everyday-life items and jewellery, and the tradition of large, ground level post-built houses. Also, elements from the Black Sea shore region, represented by specific handmade stucco ceramics–granules, can be distinguished. A vivid example of the syncretic material culture of the population is provided by the materials of the Loshchina settlement, where 15 vessels of all cultural types could be discovered together, turned upside down in a small pit.

The settlements of the Late Roman period have a very weak cultural layer; all settlements so far have revealed traces of fires. Traditionally, the destruction of the Upper Don sites is associated with the campaigns of Ermanaric and the Goths to conquer the eastern regions, which are described by Jordanes in the *Getica*. We argue, in contrast, that the burning of settlements is not related to military action, but to the existence of ritual practices.

Станко Трифунович (Нови-Сад, Сербия)

Славянские особенности археологической культуры сарматов-лимигантов

Культура сарматов-лимигантов получила свое территориальное, хронологическое и этнокультурное определение в результате обширных археологических работ, проведенных в течение последних 25 лет в областях Бачки и Баната в Сербии, в Банате в Румынии и в восточной Венгрии. Уже в начале этих исследований, когда культура еще не выделялась, были отмечены некоторые типично славянские особенности поселений Бачки и Баната.

Теперь очевидно, что носители этой культуры в основном ведут хозяйство, которое носит земледельческо-животноводческий характер. По сведениям Аммиана Марцеллина, сарматы-лимиганты тесно связаны со страной, в которой они живут, и с землей, которую они обрабатывают. Археологические данные также характеризуют их, как оседлое

население. Расположение и внешний вид селищ соответствуют описанию славянских поселков, которое приводит Прокопий Кесарийский в VI веке, и археология подтверждает это для материалов III–V веков на описываемой территории. Это поселения у воды, в разных условиях, на болотах или рядом, разбросанные друг от друга.

В домостроительстве преобладают землянки разной формы, но встречаются и наземные постройки. Землянки характерны для славян в целом, но также и для германцев, которые тоже являются оседлым населением. Однако, некоторые виды землянок, например, с прямоугольным котлованом и ямой центрального опорного столба, поддерживающего четырехскатную крышу, представляют собой типичный элемент киевской культуры, которая считается исконно славянской.

Лепная посуда, изготовленная из глины с примесью шамота, является отличительной чертой всех славянских культур римской эпохи и раннего Средневековья. Такая кухонная посуда, почти без орнамента, традиционно изготавливается и в культуре сарматов-лимигентов, хотя наряду с ней производятся и гончарные изделия на медленном и быстром круге. Некоторые из типичных форм лепных горшков этой культуры имеют близкие аналогии также в киевской культуре, а отдельные образцы очень напоминают сосуды более поздней пражской культуры.

Керамика на медленном круге с примесью песка и гравия – отличительная черта культуры сарматов-лимигентов. Она появляется в IV веке и бытует на всем ее протяжении. Эта керамика имеет орнамент, прочерченный с помощью гребня, что характерно для всех славянских культур в средние века.

Stanko Trifunovic (Novi Sad, Serbia)

Slavic features of the Sarmatian-Limigant archaeological culture

The Sarmatian-Limigant culture's territorial, chronological and ethnocultural definition is based on extensive archaeological research that has been carried out over the last 25 years in the areas of Bačka and Banat in Serbia, Banat in Romania and in eastern Hungary. Already at the beginning of these investigations, while the culture had not yet been established, some of the typically Slavic characteristics of the settlements were pointed out.

It is now certain that the bearers of this culture lived by means of agriculture and livestock breeding. Referring to Ammianus Marcellinus, it is known that the Sarmatians-Limigants had a strong connection to the country they lived in and to the land they cultivated. Archaeological findings characterise them as a sedentary population, too.

The topographical position and appearance of the settlements correspond to the descriptions given by Procopius for the Slavs in the 6th century, and archaeological data confirm this for settlements of the 3rd–5th centuries in the described area. These are settlements near the water, in different local conditions, but regularly on or near wetlands and separated from each other.

The architecture is dominated by pit houses of various shapes, although there are also ground-level houses. Pit houses are generally characteristic for Slavs, but also for Germans, who also had a sedentary lifestyle. However, some of the pit house types, such as those with a rectangular base and a central post hole, are special. This structure suggests there was a roof with four slopes, which is a typical element of the Kiev culture and which is considered to be genuinely Slavic.

Handmade pottery, made with fireclay as a temper, is a distinctive characteristic of all Slavic cultures of the Roman Era and the Early Middle Ages. Similar cooking ware, almost without decoration, has also been traditionally used by the Sarmatians-Limigants, although they made ceramics on the slow and fast pottery wheel at the same time. Some of the typical forms of the handmade pots have close analogies to the Kiev culture, and some specimens are very reminiscent of later Prague culture vessels.

Pottery made with a slow wheel and tempered with sand and gravel is a distinctive feature of the Sarmatian-Limigant culture. It appeared in the 4th century and was used for as long as the culture existed. This pottery was incised with a comb-made decoration, which is characteristic of all Slavic cultures in the Middle Ages.

Ивана Пашић, Станко Трифуновић, Милан Зековић
(Нови Сад / Београд, Србија)

Полуземуница са централним стубом – спона југоистока Панонске низије и кијевске културе?

Насеља касноантичког периода, која припадају култури Сармата-Лимиганата, веома су бројна у источном делу Панонске низије. То је посебно документовано археолошком проспекцијом терена у Банату и Бачкој. У насељима која су археолошки истраживана на територији Бачке и Баната, у Србији, као и у Румунији и Мађарској, један од најчешћих облика куће је четвртаста полуземуница са централним стубом, димензија око 3x3 до 4x4 м. Централни стуб је карактеристика која указује на кућу са кровом на четири воде. Као варијанте овог типа појављују се и издужене, правоугаоне куће, димензија до 6x5 м, са два централна стуба.

Најстарији примери оваквих кућа из римског доба, потичу из насеља која се могу датовати у крај 2. - почетак 3. века н.е. Картирањем

налаза овог типа кућа у Средњој и Источној Европи добила би се њихова заступљеност у археолошким културама, што би можда водило ка њиховом пореклу. Оне су свакако једна су од главних одлика кијевске културе. Појава таквих полузеमुница на панонском простору у римско доба можда би се могла протумачити сеобама са тог простора у Панонију.

Досадашња сазнања говоре да је у културама које су претходиле римском периоду, на панонском, као и на другим просторима, сличан облик куће заступљен врло ретко, тако да порекло тог облика остаје неизвесно.

Постојање ретких примера таквих полузеमुница на простору Бачке и Баната у раном средњем веку, отвара даља питања која се свде на једно, основно. Да ли је полузеमुница са кровом на четири воде само један од општих архитектонских типова или ипак представља археолошку карактеристику култура античког и раносредњовековног периода, преко које је могуће пратити процес словенске етногенезе у Европи.

Ivana Pašić, Stanko Trifunović, Milan Zekovic
(Novi Sad / Belgrade, Serbia)

The half-sunken dwelling with a central post – the link between the southeast of the Pannonian Plain and the Kiev culture?

The settlements of the Late Antique period, which belong to the Sarmatian-Limigant culture, are very numerous in the eastern part of the Pannonian plain. This is especially documented by archeological investigations at Banat and Bačka, in present-day Serbia, Romania and Hungary. In the settlements that have been archaeologically investigated on these territories, one of the most common dwellings is a quadratic, half-sunken dwelling, measuring approximately 3 x 3 m to 4 x 4 m, with a central main post. The central post is a sign of the presence of a roof with four slopes. Elongated, rectangular houses of a size up to 6 x 5 m, with two central posts, can be seen as variants of this dwelling type.

The oldest examples of such houses come from settlements that can be dated to the end of the 2nd – beginning of the 3rd centuries AD. Mapping the dwellings of this type in central and Eastern Europe shows their distribution in relation to archaeological cultures and enables us to look for their origin. They are certainly one of the main features of the Kiev culture of the Dnieper region. The appearance of such half-sunken dwellings in Pannonia in Roman times could perhaps be interpreted as a result of migrations from that area to Pannonia.

Recent data show that, in pre-Roman cultures in Pannonia and other areas, similar house types are very rare, so the origin must remain uncertain

so far. The rarity of such half-sunken dwellings in the area of Bačka and Banat later, in the early Middle Ages, opens up further questions that can be reduced to one basic question: is the half-sunken house with four roof slopes just a common house type or does it represent a characteristic archaeological feature of Late Antique and early medieval cultures that can be used to understand the process of Slavic ethnogenesis in Europe?

Секција 2-2. Словени и епоха Великих миграција
Секция 2-2. Славяне и епоха Великих миграций
Section 2-2. Slavs and the epoch of the Great Migrations

Игорь Олегович Гавритухин (Москва, Россия)

Актуальные проблемы изучения пражской культуры

1. Для северо-востока пражской культуры одним из открытых вопросов является выделение ее локально-хронологических групп (это реально, судя по разным типам построек и отопительных сооружений) и определение ее границ на разных этапах существования. Особая проблема – соотношение поселений фазы «0» и «предпражских» групп.
2. Для юго-востока требуется дальнейший анализ форм контактов пражской и пеньковской культур: в Среднем Поднепровье имеются свидетельства явной конфронтации их носителей; наличие (сосуществование?) обеих традиций отмечается на некоторых селищах в Южном Побужье, Поднестровье, Попрутье. Необходима детальная атрибуция и максимально узкая датировка большего числа комплексов в таких зонах.
3. Для северо-запада особенно актуальна датировка наиболее ранних поселений междуречья Эльбы и Одера; иначе говоря, нужен ответ на вопрос: выделяется ли у суковской группы период до появления городищ и колодцев, имеющих дендро- и радиоуглеродные даты? Весьма перспективно рассмотрение типов Суков и Дзедзицы в соотношении с поселениями на территории Силезии и Великопольши.
4. От Карпат до Альп и Адриатики важно обобщение материалов пражской культуры доаварского времени, наличие которых подтверждают радиоуглеродные даты. Интересным может оказаться и детальное исследование могильников и поселений лангобардов, гепидов, баваров для выявления следов контактов этих народов со славянами.
5. При изучении взаимоотношений носителей пражской культуры с Римской/ Византийской империей перспективен анализ особенностей

этих процессов по периодам: А) IV в. – 520-е гг.; Б) 520-е гг. – 602 г.; В) VII в., включая фиксируемое на ряде византийских поселений прекращение монетных поступлений около 613 г. Среди важных направлений работ: учет всего массива находок от Балкан до лесов Восточной Европы, от «забытых» с XIX в. до сделанных с помощью металлодетекторов; разведки и раскопки на Балканах памятников с керамикой пражского типа и ее дериватов, учитывая сложный состав поселений круга Ипотешть – Кындешть – Чузел, а также могильников типа Олимпия.

Igor Gavritukhin (Moscow, Russia)

Current problems in the study of the Prague culture

1. North-eastern region of the Prague culture: one of the open questions is the identification of its local chronological groups (this is possible, based on the different building types and heating facilities) and the definition of the boundaries of the Prague culture at different stages of its existence. A particular problem is the relationship between the settlements of phase “0” and “pre-Prague” groups.
2. Southeast: further analysis of the forms of contacts among the Prague and the Penkovka cultures is required. For some regions, there is evidence of cases of obvious encounters between their carriers, while in other regions the sites of both cultures were located close to each other or even in the same place. Therefore, an exact attribution of and a detailed chronology for a larger number of complexes in the contact zones is required.
3. Northwest: the dating of the earliest settlements between the rivers Elbe and Oder is a particularly topical subject; in other words, we need an answer to the question: does the Sukow group have a period before the appearance of fortifications and wells with dendro- and radiocarbon dates? It is very promising to consider the Sukow and Dziedzice groups in relation to the settlements on the territories of Silesia and Greater Poland.
4. From the Carpathians to the Alps and the Adriatic: it is important to summarise the early, pre-Avar materials of the Prague culture, the presence of which is confirmed by radiocarbon dates. A detailed study of the burial grounds and settlements of the Lombards, Gepids, and Bavarians is very promising for identifying evidence of contacts between these peoples and the Slavs.
5. In the study of contacts between the Prague culture and the Roman/Byzantine Empire, the analysis of the peculiarities of their relations is promising for the following periods: А) from the 4th century until 520s; Б) from the 520s until 602; С) the 7th century, including the cessation of coin findings recorded

on a number of Byzantine settlements around 613. Some important research directions are: consideration of the entire array of finds from the Balkans to the east European forest zone, from those “forgotten” since the 19th century up to those obtained with the help of metal detectors; the exploration and excavation of Balkan sites with ceramics of the Prague type and its derivatives, taking into account the complex composition of the Ipotești – Căndești – Ciurel settlements, as well as the exploration of the Olympia-type burial grounds.

Станко Трифунович (Нови-Сад, Сербия),
Алексей Геннадьевич Фурасьев (Санкт-Петербург, Россия)

Об одном типе раннеславянских жилищ

Домостроительная традиция славян эпохи раннего Средневековья довольно однородна и представлена прежде всего прямоугольными жилищами срубной или столбовой конструкции полуземляночного типа (или с углубленным полом). Однако на ряде памятников третьей четверти I тыс. н.э. отмечены и другие, редкие разновидности жилых построек. Одна из них – наземные прямоугольные постройки, скорее всего срубной конструкции, имеющие углубленную центральную часть (котлован) овальной формы. Углубленная часть служила подпольной ямой-погребом и занимала большую часть площади постройки. Она имеет покатые, сужающиеся книзу стенки и неровное дно. Остатки отопительных сооружений – очагов – фиксируются как правило в заполнении этих ям в нарушенном состоянии. Размеры жилищ около 2-2,5 x 3,5-4 м, глубина котлована до 0,4-0,6 м от уровня материка.

Этот тип построек не имеет устойчивой традиции ни в одной из культур Восточной Европы, хотя представлен единично на ряде памятников V–VII вв. от Среднего Поднепровья до бассейна Западной Двины (в пеньковской, пражской, тушемлинской культурах). Возникает вопрос об истоках данного типа домостроительства. На поселениях Поднепровья III–V вв. этот тип жилищ неизвестен. Весьма отдаленное сходство можно проследить в материалах киевской культуры Днепровского Левобережья, где известны овальные углубленные постройки. Однако их существенными отличиями являются горизонтальный пол и отсутствие очагов. Данный тип построек весьма характерен для памятников групп Суков и Дзедзицы на северо-западе раннеславянского мира, что является одним из аргументов сторонников висло-одерского происхождения славян (или одного из славянских массивов). Но связь этих и других памятников на территории Польши, где известны рассматриваемые постройки (например, Шелиги и другие), с предшествующими древностями этих областей также остается недоказанной.

Между тем, жилища данного типа хорошо известны на поселениях культуры так называемых «сарматов-лимигантов» в Сербском Подунавье и Потисье. Подобные постройки здесь имеют размеры 3-4 x 5-6 м, а характерный для них котлован углублен от 1,5 до 3 м от современной поверхности. О наземном характере этих жилищ свидетельствует обилие глиняной обмазки и золы, а также остатки хозяйственного инвентаря, обнаруженные в котловане. Судя по всему, после сжигания таких жилищ вся их конструкция и содержимое попадают в котлован, однако неясно, имелся ли в постройках очаг. Датировка этих построек – от IV до середины V в. Среди найденной в них керамики есть и лепные горшки, имеющие прямые аналоги в посуде киевской культуры Поднепровья.

Stanko Trifunović (Novi Sad, Serbia),
Alexey Furasyev (Saint Petersburg, Russia)

An Early Slavic dwelling type

The Slavic housebuilding tradition of the early Middle Ages is quite homogeneous and is represented primarily by rectangular half-sunken dwellings (or dwellings with a deepened floor) of log or pillar construction. However, on a number of sites of the third quarter of the 1st millennium AD other, rather rare, types of residential buildings have been noted. One of these varieties consists of rectangular dwellings at ground level, most likely log constructions, with an oval depression in the centre. The deepened part most probably served as a cellar cavity under the floor, and it occupied most of the building's area. The depression has sloping, narrowing downwards, side walls and an uneven bottom, and the remains of disturbed heating constructions – hearths – are usually documented in the filling of these cavities. The dimensions of the dwellings are about 2-2.5 m x 3.5-4 m, and the depth of the depression is up to 0.4-0.6 m from the main floor level.

This building type does not have a stable tradition within the framework of any archaeological cultures of Eastern Europe, even though it is represented sporadically at several 5th–7th century sites from the Middle Dnieper to the Western Dvina basin (at Penkovka, Prague and Tushemlya culture sites). What are the origins of this house-building type? In the 3rd–5th century Dnieper region settlements, this type of dwelling is unknown. Oval, sunken buildings that are known from the Kiev culture of the Dnieper Left Bank can be said to be vaguely similar; however, significant differences are the even bottom and the absence of hearths. Nevertheless, this building type is very typical for sites of the Sukow-Dziedzice group in the northwest of the early Slavic world. This is one of the arguments for a Vistula – Oder origin of the Slavs (or at least of a part of them). But the relationship between such sites

and building types on the territory of Poland (Szeligi, for example, and others) and the preceding archaeological remains in these areas are unclear.

Meanwhile, dwellings of this type are well known in the settlements of the so-called “Sarmatians-Limigants” culture in the Serbian Danube and Tisza regions. The buildings in question have a size of 3-4 m x 5-6 m, and the characteristic cavity has a depth ranging from 1.5 to 3 m under the modern surface. It is argued that a high amount of daub and ashes, as well as the remains of the household inventory in the filling, indicate that the position of the dwelling construction was at ground level. It seems that after the burning of such dwellings, the entire construction and contents of the dwelling would fall into the cavity, although it remains unclear whether there was a hearth in the buildings or not. These dwellings are generally dated from the 4th century to the mid-5th century. Among the ceramic finds, there are also handmade pots that have direct analogies to the pottery of the Kiev culture in the Dnieper region.

Matthias Hardt (Lipsk, Nimska)

Awary a Słowjany – wójański póség?

Poměr mjazy Słowjanami a Awarami, kótarež se srjež 6. stolěša w pódzajtšnej srježnej Europje zjawichu, mějašo wósebny charakter. Słowjańske kupki běchu drje južo do lěta 567 w srježnych Dunajskich stronach psibytny, ale rozšyrjenje słowjańskosći pó celej pódzajtšnej srježnej a pódzajtšnej Europje njeby mimo rejtańskich nomadow zewšym móžne było. Južo do woblēgowanja Konstantinopla w lěše 626 pšewjezechu se wótgłosowane militariske akcije, ale akle wopisowanja póprozneho wójowanja psi Złotem rogu a Bosporusu a Fredegarowa rozpsawa wó zběžku lěta 630 pokažu, kak Awary ze Słowjanami wobchadachu, rozmjej z namócu: Wóni słowjańske wójnarje militariski wuklukowachu a słowjańske žeńske w zymskich kwarterach wumócowachu. Weto pšesajzi se słowjańska rěc teke pla drugich „žiwych ludow“, stojecych w awariskej službje; snaž napšawdu ako „lingua franca“, a to lěcrownož mějachu w Konstantinoplu hyšći komunikaciske problemy – glich na njerěcnej rowninje. Teke pó njeražonem woblēgowanju stolice wósta wjele słowjańskich kupkow z Awariskim khaganatom zwězanych. Nejskerjej ščitowachu dalšu wokolnosť swójeje residence, nutšikowneje wokolice, z kumštnje napóranymi zagroženjami w pógranicnych lěsach pšeiwo napadnjenjam wótwenka. Akle gaž se markgrobje Erichoju z Friulскеje w lěše 795 póraži ze Słowjanom Wojnimirom „insidera“ pšeiwo awariskej residency mobilizěrowaš, běšo se z mócu nomadow stało. Mysl na „azisku despotiju“ jo psi analyzy póségow mjazy nomadami a zasedlonymi ludami w ranej pódzajtšnej srježnej Europje wjelgin wěrjepódobna. Wobkšušenje togo pak se hyšći pomina dlujko trajuce interdisciplinarne slěženje.

Matthias Hardt (Leipzig, Germany)

Avars and Slavs – A military relationship?

The relationship between the Slavs and the Avars, who had appeared in east central Europe in the mid-6th century AD, was of a special kind. While Slavic groups had been present along the middle Danube since before AD 567, it is inconceivable that Slavic-ness could have spread across eastern and east central Europe without these horse-mounted nomads. Coordinated military actions had already taken place even before the siege of Constantinople in AD 626, but only in the description of the failed efforts on the Golden Horn and the Bosphorus and in Fredegar's account of the rebellion of AD 630 does it become clear how the Avars treated the Slavs. Their relationship was characterised by violence: the badly armed Slavic warriors were militarily exploited and Slavic women were sexually assaulted in the winter quarters. In spite of all this, the Slavic language was adopted by the other "savage peoples" who were in the service of the Avars; perhaps really as a "lingua franca", even though it is supposed that there had still been communication problems – albeit of a non-linguistic kind – at Constantinople. Even after the defeat outside the Byzantine capital, many Slavic groups remained connected to the Avar Khaganate. Using artificially entangled forests, they probably protected the vast surroundings of their residence, the inner ring, against outside attack. It was only in AD 795, when Margrave Eric of Friuli succeeded in turning an "insider", the Slav, Woynimir, against the Avar residence, that the power of the nomads could be broken. In the analysis of the relationships between nomads and sedentary peoples in early east central Europe, the idea of "Asian despotism" never seems too far away, but to confirm it will need further long-term interdisciplinary research.

Михаил Михайлович Казанский (Париж, Франция)

Германское влияние на славянское вооружение V–VII вв.

В ареале славянских культур V–VII вв. – Прага, Пеньковка и Колочин – предметы вооружения германского происхождения представлены единичными находками и почти исключительно на территории пражской культуры. В первую очередь это бутероль с поселения Ясковичи-1 в Белоруссии. Бутероль принадлежит типу Самсон, который характерен для «парадных» мечей франко-алеманнской воинской элиты середины – второй половины V в. На основании аналогий и стиля исполнения предполагается, что бутероль из Ясковичей могла быть изготовлена на территории Среднего Подунавья в середине – второй

половине V в. Вторая находка происходит из погребения пражской культуры Клементовичи на Украине, где обнаружены две заклепки с полусферическими шляпками. Судя по меровингским и лангобардским параллелям, они скорее всего принадлежали щиту. К числу германских заимствований относится и меровингский скрамасак из погребения 114 на могильнике пражской культуры Пржитлуки в Моравии. Показательно, что скрамасак был найден в ингумации, что совершенно не характерно для пражской культуры. Поэтому, вероятно, могила принадлежит какому-то «иностранцу» (германцу?) интегрированному в славянскую общину.

Вне ареала пражской культуры в зоне расселения славян можно назвать лишь топор-франциску с городища Демидовка на Смоленщине, которое вместе с рядом других верхнеднепровских памятников сейчас причисляют к культуре Колочин. Это оружие принадлежит к числу франциск типа Хюбнер А, широко распространенных на романо-германском Западе, но практически неизвестных в Восточной Европе. Прототипы франциск известны уже в позднеримское время, однако основная масса находок этих топоров относится к концу V – середине VI в.

В целом находки предметов вооружения германской традиции на славянских памятниках V–VII вв. очень немногочисленны, особенно по сравнению с количеством оружия степного происхождения (стрелы, луки, пики, конское снаряжение). Это свидетельствует об очень ограниченном влиянии германцев на военное дело славян, что объясняется существенной разницей в тактике войны и приемах боя у этих народов.

Michel Kazanski (Paris, France)

Germanic influence on Slavic weaponry from the 5th to 7th centuries

In the distribution area of the Slavic Prague, Pen'kovka, and Kolochin archaeological cultures from the fifth to seventh centuries there are a few isolated weapons finds of Germanic origin, mostly located in the Prague culture area. Primarily, there is a chape from the settlement Yaskovichi-1 in Belorussia. This chape belongs to the Samson type, which was characteristic of the “parade” swords of the Frankish-Alemannic military elite in the middle to the second half of the fifth century. The analysis of its parallels and style suggests that the Yaskovichi chape was probably made in the Middle Danube area in the middle or the second half of the fifth century. The second find originates from the Prague culture's burial site of Klementovichi in Ukraine, which contained two rivets with hemispherical caps. According to the Merovingian and Langobardian parallels, they were most likely parts of a shield. Among the Germanic borrowings was a Merovingian *scramasax*

from burial 114 in the Prague culture's necropolis of Přítluky in Moravia. It is indicative that the *scramasax* was uncovered in an inhumation burial, which was not a typical Prague culture funeral rite. Therefore, the burial in question probably belonged to a "foreigner" (a German?), who had been integrated into the Slavic community that created the necropolis of Přítluky.

In the Slavic population zone outside the area of the Prague culture, there is probably just one such case, namely a find of a *francisca* axe at the ancient hillfort Demidovka in the Smolensk area, which is now attributed to the Kolochin culture along with a group of sites from the Upper Dnieper area. This weapon belongs to the Hübner A type of *francisca* axe, which was widely distributed in the Roman-Germanic West and almost unknown in Eastern Europe. Although the prototypes of these *francisca* axes were known as early as the Later Roman period, the main bulk of this kind of find dates from the late fifth to the mid-sixth centuries.

Generally, there are very few finds of weaponry featuring Germanic tradition at the Slavic sites from the fifth to seventh centuries, especially in comparison with the finds of the weaponry of steppe origin at the Slavic sites (arrows, bows, spears, and horse tack). This fact attests to the Germans' limited influence on Slavic warfare, possibly because of the considerable differences in these peoples' military tactics and combat techniques.

Секција 3-1. Рани Словени Подњепровља
Секция 3-1. Ранние славяне Поднепровья
Section 3-1. Early Slavs of the Dnieper

Алена Фёдораўна Касюк (Мінск, Беларусь)

Кераміка славянскага насельніцтва Беларускага Палесся ў другой палове I тысячагоддзя н.э.: фарміраванне набору, эвалюцыя, параўнаўчы аналіз

Даклад прысвечан аналізу ляпной керамікі пражскай культуры (канец IV – VII ст.) і ранняга этапу Лука-Райкавецкай культуры (VIII ст.) на тэрыторыі Беларускага Палесся. Даследчыкамі адзначана адзінства формаў пасудзін на вялікай тэрыторыі, занятай славянамі – прадстаўнікамі пражскай культуры, аднак у розных рэгіёнах, у тым ліку, і ў Беларускам Палессі, кераміка ўсё ж мела свае асаблівасці.

Пры распрацоўцы тыпалогіі керамікі пражскай культуры за аснову даследчыкі звычайна бяруць прапанаваны І.П. Русанавай прынцып вылучэння тыпаў пасудзін па матэматычным вылічэнні іх параметраў.

Таксама ўлічваецца эвалюцыйнае змяненне венцаў пасудзін. Кераміка пражскай культуры Беларускага Палесся, у тым ліку, і як матэрыял для адноснага датавання, разглядаецца ў артыкулах В.С. Вяргей, І.А. Гаўрытухіна. За мінулыя гады крыніцазнаўчая база значна папоўнілася. У тым ліку, з'явілася вялікая колькасць пасудзін цэлых формаў. Некаторыя новыя аб'екты, у асноўным – жытлы, былі прадатаваныя радыёвугляродным метадам, што дазволіла атрымаць абсалютныя даты, у тым ліку, і для керамікі.

У дакладзе на аснове апублікаваных матэрыялаў В.С. Вяргей, Г.М. Бяліцкай, А.А. Егарэйчанкі, У.Ф. Ісаенкі, М.Ф. Гурына, В.Б. Пярхаўкі, Ю.У. Кухарэнкі, І.П. Русанавай, К.В. Каспаравай, а таксама аўтара, разгледжана кераміка з адкрытых паселішчаў Востраў-2, Струга-1, Снядзін-2, Снядзін-3, Петрыкаў-2, Бяланавічы-1, Камень-6, Кажан-Гарадок-1, Юравічы-6; гарадзішча і селішча Хотамель. Будзе прадстаўлена тыпалогія керамікі пражскай культуры з гэтай тэрыторыі, у якой ўлічаны звыш 50 цэлых формаў, а таксама некалькі сотняў вялікіх верхніх і ніжніх частак пасудзін. У першую чаргу разглядаюцца матэрыялы з аб'ектаў – жытлаў, гаспадарчых ямаў, пахаванняў.

У Беларускім Палессі адзначаны помнікі з матэрыяламі перыяду фарміравання пражскай культуры: Востраў-2, Петрыкаў-2, Снядзін-2, Снядзін-3. Мы паспрабуем прасачыць верагодныя вытокі складвання набору славянскай керамікі на аснове матэрыялаў познерымскага перыяду. Таксама будзе прадстаўлена развіццё славянскай керамікі Беларускага Палесся з цягам часу, праведзена параўнанне з керамікай з іншых рэгіёнаў.

Праблемным перыядам застаецца фінал пражскай культуры і фарміраванне Лука-Райкавецкай культуры (канец VII – VIII ст.). У тым ліку, недастаткова даследавана і кераміка гэтага “пераходнага” перыяду. Будзе разгледжана тэхналогія вытворчасці ляпной керамікі, а таксама арнамент, адбіткі тканіны на паверхні пасудзін.

Alena Kasyuk (Minsk, Belarus)

The pottery of the Slavic population in the Belarusian Polesia in the second half of the 1st millennium AD: formation, development, comparative analysis

The focus of the paper is on the analysis of the Prague (late 4th – 7th centuries AD) and early Luka-Raykovetska (8th century AD) cultures' handmade pottery on the territory of the Belarusian Polesia. It has been largely recognized that the shape of the pottery in the vast area occupied by the Slavic population of the Prague culture is strikingly uniform. However, in

different regions, including the Belarusian Polesia, individual pottery characteristics must be determined.

When developing a pottery typology for the Prague culture as a whole, and for individual areas of its distribution, researchers usually apply the method of mathematical determination of their parameters as it was suggested first by I.P. Rusanova (1973; 1976).

The pottery of the Prague culture of Belarusian Polesia is the focus of V.S. Vyargey and I.A. Gavritukhin's studies, including its consideration as a material for relative dating. Over the past few years, the knowledge base has significantly increased. In particular, a large number of complete pots were excavated. Furthermore, some new objects, mainly dwellings, were radiocarbon dated, which also provided independent absolute dates for the ceramics.

The presented study is based on published materials by V.S. Vyargey, H.M. Byalickaya, A.A. Egoreychenko, U.F. Isayenko, M.F. Guryn, V.B. Pyarkhauko, Y.U. Kukhareno, I.P. Rusanova, K.V. Kasparova and the author. Its focus is on pottery from the following open settlements in the Belarusian Polesia: Vostrov-2, Struha-1, Snyadzin-2, Snyadzin-3, Petrikav-2, Byalanavichi-1, Kamen-6, Kazhan-Haradok-1, Yuravichi-6; as well as from the fortified settlement of Khotamel. A local typology of ceramics of the Polesia Prague culture is presented, which takes into account more than 50 complete forms as well as several hundred large bottom or rim fragments. Objects with a certain context from archaeological features, such as dwellings or storage pits, are considered first. In the Belarusian Polesia, there are sites with materials from the formation period of the Prague culture, namely Vostrov-2, Petrikav-2, Snyadzin-2, Snyadzin-3. In the paper, we argue that the probable origins of the Slavic pottery can be identified in materials from the Late Roman period. The development of the Slavic ceramics from Belarusian Polesia in comparison with that of other regions is additionally addressed, as well as technological aspects of handmade pottery production and surface features such as ornamentation or fabric imprints on the surface of pots.

However, the end of the Prague culture and the formation of the Luka-Raykovetska culture (late 7th – 8th centuries AD) remain problematic. In particular, investigations on pottery of this “transitional” period are still a desideratum.

Вячеслав Игоревич Баранов (Киев, Украина)

Пастырское городище в свете исследований 2017-2018 гг. и его роль в истории Восточной Европы последней четверти I тыс. н.э.

В 2017-2018 гг. были продолжены исследования Пастырского городища, занимающего исключительную роль в археологии Восточ-

ной Европы последней четверти I тыс. н.э. Городище расположено в 3 км к западу от села Пастырское Черкасской области Украины. Поселение имеет площадь около 25 га и разделено речкой Ляна на две неравные части. По периметру городище обнесено валами, высота которых составляет до 4 м, прослеживаются остатки рва.

На правобережной части городища было заложено несколько раскопов, общая площадь которых составила до 400 кв. м. Здесь зафиксированы остатки оборонительной линии, формировавшей внешний контур обороны цитадели городища. Прослежены остатки рва шириной до 5 м и глубиной 1,2 – 2,4 м. Вал проследить не удалось – видимо он был полностью уничтожен в ходе хозяйственной деятельности XX века. В заполнении рва обнаружены сожженные остатки крепостной стены. Зафиксированы два ее деревянных панциря, состоявшие из вертикальных округлых в сечении столбов и горизонтальных плах. Пространство между ними было заполнено глиной. Поверх деревянной стены выявлено несколько скоплений лепной и гончарной керамики, а также других артефактов, видимо скинутых в ров уже после гибели городища. Всего здесь найдены фрагменты не менее 20 сосудов – 16 лепных и 4 сделанных на гончарном круге. Последние представляют собой характерные для Пастырского городища серолощенные сосуды, покрытые врезным и лощеным орнаментом. Любопытно, что лепная керамика близка различным славянским археологическим культурам – прежде всего пражской и волынцевской.

Подводя итоги этих работ, необходимо отметить, что цитадель городища была хорошо укреплена. Она имела три линии обороны и была построена не позднее первой половины VII в. Это позволяет рассматривать ее не просто как племенной, а как государственный или протогосударственный центр. При этом здесь представлены различные группы славянского населения, как правобережного, так и левобережного. Это еще раз заставляет нас взглянуть на старую концепцию М.И. Артамонова относительно Пастырской культуры и ее значения.

Vyacheslav Baranov (Kyiv, Ukraine)

The Pastyrskoe hillfort in the light of the 2017-2018 research and its role in the history of Eastern Europe in the last quarter of the 1st millennium AD

In 2017 and 2018, archaeological research on the Pastyrskoe hillfort, which has played an exceptional role in the archeology of the last quarter of the first millennium AD in Eastern Europe, was continued. The hillfort is located 3 km to the west of the village of Pastyrskoe in the Cherkasy region

of Ukraine. The fortified settlement covers an area of about 25 hectares and is divided into two unequal parts by the Lyana river. It is surrounded by ramparts along the perimeter that reach heights of up to 4 m. The remains of a ditch could be identified.

On the right bank part of the hillfort, several excavations were placed covering a total area of approximately 400 sq. m. Remains of a fortification line could be discovered that formed the outer defence of the citadel. While a ditch that was up to 5 m wide and 1.2–2.4 m deep has been uncovered, no evidence for the rampart was found. It was probably completely destroyed by anthropogenic activities in the twentieth century. In the filling of the ditch, burnt remains of a wooden fortress wall were found. Two wooden defence constructions, consisting of vertical posts and horizontal planks could be documented. The space between them was filled with clay. Above the wooden wall, several agglomerations of handmade and wheel-thrown ceramics were found, as well as other artifacts. Obviously, these were thrown into the ditch after the destruction of the hillfort. Altogether, fragments of at least 20 vessels were collected, 16 of handmade and four of wheel-thrown pottery. The wheel-thrown pottery is characteristic of the Pastyrskoe hillfort and is represented by gray-burnished vessels covered with cut-in and polished ornamentation. It is interesting that the handmade pottery has similarities to different Slavic archaeological cultures – primarily the Prague and Volyntsevo cultures.

Summing up the most important results, it has to be stated that the citadel of the Pastyrskoe hillfort was well fortified. It had three defence lines and was built not later than the first half of the 7th century. This allows us to consider Pastyrskoe as not only a tribal centre, but a state or proto-state centre. It is remarkable that various groups of the Slavic population, both right-bank and left-bank, were represented here. This makes us revisit the old conception of M.I. Artamonov regarding the so-called Pastyrskoe culture and its meaning.

Анна Владимировна Мاستыкова (Москва, Россия)

Славяне Среднего Поднепрорья, Крым и Византия в VI–VII вв.

В Среднем Поднепрорье на территории, занятой славянским населением, носителями пеньковской и колочинской культур, обнаружено заметное количество византийских импортных вещей. Это прежде всего серебряная посуда из Мартыновского клада, а также фрагменты серебряного сосуда с остатками клейма из клада в Судже–Замостье. Из Среднего Поднепрорья происходят и византийский бронзовый сосуд, бронзовые светильники-поликандилионы, подсвечники, пряжка «с голо-

вой варвара», литые «арбалетные» фибулы, так называемые сумочные пряжки. В антском уборе, представленном находками из кладов типа Мартыновки и пеньковских поселений, уже неоднократно отмечалось присутствие элементов, отражающих ранневизантийское влияние, таких как некоторые типы «геральдической» ременной гарнитуры, подвязные фибулы с пластинчатой спинкой, антропо- и зооморфные фигурки, антропоморфные фибулы с изображениями павлинов, некоторые типы стеклянных бус. Большая часть этих находок приходится на довольно ограниченный участок Днепровского Правобережья – бассейн рек Рось и Тясмин. Учитывая явно «княжеский» характер Мартыновского клада, можно предположить, что где-то в этом регионе находился один из центров власти антов второй половины VI – первой половины VII в.

Известно, что в отличие от своих родственников склавинов, анты, с 540-х по 610-е гг. были союзниками Восточно-Римской империи. Возникает вопрос, каким же образом империя поддерживала контакты со своими далекими союзниками, отрезанными от нее на Дунае непримиримыми врагами – аварами и склавинами? Ведь для того, чтобы, как минимум, согласовать свои военные акции, как это произошло в 584–585 гг., когда явно при подстрекательстве Константинополя анты ударили по склавинским тылам в момент похода авар и склавинов на империю, был необходим прямой контакт. Представляется, что такие контакты могли осуществляться через Юго-Западный Крым, где Византия сохраняла свой опорный пункт – Херсонес Таврический. Такое предположение кажется возможным, поскольку в Юго-Западном Крыму в могильниках местного населения часто встречаются предметы антского женского убора, например, пальчатые и зооморфные фибулы. Их концентрация в Крыму является наиболее значимой вне пределов Среднего Поднепровья.

Anna Mastykova (Moscow, Russia)

The Slavs in the Middle Dnieper area, the Crimea, and Byzantium in the 6-th and 7-th centuries

There has been a noticeable amount of imported Byzantine artefacts discovered in the Middle Dnieper area, which was occupied by the Slavic population of the Penkovka and the Kolochin cultures. Among them, the Byzantine silver tableware from the treasury of Martynovka and a fragmented silver vessel from the treasure of Sudzha-Zamost'e with the remains of a stamp should be especially noted. Among the finds from the Middle Dnieper area there are also a Byzantine bronze vessel, bronze *polykandela* lamps (chandeliers), candlesticks, a buckle with a “barbarian’s head,” cast

crossbow fibulae, and so-called bag buckles. In the Antes' dress ornaments, represented by finds from the Martynovka-type hoards and Penkovka settlements, the presence of elements reflecting early Byzantine influence, such as certain types of "heraldic" belt fittings, fibulae with a lamellar bow and returned foot, anthropomorphic and zoomorphic figures, anthropomorphic fibulae with peacocks and some types of glass beads was repeatedly noticed. Most of the finds in question were discovered on the right bank of the Dnieper, more precisely within a rather limited area of it, namely in the basin of the Ros' and Tiasmin rivers. Considering the obvious "princely" character of the Martynovka hoard, it can be assumed that somewhere in this region was one of the power centres of the Antes during the second half of the 6th and the first half of the 7th centuries.

It is known that the Antes, in contrast to their related Sclaveni, were allies to the Eastern Roman Empire from the 540s to 610s. Therefore, the question arises of how the Empire could keep in contact with its faraway allies who were cut off at the Danube by the Empire's hostile enemies, the Avars and the Sclaveni? They definitely needed at least some direct contact to coordinate military operations, such as that of 584–585 when, clearly at the instigation of Constantinople, the Antes struck the Sclaveni's rear during the Avars' and Sclaveni's raid against the Empire. It seems that such contacts could have been maintained throughout south-western Crimea, where Byzantium retained its stronghold of Chersonesos Taurica. Such an assumption seems to be possible in that dress elements of the Antes, e.g. radiate-headed fibulae with five knobs on a head-plate and zoomorphic fibulae, often occurred in burials of the local population in the south-western Crimea. In Crimea, their concentration is the most significant outside the Middle Dnieper region.

Секција 3-2. Североисток ранословенског света
Секција 3-2. Северо-Восток раннеславянског мира
Section 3-2. Northeast of the early Slavic world

Татьяна Станиславовна Бубенько (Витебск, Республика Беларусь)

Этнокультурные процессы в Витебском Подвинье в I–VIII вв. н.э.

В первые века – середине I тыс. в Витебское Подвинье с юга проникают отдельные группы позднезарубинецкого населения, а вслед за ними праславянские племена верхнеднепровского варианта киевской культуры. Свидетельством их инфильтрации в балтскую среду могут служить находки чернолощеной и подлощеной керамики, керамика с

расчесами, бритвы, оружие и предметы снаряжения, вещи с эмальями, подвязные фибулы, черняховские бусы и другие находки.

Процесс расселения южных групп населения мирным назвать нельзя. Напластования позднего этапа днепро-двинской культуры на исследованных городищах перекрыты мощным зольно-угольным слоем.

Пришлое население не только занимает городища, но и обустроивает открытые поселки на пологих склонах холмов, террасах и у подножья городищ. Концентрация ранних селищ отмечена в двух районах Витебского Подвинья. На левобережье Западной Двины южнее линии Черная Лоза – Лукомль – Старые Лавки – Бельняки, что совпадает с северной границей культуры штрихованной керамики. Второй район компактного расселения поздних зарубинцев локализован в пределах Городокской и Витебской возвышенностей. Вне очерченных ареалов известны лишь единичные поселения, которые тяготеют к высоким коренным берегам рек.

С приходом праславянского населения в Витебском Подвинье в IV–V вв. формируется круг древностей типа Заозерье – Узмень – Городок, который своим происхождением связан с киевской культурой Поднепровья. Вышеуказанные древности, вероятнее всего, следует рассматривать в качестве единой подосновы для культур ранних длинных курганов и Банцеровщина – Тушемля.

Ныне в Витебском Подвинье известно не менее 35 селищ банцеровско-тушемлинской общности и культуры ранних (псковских) длинных курганов.

Наличие в правобережной части Витебского Подвинья курганных могильников VI–VIII вв. дает основание включить его в зону распространения ранних длинных курганов, которые интерпретируются как погребения балто-славянского населения.

В конце VIII в. на смену банцеровско-тушемлинской общности приходит население, оставившее полоцко-смоленские длинные курганы. Между культурой длинных курганов и памятниками IX–XI вв. прослеживается преемственность в погребальной обрядности, к тому же они сосуществуют в одних могильниках. На исследованных поселениях не зафиксировано насильственной смены населения на рубеже VIII–IX вв. Все это указывает на то, что подоснову кривичей следует искать в местных культурах третьей четверти I тыс. н.э.

Tatyana Bubenko (Vitebsk, Belarus)

Ethnocultural processes in the Vitebsk Dvina region in the 1st–8th centuries AD

In the first half of the 1st millennium AD, separate groups of the Late Zarubinty population migrated to the Western Dvina River region

around Vitebsk from the south, followed later by Proto-Slavic tribes of the Upper Dnieper variant of the Kiev culture. Evidence of their infiltration into the Baltic milieu can be seen in the finds of black-polished and polished ceramics, pottery with combed ornamentation, razors, weapons and equipment, enameled items, typical fibulae, beads of the Chernyakhov culture, and others.

The spread of the southern population groups was not at all peaceful. The deposits of the late stage of the Dnieper-Dvina culture on the investigated sites are covered by a thick ash-and-coal layer.

The new population not only occupied the hillforts, but also established open settlements on the hillslopes, terraces and at the foot of the hillforts. Clusters of early settlements are found in two areas of the Vitebsk Dvina region: firstly, on the left bank of the River Western Dvina approximately to the south of the Chernaya Lozha – Lukoml – Starye Lavy – Belniaky line, which coincides with the northern border of the Hatched Ceramics culture; and secondly, in an area of intensive settlement of the Late Zarubintsy culture in the Gorodok and Vitebsk uplands. Outside these areas, only sporadic settlements are known, which tend to be on the high banks of the rivers.

The arrival of the proto-Slavic population in the Vitebsk region in the 4th–5th centuries correlates with the formation of antiquities of the Zaozerye – Uzmen – Gorodok type, which are closely related to the Kiev culture of the Dnieper region. These antiquities should, most likely, be considered as a common basis for the Early Long Barrow and Bantserovshchina–Tushemlya cultures. At least 35 sites of the Bantserovshchina–Tushemlya and Early (Pskov) Long Barrow cultures are known in the Vitebsk Dvina region.

The presence of burial mounds from the 6th–8th centuries on the right bank of the Vitebsk Dvina region provides us with a reason to include it in the territory containing early long barrows, which are ethnically interpreted as Baltic-Slavic burials.

At the end of the 8th century, the Bantserovshchina–Tushemlya community was replaced by a population that left us the Polotsk-Smolensk long barrows. Between the Long Barrow culture of the 6th–8th centuries and the burial sites of the 9th–11th centuries, there is continuity in funeral rites; moreover, they even coexist in the same burial grounds. The archaeologically investigated sites do not show any violent change of population at the turn of the 8th–9th centuries. All this indicates that the basis of the Kryvichi should be sought in the local cultures of the third quarter of the 1st millennium AD.

Ольга Николаевна Левко (Минск, Республика Беларусь)

Славяне на территории Центральной и Северной Белоруссии во второй половине I тысячелетия н.э.

Новейшие археологические исследования, проведенные на памятниках Центральной и Северной Белоруссии с 1990 по 2020 гг., значительно корректируют время освоения славянами этих регионов Восточной Европы. Вместо IX–X вв. время их распространения в данной зоне приходится на конец V – VII в. Анализ археологических источников позволяет утверждать, что в эпоху Великого переселения народов на ряде памятников Центральной и Северной Белоруссии наряду со славянскими древностями, аналогичными Украинскому и Белорусскому Поднепровью, появляются материалы (украшения, оружие, предметы быта, керамика), характерные для западных славян или славяно-аварского населения (VI–VII вв.).

На рубеже VII–IX и X вв. на землях Центральной и Северной Белоруссии формируется полиэтничное население, ведущим компонентом которого в хозяйственной, культурной сферах и погребальном обряде являлся славянский этнос, причём в украшениях, керамике и погребальном обряде прослеживаются западнославянские черты.

В эпоху викингов (IX–X вв.) население земель Центральной и Северной Белоруссии активно формирует отдельные участки пути «из варяг в греки» в лесной зоне Восточной Европы и вступает в торгово-ремесленные контакты с представителями североευропейских народов.

Olga Levko (Minsk, Belarus)

Slavs on central and northern Belarus territory in the second half of the 1st millennium AD

The results of the latest archaeological investigations on the territory of central and northern Belarus between 1990 and 2020 significantly correct the dating of the settling of these east European regions by Slavic populations. The timespan of their spread in this territory is the end of the 5th–7th centuries AD rather than the 9th–10th centuries. An analysis of archaeological materials suggests that in the Migration Period, on some central and northern Belarus sites, the finds (jewellery, weapons, household items, pottery) typical for Western Slavs or the Slavic-Avar population (6th–8th centuries) appear at the same time as the Slavic antiquities of the Ukrainian and Belarusian Dnieper regions.

At the turn of the 7th–9th and 10th centuries a poly-ethnic population was being formed in central and northern Belarus, whose leading component

in the economic and cultural spheres was the Slavic ethnos, with western Slavic features in their jewellery, ceramics and funeral rites.

During the Viking Age (9th–10th centuries), the population of central and northern Belarus actively formed separate sections of the route «from the Varangians to the Greeks» in the forest zone of Eastern Europe and came into trade and craft contacts with representatives of the northern European peoples.

Иван Игоревич Еремеев, Алексей Геннадьевич Фурасьев
(Санкт-Петербург, Россия)

Ранние славяне на Северо-Западе Русской равнины в IV–V вв.

Изучение славянских древностей Северо-Запада России в начале XXI в. вышло на новый уровень. Ранее исследователи выделяли лишь одну археологическую культуру, связанную с распространением славянского населения, – культуру псковских длинных курганов V–VIII вв., происхождение которой долгое время оставалось дискуссионным. За последние 30 лет были изучены памятники, которые позволили по-новому реконструировать основные этапы первой волны раннеславянской колонизации:

1. Памятники типа Заозерье занимают область от Верхнего Поднепровья до верховьев Ловати и Великой. Их впервые выделили и охарактеризовали Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев. Изучалось не менее 7-8 поселений и два грунтовых могильника (Фролы, Узмень). Наиболее ранние памятники относятся ко второй половине – концу III в., основная масса датируется IV и первой половиной V в.

2. Памятники типа Подол расположены в верховьях Волги, впервые выделены и тщательно исследованы И.В. Ислановой. Известны лишь селища и городища, датированные в целом V–VII вв., наиболее ранние несомненно возникают в V в.

3. Памятники Центрального Приильменья впервые выявлены Е.Н. Носовым и А.В. Плоховым (поселение Прость). И.И. Еремеевым изучались два городища (Городок на Маяте и Бронница) и селище (Городок на Маяте). Материалы V–VII вв. были выявлены и среди материалов раскопок С.Н. Орлова на городище Сельцо. Выделение группы ранних городищ особенно важно, поскольку летописи называют озеро Ильмень в качестве центрального очага славянизации земель Северо-Запада России.

Анализ находок указывает на тесную связь отмеченных групп древностей с раннеславянским населением Верхнего Поднепровья и Подесенья, прежде всего с памятниками киевской культуры. При этом

в территориально-хронологическом отношении с точки зрения морфологии лепной посуды, тип Заозерье занимает ключевое место. Он отражает первоначальный этап продвижения населения из Поднепровья на север во второй половине III в., служит основой формирования древностей V–VI вв. Приильменя и верховьев Волги. Появление последних одновременно с возникновением культуры псковских длинных курганов маркирует второй этап колонизации региона.

Ivan Ereemeev, Alexey Furasyev (Saint Petersburg, Russia)

Early Slavs in the north-west of the Russian Plain in the 4th–5th centuries AD

The study of Slavic antiquities of the north-west of the Russian Plain reached a new level in the early 21st century. Previously, only the Pskov Long Barrow culture of the 5th–8th centuries was presumed to be associated with the spread of the Slavic population. The discussion about the formation of this culture remained controversial for a long time. Over the last 30 years, several sites that have enabled a new reconstruction of the main stages of the first wave of early Slavic colonization have been studied. These studies have focused on three cultural groups of antiquities:

1. Zaozerye-type sites occupy the region between the Upper Dnieper and the upper reaches of the Lovat and Velikaya rivers. They were first identified and characterized by N.V. Lopatin and A.G. Furasyev. At least 7-8 settlements and two burial grounds (Froly, Uzmen') have been studied. The earliest monuments date back to the period between the second half and the end of the 3rd century, the majority can be dated to the 4th – first half of the 5th centuries.
2. The Podol-type sites are located on the upper reaches of the Volga. They were first identified and carefully studied by I.V. Islanova. So far, only open and fortified settlements have been discovered. These are generally dated to the 5th–7th centuries; the earliest undoubtedly appeared in the 5th century.
3. The sites of the central Ilmen Lake Region were first identified by E.N. Nosov and A.V. Plokhov (settlement Prost'). I.I. Ereemeev studied two fortified settlements (Gorodok on Mayata and Bronnitsa) and an open settlement (Gorodok on Mayata). Additionally, materials from the 5th–7th centuries were identified among the materials from excavations by S.N. Orlov at the settlement of Seltso. The identification of this group of early settlement sites is especially important, since the Russian chronicles mention Lake Ilmen as being at the heart of the Slavicization of the lands in North-West Russia.

The analysis of the finds indicates a close connection between the above-mentioned groups of antiquities and the early Slavic population of the Upper Dnieper and Desna regions, primarily the sites of the archaeological

Kiev culture. Thus, in the territorial-chronological relationship and in terms of the morphology of the handmade pottery, the Zaozerye-type sites occupy a key position. They reflect the initial stage of the movement of the population from the Dnieper region to the North in the second half of the 3rd century and they form the basis for the formation of the 5th–6th century antiquities in the Ilmen' Lake region and on the upper Volga. Their appearance at the same time as the Pskov Long Barrow culture marks the second stage of the colonization of the region.

Елена Робертовна Михайлова (Санкт-Петербург, Россия)

Культура псковских длинных курганов и проблема славянского расселения на Северо-Западе Восточной Европы

Культура псковских длинных курганов – культурная общность в лесной зоне Восточной Европы, выделенная в XIX в. по материалам погребальных памятников. В настоящее время под культурой длинных курганов понимают древности, распространенные на территории от Эстонии до Белозерья и обладающие рядом сходных черт, в первую очередь в погребальной обрядности. С культурами раннеславянского круга их объединяет господство кремации, керамический комплекс, включающий в основном слабопрофилированные и баночные сосуды, хозяйственно-культурный тип и связанный с ним набор бытовых вещей. Это дало возможность ряду исследователей связывать распространение культуры длинных курганов с процессом славянского расселения на Северо-Западе Восточной Европы.

Хотя вопрос о языковой принадлежности носителей культуры далек от разрешения, ее структурное сходство с раннеславянскими памятниками очевидно. Формирование культуры псковских длинных курганов (не позднее начала VI в.) связано с одновременным распространением курганного обряда захоронения и вещей, частично восходящих к центральноевропейским образцам. Вместе с тем, надежных свидетельств переселения в лесную зону значительных масс населения в этот период нет, а в материалах культуры длинных курганов заметны многочисленные черты преемственности с культурами лесной зоны предшествующего периода. К ним можно отнести систему расселения и топографию поселений, наличие сравнительно многочисленных могильников и отдельных захоронений в грунтовых ямках, многие типы предметов хозяйственно-бытового комплекса. Это заставляет задуматься о механизмах формирования и распространения культуры псковских длинных курганов, а также о характеристике древностей Северо-Запада Восточной Европы второй четверти – середины I тыс. н.э.

Elena Mikhaylova (Saint Petersburg, Russia)

The Pskov Long Barrow culture and the problem of the spread of Slavic settlement in the northwest of Eastern Europe

The Pskov Long Barrow culture is the conventional name of a cultural community in the forest zone of Eastern Europe, described in the 19th century, knowledge of which is based on materials from burial sites. At present, the term “Pskov Long Barrow culture” means antiquities in the territory from Estonia to the Beloye Lake basin, which are unified by a number of similarities, primarily in funeral rituals. The Pskov long barrows are connected with the cultures of the Early Slavic circle by the dominance of cremation, by handmade pottery that consists mainly of can-shaped pots with a simple profile, by the type of economy and the artefacts associated with it. For some researchers, this provided enough arguments to connect the spread of the Pskov Long Barrow culture with the process of Slavic settlement over the northwest of Eastern Europe.

Although the question of the linguistic identity of the carriers of this culture is far from being resolved, its structural similarity to the early Slavic cultures is obvious. The formation of the Pskov Long Barrow culture (no later than the beginning of the 6th century) is associated with the contemporaneous spread of the burial mound rite and with grave goods, which show a relationship with central Europe. There is, however, no reliable evidence of population migration to the forest zone at that time, and the materials of the Long Barrow culture show numerous features of continuity with the forest zone cultures of the preceding period. These include the settlement system and the topography of settlements, the presence of relatively numerous burial grounds, individual burials in earth pits, and many different items of everyday life. This raises questions about the mechanisms of the formation and distribution of the Pskov Long Barrow culture, as well as the characteristics of the antiquities of the northwest of Eastern Europe from the second quarter to the middle of the first millennium AD.

Надежда Игоревна Платонова (Санкт-Петербург, Россия)

Памятники «предсопочного» типа в верхнем Полужье и их культурный контекст

Важной проблемой археологии Северо-Запада России является соотношение между собой различных культурных групп V–VIII вв. – их генезис, связи и преемственность с древнерусской культурой. В частности, представляет интерес сопоставление культуры длинных курганов

и памятников «предсопочного» типа, фиксируемых в пределах почвенно-ландшафтных зон, ставших в дальнейшем ареалом сопок.

Для предсопочных древностей характерен бескурганый обряд погребения. Они исследованы хуже, чем длинные курганы, в силу трудности поиска в лесном ландшафте памятников, не имеющих внешних маркеров. Опорными комплексами являются Юрьевская Горка в верхнем Помястье и Городок на Маяте в Приильменье. Теперь к ним можно добавить грунтовый могильник Заполье-2 и селище Заполье-3 в верхнем Полужье.

Оба памятника обнаружены под насыпью сопки, вблизи крупного поселения Передольский погост, где имеется горизонт VI–VII вв., хотя расцвет поселения падает на X в. Передольский комплекс приурочен к массиву дерново-карбонатных почв и «сопочному», моренно-ледниковому ландшафту.

Могильник Заполье-2 представляет собой серию кремаций в материковых ямках. Для него получена ^{14}C дата $1640 \pm 30 \text{ BP}$ ($330\text{--}540 \text{ cal. AD}$). Рядом с погребениями локализуются ямы с культурными остатками, датированные $1610 \pm 60 \text{ BP}$ ($250\text{--}590 \text{ cal. AD}$) и $1380 \pm 30 \text{ BP}$ ($605\text{--}685 \text{ cal. AD}$). Вещевой комплекс Заполья-2-3 имеет аналогии в Прибалтике, верхнем Поднепровье, Центральной Европе V–VII вв. На материке найдена треугольная подвеска с шаровидными концами, относящаяся к римскому времени.

Основное количество керамики происходит из ямы VII в. Это груболепная посуда плохого обжига. Доминируют формы с S-видным профилем и умеренным расширением в верхней трети, реже – с цилиндрическим горлом. Аналогии выявлены на предсопочных памятниках и в культуре длинных курганов восточного ареала. Налицо частичная близость керамических комплексов обеих культур. Сходство профилированных форм с более поздними материалами (горизонт E_{3,3} Старой Ладogi, Городок на Маяте, верхний слой) позволяет говорить об отсутствии резкого перелома в развитии керамической традиции Северо-Запада в VIII в.

Уточнить функциональные характеристики слоя, исследованного под сопкой, пока затруднительно. Обнаруженные комплексы могли являться окраиной поселения, но могли и представлять собой следы обрядовой деятельности, осуществлявшейся в сакральном пространстве могильника.

Nadezhda Platonova (Saint Petersburg, Russia)

Pre-sopki sites in the Upper Luga region and their cultural context

An important problem in North-West Russian archaeology is the relationship between the various cultural groups in the 5th–8th centuries. The main questions concern their genesis, connections and continuity within the Ancient

Rus' culture. In particular, it is of interest to compare the Long Barrow culture with the sites of the *pre-Sopki* type, which are distributed within the same soil type territory and landscape zones that later became the area of the *Sopki* culture.

Burials without mounds are characteristic for the *pre-Sopki* sites. The difficulties in finding archaeological remains with no external markers in a forested landscape are the reason that they are less well investigated than the long barrows. Yuryevskaya Gorka in the upper Msta region and Gorodok on Mayata at Ilmen Lake have been the reference complexes so far. Now we can add the burial ground of Zapolye 2 and the settlement site of Zapolye 3 in the upper Luga region.

Both sites were covered by a big kurgan (*sopka*) next to the large settlement of Peredolsky Pogost, which started with a 6th–7th century horizon, although the heyday of the settlement was in the 10th century. The Peredolsky complex is surrounded with mainly rendzina soils, and is part of a typical “*sopka* landscape” of moraine-glacial origin.

The burial ground of Zapolye 2 includes a series of cremations in small pits. Radiocarbon dating revealed an age of 1640±30 BP (330-540 cal. AD). Several pits next to the burials have been dated to 1610±60 BP (250-590 cal. AD) and 1380±30 BP (605-685 cal. AD). The material complex of Zapolye 2 and 3 has analogies in the Baltic area, the upper Dnieper region and central Europe in the 5th–7th centuries. A triangular pendant with spherical ends, dating to Roman times, was discovered on the subsoil.

The majority of the ceramics was found in a 7th century pit. The dominant forms have an S-shaped profile with a moderate widening in the upper third; less often they have a cylindrical neck. Analogies have been found at *pre-sopki* sites and in the eastern area of the Long Barrow culture. A partial similarity between the ceramic complexes of both cultures is obvious. The similarity between more profiled forms and later materials (the E_{3,3} horizon of Staraya Ladoga, the upper layer of Gorodok on Mayata) allows us to conclude that there was no sharp break in the development of the North-West Russian ceramic tradition during the 8th century.

It is still difficult to specify the functional characteristics of the layer investigated under the *sopka*. The discovered complexes could be the outskirts of a settlement, but they could also represent traces of ritual activities carried out in the sacred space of the burial ground.

Инна Васильевна Исланова (Москва, Россия)

Этнокультурная ситуация в VI–VIII вв. на Волго-Балтийском водоразделе

В третьей четверти I тыс. н.э. на одном из ключевых участков лесной зоны Восточной Европы по археологическим материалам фик-

сируются две соседние группы древностей. Одна группа – это культура псковских длинных курганов, оставленная преимущественно местными жителями прибалтийско-финской языковой группы. Местное население сохраняло не только гидронимию, но и традиции предшествующего времени в системе расселения и изготовления глиняной посуды. Во второй половине V – начале VI в. оно оказались под культурным влиянием переселенцев из Балтийских регионов и Верхнего Подвинья. Об этом свидетельствуют находки деталей конской упряжи и ременной гарнитуры, некоторые формы керамики и оружия в погребальных памятниках и на поселениях. Однако привнесенные культурные элементы здесь перерабатывались или постепенно «растворялись» в местной среде.

Другая группа древностей – удомельская, генетически связанная с последующей культурой сопок, возникает в результате притока нового, в том числе и раннеславянского населения. Существенная особенность менталитета появившегося населения – отсутствие традиции возведения погребальных курганных насыпей. Также фиксируются иные привнесенные элементы, в том числе в домостроительстве (устройство так называемых полуземлянок, использование глины при сооружении печей-каменок), погребальном обряде (использование обожженной глины), керамике (формы посуды, глиняные сковороды), ремесленных традициях (изделия из свинцово-оловянистых сплавов). Исходными территориями предположительно могли быть земли Центральной Белоруссии и Полоцко-Витебского Подвинья. При этом на исследованных памятниках Волго-Балтийского водораздела мы застаем не «чистую» культуру переселенцев, а уже имеющую «примесь» местных компонентов в керамическом наборе и фурнитуре женского костюма.

В рамках одного периода разное этнокультурное население существовало на одной территории, занимая микрорегионы с разным ландшафтом и почвами, в зависимости от хозяйственно-культурного типа. Контакты между населением разных групп фиксируются по керамике и другим находкам.

Inna Islanova (Moscow, Russia)

The ethno-cultural situation in the 6th–8th centuries AD on the Volga-Baltic watershed

Based on archaeological materials from the third quarter of the 1st millennium AD, two neighbouring groups of archaeological remains could be determined in one of the key areas of the forest zone of Eastern Europe. One group is the Pskov Long Barrow culture, attributed mainly to the local population of the Baltic-Finnish language group. The local population preserved not only the hydronyms, but also the traditions and pottery production

of the preceding settlement system. In the second half of the 5th – early 6th centuries, it came under the cultural influence of immigrants from the Baltic regions and the Upper Western Dvina River. Evidence is provided by finds of horse harness details and buckles, some forms of pottery and weapons from burial sites and settlements. However, the transferred cultural elements were processed or gradually “dissolved” into the local traditions.

The second group is the Udomlya group. This group was genetically related to the subsequent *Sopki* culture. It emerged as a result of the immigration of a new population, including early Slavs. An essential feature of their mentality is the absence of the tradition of erecting burial mounds (kurgans). In addition, other introduced elements can be identified in the construction of buildings (so-called half-sunken dwellings, the use of clay in the construction of stoves), in the funeral rites (the use of burnt clay), in ceramic production (pottery forms, clay pans), and handicraft traditions (items made from lead-tin alloys). The initial territories were presumably in central Belarus and in the Polotsk-Vitebsk Dvina River region. At the same time, on the studied sites of the Volga-Baltic watershed, we do not find a “pure” culture of settlers, but a culture that already had an “admixture” of local components in the pottery and in women’s costume accessories.

In the same cultural and chronological period, different ethnocultural populations coexisted in the same territory. They occupied micro-regions with different landscapes and soils, depending on their economic and cultural practice. Contacts between the different groups are reflected by the pottery and other finds.

Йенс Шнеевайс (Шлезвиг / Киль, Германия)

Археология невидимого – возникновение западных славян

Западные славяне на территориях к югу от Балтийского моря между реками Эльба и Висла начинают проследиваться не позднее VII–VIII вв. До сих пор не ясно, как и когда они здесь появились. На протяжении нескольких столетий около середины I тыс. н.э. на значительной части Европы, в том числе и в южно-балтийском регионе, произошли фундаментальные изменения. Проживавшее здесь ранее германское население покинуло эту территорию к VI в. Затем последовали «темные века» (VI–VII вв.) – период, о котором мало что известно в деталях. Позднеантичный Малый ледниковый период (LALIA), фаза глобального похолодания, вызванная извержениями вулканов, приходится на это же время. Он оказал негативное влияние на рост зерновых в северных широтах. Вследствие этого в Северной Европе предпочтение отдавалось тем моделям хозяйства, которые не зависели от урожайности возделываемых культур.

В лесной зоне Восточной Европы люди имели сложную экономическую систему, приспособленную к лесу и, по-видимому, включавшую подсечно-огневое земледелие. Область их обитания естественным образом расширялась по мере восстановления лесов на территориях, в значительной степени покинутых ранее германским населением. Подсечное земледелие, вероятно, способствовало этому распространению. Можно предположить ассимиляцию гипотетически оставшихся небольших групп местного германского населения и его слияние с пришлым. Такой процесс почти не оставляет археологически фиксируемых и надежно интерпретируемых свидетельств. Довольно простая и хронологически слабо изменчивая материальная культура, а также весьма незначительное воздействие на окружающую среду означают, что это население археологически почти «невидимо». Только в конце третьей четверти I тыс. н.э., когда ситуация в Европе начала стабилизироваться, это население вступило в контакт с соседними культурами, и началась его определенная социальная дифференциация. Только с этого этапа можно говорить об этногенезе западных славян.

Jens Schneeweiß (Schleswig / Kiel, Germany)

Archaeology of the Invisible – the emergence of the Western Slavs

The Western Slavs, in the territories south of the Baltic Sea between the Elbe and the Vistula rivers, can be traced back to the 7th–8th centuries at the latest: it is still unclear how and when they appeared here. In the centuries around the middle of the 1st millennium AD, fundamental changes took place in large parts of Europe. The Germanic population that had previously lived here had left this area by the 6th century. This was followed by the “Dark Ages” (6th–7th centuries), a period about which little is known in detail. The Late Antique Little Ice Age (LALIA), a global cooling phase due to volcanic eruptions, falls into this period. This had a negative impact on grain growth in the northern latitudes. Consequently, in northern Europe, lifestyle models were favoured that did not depend on yields from crop cultivation.

In the woodlands of Eastern Europe, people lived with a complex economic system that was adapted to the forest and apparently included swidden agriculture. The habitat of these people naturally expanded with the recovery of forests in the territories largely abandoned by the preceding Germanic settlers. Swidden agriculture probably promoted their successive spread. An assimilation of and merging with a hypothetically remaining small Germanic population is conceivable. Such a process leaves hardly any archaeologically detectable and correctly interpretable evidence. The simple and chronologically insensitive material culture, as well as the small-scale

impact on the surrounding environment, mean that this population is archaeologically almost “invisible”. Only at the end of the third quarter of the 1st millennium did these people come into contact with neighbouring cultures, when the situation in Europe began to consolidate. A certain social differentiation started at this point. Only at this stage is it possible to speak of the ethnogenesis of the Western Slavs.

Мария Всеволодовна Добровольская, Екатерина Андреевна Клещенко
(Москва, Россия)

К выделению базовых характеристик кремаций из погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. на северо-западе лесной зоны Европейской части России

Ситуация третьей четверти I тысячелетия н.э. на Волго-Балтийском водоразделе важна для обсуждения сложения полиэтничного населения, взаимодействие групп которого повлекло формирование социальных структур, послуживших основой Древнерусской государственности. Представляется актуальным исследование материалов трупопожжений из грунтовых погребальных памятников третьей четверти I тыс. на северо-западе лесной зоны Европейской части России.

В верхневолжско-валдайском регионе для начала второй половины I тыс. н.э. И.В. Ислановой выделяются, в частности, памятники удомельского типа (V–VIII вв.). Для них типичны грунтовые могильниками с кремациями. Грунтовые, преимущественно безурновые погребения распространены также в третьей четверти I тыс. в Поднепровье, Подесенье, Верхнем Подвинье.

Комплекс Юрьевская горка (поселение и могильник VI–VII вв.) – один из опорных для памятников удомельского типа, открыт и исследован И. В. Ислановой. В могильнике было обнаружено семь погребений. Проведение анатомического определения кремированных фрагментов позволило выявить, что в пяти погребениях находились останки людей. В двух скоплениях костей присутствуют обожженные останки только животных, как можно судить по их анатомическим особенностям. В одном погребении находились останки двух взрослых индивидов (парное погребение). Коллективных погребений не выявлено. Встречены останки только взрослых людей. Индивиды из четырех захоронений с той или иной степенью уверенности могут быть отнесены к мужчинам. Фрагментов с анатомическими особенностями типичными для женщин, нами не встречено. Во всех погребениях присутствуют фрагменты из разных частей скелета (от черепа до конечностей). Массы скоплений, в которых были выявлены определяемые костные фрагменты

людей, варьируют в пределах от 224 до 1884 граммов. В наиболее полно сохранившихся погребениях на костях заметны следы припекания предположительно черного металла, редкие мелкие угольки. Фрагменты костей не располагаются на дне, а занимают объем ямки, урны или тех изделий из органических материалов, в которые были помещены останки. Также часто небольшая доля костных фрагментов располагалась на древней дневной поверхности.

Maria Dobrovolskaya, Ekaterina Kleshchenko (Moscow, Russia)

**Towards the identification of the basic characteristics of cremations.
The burial grounds of the northwest Russian European forest zone
in the second half of the 1st millennium AD**

The situation on the Volga-Baltic watershed in the third quarter of the first millennium AD is important in considering the problems of the cultural genesis and formation of the multiethnic population, since the interaction of groups led to the emergence of social structures, which in turn served as the basis of the Ancient Rus' statehood. The paper focusses on studies of cremation materials from burial grounds in the northwest forest zone of Russia's European part, dating back to the third quarter of the first millennium AD.

For the beginning of the second half of the 1st millennium AD in the Upper Volga – Valdai region, I.V. Islanova determined the sites of the Udomlya type (5th–8th centuries AD). These are, typically, plain burial grounds with cremations. Burials in simple pits, mostly without urns, are widespread in the third quarter of the first millennium and known in the regions of Dnieper, Desna, and Upper Western Dvina, too.

The Yuryevskaya Gorka complex, a 6th–7th century settlement and necropolis, which was discovered and studied by I.V. Islanova and in which seven burials were found, is one of the pivotal Udomlya-type sites. The anatomical determination of the cremated fragments revealed that there were five burials with human remains and two burials with cremated animal remains. One of the burials contained the remains of two adult individuals and is interpreted as a paired burial. All identified individuals were adults and, with varying degrees of certainty, four individuals were identified as males. We did not find any fragments with typical female anatomical features. The burials contain fragments from varying parts of the skeletons (from the skull to the extremities). The weight of the cremated bone clusters with identifiable human bone fragments vary from 224 grams to 1884 grams. The best preserved burials contained bones with traces of presumably ferrous metal, as well as rare, small pieces of charcoal. The bone fragments were not concentrated at the pit bottom, they were clustered within the filling of the pit,

urn or organic vessel into which the remains had been placed. Additionally, a small portion of bone fragments was located on the ancient surface.

Алексей Михайлович Воронцов, Евгений Васильевич Столяров
(Тула, Россия)

Раннеславянские поселения IV–V вв. на правобережье Верхней Оки

В 2016 г., в ходе спасательных раскопок поселения Упа 2, расположенного на восточной окраине города Тула, были впервые выявлены материалы нового типа памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов. Эти древности получили название «памятники типа Криволучье». За два года работ на поселении было вскрыто более 13000 м². Основу керамического набора составляют лепные сосуды, относящиеся к раннеславянской традиции, присутствуют компоненты мощинской культуры и небольшое число фрагментов круговой посуды. Хронология определяется в рамках середины IV – V в.

На расстоянии 20 км от поселения Упа 2 было открыто селище Кожуховка 2. В дальнейшем с выявленным типом древностей удалось сопоставить материалы еще ряда памятников. Сегодня можно говорить об особой группе, состоящей минимум из десятка поселений на южной кромке лесной зоны, в верховьях реки Оки. Они представляют собой анклав, расположенный на окраине территории, к тому времени занятой носителями мощинской культуры середины III – середины VII в. Изучение этих памятников находится в начальной стадии, но, тем не менее, значительно меняет наши представления об этнической карте Поочья. Безусловно родственными памятникам типа Криволучье являются верхнедонские памятники типа Чертовицкое – Замятино.

С памятниками типа Криволучье связаны находки римских бронзовых монет. Всего зафиксировано около 50 экземпляров из 8 пунктов, данные о 26 находках опубликованы. Наиболее ранняя относится к правлению императора Лициния и отчеканена в Риме в 315–316 гг. Наиболее поздняя – монета Льва I (457–474 гг.). Таким образом, время их чеканки охватывает около полутора столетий. Они являются пока что одними из наиболее восточных находок позднеримских бронзовых эмиссий в Европе.

Alexey Vorontsov, Evgeny Stolyarov (Tula, Russia)

4th–5th century Early Slavic settlements on the right bank of the Upper Oka river

In 2016, during rescue excavations at the Upa 2 settlement on the eastern outskirts of Tula, materials from a new type of site were discov-

ered for the first time. These sites belong to the Late Roman period and the beginning of the Great Migration period and were labelled as “sites of the Krivoluchye type”. Over two years, more than 13000 m² of the site was uncovered. The predominant part of the ceramics is handmade and belongs to the Early Slavic tradition; there are components of the Moshchino culture and only a small number of fragments of wheel-thrown pottery. The chronological frame is the middle of the 4th – 5th centuries AD.

At a distance of 20 km from Upa 2, another small settlement site of this type was discovered: Kozhukhovka 2. Subsequently, a number of other sites could be matched with the mentioned type of antiquities. Today we can speak about a special group, consisting of at least a dozen settlements on the southern edge of the forest zone, on the upper course of the Oka river. They represent an enclave situated on the periphery of the distribution area of the Moshchino culture (mid-3rd – mid-7th centuries). The study of these sites is currently at an early stage, but it will significantly change our understanding of the ethnocultural map of the Oka region. There is no doubt that the Krivoluchye sites are related to the Upper Don sites of the Chertovitskoye-Zamyatino type.

Finds of Roman bronze coins are associated with the Krivoluchye sites. In total, about 50 specimens from eight localities have been recovered, and data on 26 of them have been published. The earliest coin is from the reign of Emperor Licinius and was minted in Rome in 315-316. The most recent is a coin of Leo I (457-474). Thus, the time of their minting spans around a century and a half. They are, so far, among the most eastern finds of Late Roman bronze emissions in Europe.

Илья Рафаэлевич Ахмедов, Наталья Александровна Биркина
(Санкт-Петербург / Москва, Россия)

Финны Среднего Поочья и «раннеславянский» мир

Рязанские финны, жившие на границах днепровского и поволжского регионов, на протяжении I тыс. н.э. находились в тесном взаимодействии с соседями. Ранее вопрос о контактах рязанских финнов со славянами рассматривался только в контексте сложения Древнерусского государства. Сейчас объем археологических источников в Поочье и Верхнем Подонье значительно увеличился. Выделены новые культурные группы: Упа 2, Ново-Клейменово, типа Каширка – Седелки в Верхнем Поочье и Верхнем Подонье; памятники «классических» культур за пределами их основных ареалов – древности типа Чертовицкое – Замятино и связанная с ними верхневоронежская группа в верхнедонском ареале, мощинские памятники в верховьях реки Прони, роменско-боршевские памятники в Среднем Поочье.

Выделяется несколько периодов взаимодействия этих культурных традиций:

1. Появление в Верхнем Поочье в III в. мощинской культуры, связанной своим происхождением с киевской культурой Поднепровья. Можно предполагать, что контакты в это время носили характер соседского «торгового» обмена.
2. В первой половине V в. прослеживается активность рязанских финнов в Верхнем Поочье, отраженная как «рязанскими» находками в регионе, так и увеличением мощинских находок на рязанских памятниках.
3. Во второй половине V в. прослеживается обратный процесс – западный импульс, вызванный политическими изменениями в Поднепровье в постгуннское время. Новое направление взаимодействия – верхнедонское, документированное «окскими» находкам на памятниках круга Чертовицкое – Замятино.
4. Конец VI – VII в. Контакты диагностируются находками «днепровского» облика на рязанских памятниках и «окскими» на памятниках верхневоронежской группы. Видимо, именно через этих контрагентов в Рязанское Поочье поступали «днепровские» и центрально-европейские импортные изделия.

Катастрофа VII века в регионе прервала эти процессы. Снова рязанские финны и славянский мир встретятся уже в конце I тыс. н.э. в контексте роменско-боршевского освоения Поочья и образования древнерусского Муромско-Рязанского княжества.

Ilya Akhmedov, Natalia Birкина (Saint-Petersburg / Moscow, Russia)

The Finns of the Middle Oka region and the “Early Slavic” world

The Ryazan Finns, who lived between the Dnieper and Volga regions, interacted closely with their neighbours throughout the 1st millennium AD. In the past, the issue of contacts between the Ryazan Finns and the Slavic world was considered only in the context of the formation of the Ancient Russian state. Now, the amount of 1st millennium AD archaeological evidence from the Oka and Upper Don regions has significantly increased. New cultural groups have been discovered: Upa-2, Novo-Klymenovo, Kashirka-Sedelki in the Upper Oka and Upper Don regions; archaeological sites of “classical” cultures outside of their main areas of distribution – antiquities of the Chertovickoe-Zamyatino type and related to them the Upper Voronezh group in the Upper Don area, Moschino culture sites in the Upper Pronya region, as well as Romny-Borshevo sites in the Middle Oka region.

Several periods of interrelation between these cultural traditions can be distinguished:

1. The first period is connected with the emergence of the Moschino culture in the Upper Oka region in the 3rd century AD. This was related to the Kiev culture of the Dnieper region. It is supposed that these contacts were mostly concerned with simple trade.

2. The next period, the first half of the 5th century AD, is associated with activities of the Ryazan Finns in the Upper Oka region. These are reflected both by “Ryazan” finds in the region, and by an increase of Moschino finds at Ryazan sites.

3. In the second half of the 5th century AD, we see a reverse process: a western impulse caused by political changes in the Northpontic area after the end of the Hunnic Empire. The new direction of interaction is the Upper Don region, which is reflected by “Oka” finds on sites of the “Chertovickoe-Zamyatino” type.

4. In the period from the late 6th to the 7th centuries AD, contacts are reflected by “Dnieper” finds at Ryazan sites and “Oka” objects at Upper Voronezh group sites. Apparently, it was through these counterparts that “Dnieper” and central European imports came to the Ryazan Oka region.

The 7th century catastrophe in the region interrupted these processes. The Ryazan Finns and the Slavic world met again only at the end of the 1st millennium AD in the context of the Romny-Borshevo capture of the Oka region and the formation of the Ancient Russian Murom-Ryazan Principality.

Дарья Андреевна Петрова, Леонид Александрович Вязов,
Юлия Анатольевна Салова (Казань, Россия)

Кремации V–VII вв. в Среднем Поволжье: современное состояние изучения

Центральное место среди древностей Среднего Поволжья V–VII вв. занимает именьковская культура. Вопросы её формирования являются основополагающими для понимания этнокультурной ситуации в регионе и остаются дискуссионными. С начала 1980-х гг. обсуждается вероятность западных истоков именьковского культурного комплекса и отнесения его к населению, говорившему на славянских (Г.И. Матвеева) или балтских (А.Х. Халиков) языках, в пользу чего имеются и лингвистические аргументы (В.В. Напольских).

За почти столетнюю историю изучения именьковской культуры выявлено около 600 поселений, исследование которых позволяет решать вопросы расселения и хозяйственного освоения территории. Что же касается погребальных памятников, то их известно существенно меньше, но именно они имеют первоочередное значение для понимания этнокультурной динамики и миграционных процессов.

Некрополи именьковской культуры – это грунтовые могильники, подавляющее большинство захоронений на которых совершено по обряду кремации. Погребальный обряд характеризуется сжиганием умершего на стороне и помещением очищенных от костра останков в неглубокую земляную яму. Вместе с кальцинированными костями в погребениях фиксируются глиняные сосуды, фрагменты керамики, кости животных, иногда элементы костюма и украшения, существенно реже орудия труда и оружие. Вещи предварительно разрушены или имеют следы пребывания в огне.

Первая обобщающая характеристика именьковских некрополей на основании 10 памятников и более 400 погребений была сделана в 1980-е гг. П.Н. Старостиным. К настоящему времени источниковая база выросла вдвое: мы располагаем сведениями о 21 памятнике, включая могильники, единичные погребения и захоронения на территории селищ, совокупное число раскопанных погребений достигает 800. Расширились территориальные и хронологические рамки известных могильников, выявлены различия между ними, прослежены особенности топографии памятников, хронологические изменения погребальной обрядности, состава инвентаря и топлива. Совершенствуется методика фиксации объектов и анализ антропологических данных. Доклад призван обобщить полученные в последние годы данные и представить общую характеристику могильников Среднего Поволжья V–VII вв. с кремациями.

Daria Petrova, Leonid Vyazov, Yulia Salova (Kazan, Russia)

Cremations of the 5th–7th centuries in the Middle Volga region: the current state of research

The archaeological Imen'kovo culture has a central position among the archaeological antiquities of the Middle Volga region in the 5th–7th centuries. The understanding of its formation is a fundamental prerequisite for gaining insights into the ethnocultural situation in the region, which is still controversially discussed. The probability of western origins of the Imen'kovo cultural assemblage has been discussed since the beginning of the 1980s, as has its attribution to the Slavic (G.I. Matveeva) or Baltic (A.Kh. Khalikov) speaking population. The latter was additionally supported (V.V. Napolskih) by linguistic arguments.

About 600 settlements have been discovered during almost a century of research on the Imen'kovo culture, and their study is helping to resolve questions concerning the settlement and economic development of the area. Fewer burial monuments are known, but these are of essential significance for understanding ethno-cultural dynamics and migration processes.

The necropolises of the Imen'kovo culture are burial grounds in which the vast majority of the burials are cremations. Burial rites are characterised by the burning of the deceased at the site and the placing of the cremation remains (probably washed) in a shallow pit. Together with the cremated bones, ceramic vessels, sherds, animal bones, and sometimes also costume elements and jewellery, are found in the burials and also, significantly less often, tools or weapons. The items have usually been destroyed beforehand or show traces of having been in a fire.

The first general review of the Imen'kovo burial grounds, based on 10 sites and more than 400 burials, was undertaken in the 1980s by P.N. Starostin. To date, the source material base has doubled: we know of 21 sites, including burial grounds, individual burials and on-settlement burials. The total number of excavated burials reaches up to 800. The territorial and chronological frames of known Imen'kovo burial grounds have been expanded, and local and chronological differences between them have been identified. The geomorphological settings of the sites and their place within the spatial structures of agglomerations, as well as their relationship to the landscape, have been traced and chronological changes in burial rites and the composition of grave inventories, and even of the fuel used, have been identified. Methods of exploring burials and analyzing anthropological data are being improved.

The paper intends to summarize the data obtained in recent years and to present general characteristics of the cremation necropolises of the Middle Volga region of the 5th–7th centuries at the current stage of research.

Лилия Рамилевна Халимуллина, Леонид Александрович Вязов
(Казань, Россия)

Булавки с восьмеркообразными подвижными звеньями в Среднем Поволжье в IV–VII вв. и их возможные прототипы

Оседлое население Среднего Поволжья эпохи Великого переселения народов представлено рядом близких групп, крупнейшими из которых являются именьковская культура и средневолжский вариант киевской культуры (памятники типа Сиделькино-Тимяшево). Для выявления истоков их распространения в регионе особую актуальность приобретает вопрос выделения специфических элементов, которые можно было бы использовать как «этнографические» признаки. Одним из немногих примеров таких артефактов являются металлические булавки.

Самые ранние экземпляры булавок в Среднем Поволжье происходят с памятников III–IV вв. в бассейне реки Черемшан, где встречены экземпляры с петлевидной головкой, с круглым подвижным звеном и

без него. На городище Лбище найдено отдельное восьмеркообразное подвесное звено. В V–VII вв. булавки широко распространяются на именьковских памятниках, где известны только предметы с восьмеркообразными звеньями. В наиболее поздних именьковских комплексах (позже начала VII в.) они не найдены.

Булавки как элемент костюма в эпоху переселения народов характерны для культур, связываемых с балтоязычным населением. Наиболее восточным регионом является территория мощинской культуры. Здесь в слоях V – середины VII в. известны булавки без подвижных звеньев. Украшения, близкие ранним средневожжским, есть на памятниках киевской культуры II–III вв. Вероятные прототипы булавок с восьмерковидным звеном можно видеть в материалах III–IV вв. с территории Белоруссии, в экземплярах с головкой круглой формы с подвижными кольцевыми звеньями. Обычай ношения булавок в Верхнем Поднепровье и Полесье восходит к зарубинецкой культуре и культурам раннего железного века, что делает этот регион весьма вероятным истоком распространения данной традиции и на востоке Восточной Европы.

Отмеченные параллели дают новые данные к дискуссии о миграционных процессах и культурных связях на территории Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов.

Lilia Khalimullina, Leonid Vyazov (Kazan, Russia)

Pins with eight-shaped movable links in the Middle Volga region in the 4th–7th centuries and their possible prototypes

The sedentary population of the Middle Volga region during the Migration Period is represented by a number of closely connected groups, with the Imen'kovo culture and the Middle Volga variety of the Kiev culture (sites of the Sidelkino-Timyashevo type) as the largest ones. The issue of identifying specific elements that could be used as “ethnographic” features is of crucial importance for identifying the origins of their introduction to the region. Metal costume pins are among the few such examples.

The earliest examples of pins in the Middle Volga region come from sites of the 3rd–4th centuries in the Cheremshan River basin where specimens with a loop-shaped head, with and without a round movable link were found. A separate eight-shaped link was found at the fortified site of Lbishche. In the 5th–7th centuries, the type with eight-shaped links was the only type that was widely spread throughout Imen'kovo culture sites. It is worth mentioning that they are not known in the latest Imen'kovo assemblages (later than the beginning of the 7th century).

Pins as an element of costume in the Migration Period are common for cultures associated with the Baltic-speaking population. The easternmost

region is the territory of the Moschino culture. Pins without moving links are known here in layers dated from the 5th – mid-7th centuries. As for the Middle Volga pins, the analogies to them were found on 2nd–3rd century Kiev culture sites. Probable prototypes of pins with an eight-shaped link can be found in 3rd-4th century materials from the territory of Belarus, among the examples with a round head with movable ring links. The tradition of wearing pins in the Upper Dnieper and Polesia dates back to the Zarubintsy culture and others of the early Iron Age, which makes this region a very likely source of the tradition of pin use in the east of Eastern Europe.

The emerging parallels provide new data for the discussion of migration processes and cultural relations in Eastern Europe during the Migration period.

Секција 3-3. Северозапад ранословенског света
Секција 3-3. Северо-Запад раннеславянског мира
Section 3-3. Northwest of the early Slavic world

Karin Reichenbach (Lipsk, Niemcy)

**Autochtoniczne koncepcje pochodzenia słowiańskiego w Polsce
XX i XXI wieku – niekończąca się opowieść?**

W artykule omówiono autochtonizm jako sięgającą daleko w czasy prehistoryczne koncepcję lokalizującą początki historycznych Słowian na terenie Europy Środkowej, a w szczególności współczesnej Polski. W pełni rozwinięta pod koniec XIX wieku, koncepcja ta zyskała uznanie najpierw wśród czeskich prehistoryków, a później znalazła szerokie poparcie w polskiej archeologii, z Józefem Kostrzewskim i “szkołą poznańską” na czele zwolenników. Koncepcja autochtonizmu pozostała podstawą rekonstrukcji dziejów słowiańsko-polskich w dekadach powojennych, tracąc na znaczeniu dopiero od końca lat sześćdziesiątych. Choć od tamtego czasu spotkała się z gruntowną krytyką, to jednak nadal ma zwolenników w polskich badaniach slawistycznych i w archeologii, a przede wszystkim przeżywa renesans jako kluczowy element pseudonaukowej “turbosłowiańskiej” teorii “Wielkiej Lechii”.

W trakcie jej rozwoju w okresach różnych paradygmatów naukowych polskiej archeologii, począwszy od pozytywistycznej historii narodowej aż po podejścia marksistowskie i późniejsze teorie, koncepcja autochtonizmu, poza akademickimi dyskusjami, zawsze wydawała się spełniać specyficzną funkcję także w polityce pamięci. Dostarczała argumentów w międzywojennych polsko-niemieckich sporach geopolitycznych, a także odgrywała znaczącą rolę w legitymizacji tak zwanych Ziemi Odzyskanych

po 1945 roku, ściśle związanej z ustanowieniem rządów komunistycznych. Nawet dzisiaj pseudonaukowa “Wielka Lechia” wiąże się z wyraźnymi ambicjami politycznymi. Ponieważ polityczna eksploatacja autochtonicznej koncepcji słowiańskiej historii oparta jest na etnicznej interpretacji źródeł archeologicznych jako podstawy dla daleko idących narracji historycznych, przedstawiona analiza takich problematycznych ujęć kultury materialnej porusza jedno z głównych zagadnień metodologicznych archeologii.

Karin Reichenbach (Leipzig, Germany)

Autochthonist concepts of Slavic origins in 20th and 21th century Poland – a never-ending story?

The paper addresses autochthonism as a concept, localizing the origins of the historic Slavs on the territory of central Europe and especially of modern Poland and tracing them far back into prehistoric times. Fully developed by the end of the 19th century, it first gained recognition among Czech prehistorians, while later spreading widely into Polish archaeology where it was mainly advocated by Józef Kostrzewski and the Poznań school. It remained the basis for reconstructions of Slavic-Polish history during the post-war decades, losing its significance only from the late 1960s onward. Though thoroughly criticised since then, the concept still has supporters in Polish Slavic studies and archaeology who, however, see its most successful revival as a key element in the pseudoscientific “turbo-slavic” theory of “Wielka Lechia”.

Tracing its progress through changing paradigms within Polish archaeology from positivist national history to Marxist approaches and beyond, the concept of autochthonism has, apart from academic discussions, always seemed to fulfil a specific function in memory politics, too. It provided arguments in inter-war German-Polish geopolitical disputes, but also played a significant role in the legitimization of the territories that were shifted from Germany to Poland after 1945, and which were inextricably linked to the establishment of communist rule. Even now, the pseudoscientific “Wielka Lechia” is connected to clear political ambitions. Since the political exploitation of a Slavic history based on autochthonist presumptions derived from ethnic interpretations of the archaeological record, the presented insight from the history of archaeology can contribute to a central issue in the methodological discussion, illuminating problematic approaches to material culture as a foundation for far-reaching historical narratives.

Anne Kluger (Münster, Niemcy)

Archeologia słowiańska retrospektywnie – Historia archeologii słowiańskiej w socjalistycznych Niemczech i Polsce i czego może się z niej nauczyć

Oprócz planowanych dyskusji o etnogenezie i wczesnej historii ludów słowiańskich, mój referat ma na celu wprowadzenie nowej płaszczyzny do dyskusji w Novi Sad: Nawiązując do zmiennej historii Międzynarodowych Kongresów Archeologii Słowiańskiej, bliższe przyjrzenie się nie tak odległej przeszłości badań nad Słowianami i ich sąsiadami wydaje się obiecujące. Jako przykłady do badania roli archeologii słowiańskiej w reżimach socjalistycznych posłużą mi dwie ważne osobistości słowiańskiej archeologii z okresu zimnej wojny: Witold Hensel (z socjalistycznej Polski) i Joachim Herrmann (z NRD), którzy nie tylko byli dyrektorami instytutów prehistorii w Akademiach Naukowych w swoich krajach, ale także zaangażowani byli w organizację pierwszych kongresów w Warszawie i Berlinie Wschodnim. Działania administracyjne Hensla oraz Herrmanna, a także ich wystąpienia na konferencjach w latach 1965 i 1970 mogą posłużyć jako istotne źródła, na podstawie których możliwie będzie zbadanie, czy i w jakim stopniu nastąpiło wzajemne przenikanie się archeologii słowiańskiej, polityki i zagadnień społecznych w tym okresie. Ponadto w oparciu o analizy interpretacji Hensla i Herrmanna dotyczących Słowian w czasach prehistorycznych i wczesnym średniowieczu można również przyrzeć się bliżej ogólnym, a także wszystkim ważniejszym kwestiom związanych z skłonnością archeologii słowiańskiej wobec politycznych wpływów oraz potencjał naukowców, aby zapewnić sobie możliwość działania i promowania własnych interesów (we współpracy i/lub w konfrontacji z organami władzy). W tym względzie moje sprawozdanie ma również na celu przyczynienie się do krytycznej refleksji nad archeologią słowiańską i jej historią, a także przedstawienie spostrzeżeń i punktów odniesienia dla badaczy, którzy obecnie zajmują się zagadnieniami wczesnych Słowian i ich sąsiadów oraz zachęcenie do żywej wymiany doświadczeń między nimi.

Anne Kluger (Münster, Germany)

Slavic archaeology revisited – The history of Slavic archaeology in socialist Germany and Poland and what can be learned from it

In addition to the intended debates about the ethnogenesis and initial history of the Slavic peoples, my report aims to introduce another layer to the discussions in Novi Sad: With regard to the changing history of the Inter-

national Congresses of Slavic Archaeology, a closer look into the recent research on the Slavs and their neighbours seems promising. Therefore, two protagonists from Slavic archaeology during the Cold War period, the well-known prehistorians Witold Hensel (from socialist Poland) and Joachim Herrmann (from the GDR), who were not only leaders of the prehistoric institutes at the Academies of Sciences in their countries but also actively participated in the organization of the first congresses in Warsaw and East Berlin, will be used as examples to investigate the status of Slavic archaeology during the socialist regimes. Hensel's and Herrmann's administrative activities, as well as their presentations at the conferences 1965 and 1970, can serve as fruitful sources with which to examine whether/to what extent an interpenetration of Slavic archaeology, politics, and the public must be assumed for this period. Furthermore, based on the analysis of Hensel's and Herrmann's interpretations regarding the Slavs in prehistoric times and the Early Middle Ages, more general and more relevant issues can also be addressed, such as the question of the vulnerability of Slavic archaeology to political influence as well as the scholars' potential to determine a course of action and to promote their own interests (in cooperation with and/or in defiance of their rulers). In this respect, my report is also intended to contribute to a critical self-reflection of Slavic archaeology and its history, to offer insights and points of reference for present-day scholars of the early Slavs and their neighbours, and to encourage a lively exchange of experiences among them.

Marcin Wołoszyn (Rzeszów, Polska; Lipsk, Niemcy)

Okres wędrówek ludów w Polsce w świetle przekazów pisanych

W referacie przedstawiona zostanie analiza wszelkich przekazów pisanych dotyczących dziejów Polski w okresie od schyłku IV do końca VI wieku (Kasjodor / Jordanes / Priskos z Panion / Prokopiusz z Cezarei / Menander Protektor / Teofilakt Simokatta, ale także Grzegorz z Tours oraz Paweł Diakon). Szczegółowiej przedstawione zostaną następujące problemy:

- 1) Kontynuacja osadnictwa germańskiego oraz bałtyjskiego (Wandalowie / Estiowie / Widiwariowie);
- 2) Ziemie polskie około roku 450 a władztwo Attyli;
- 3) Niesłowiańskie migracje w okresie wędrówek ludów (powrót Herulów na wyspę Thule);
- 4) Awarskie wyprawy przeciw Frankom (w roku 566) a problem pustek osadniczych w Europie Środkowej.

Przekazy pisane będą ukazane w perspektywie dorobku współczesnej historiografii (z uwzględnieniem tak zwany *literary turn*), oraz w kontek-

ście aktualnej wiedzy o okresie wędrówek ludów w Polsce w świetle danych archeologicznych i numizmatycznych (zgrupowanych w ramach projektu Okres Wędrówek Ludów między Odrą a Wisłą <http://www.mpov.uw.edu.pl>).

Marcin Wołoszyn (Rzeszów, Poland; Leipzig, Germany)

The Migration Period in Poland in the light of literary sources

The paper discusses all the written references to the territory of Poland in the period between the late 4th to late 6th centuries (Cassiodorus/Jordanes, Priscus of Panium, Procopius of Caesarea, Menander Protector, Theophylact Simocatta, and also Gregory of Tours and Paul the Deacon). Special note will be made of the following questions:

- 1) continuity of Germanic and Balt Settlement (Vandals / Aesti / Vidivarii);
- 2) the territory of Poland around AD 450 and its relationship to Attila's empire;
- 3) Non-Slav migrations during the Migration Period (the return of the Heruli to the island of Thule);
- 4) The Avar raid against the Franks (AD 566) and the problem of uninhabited land in central Europe.

The written record will be examined with some focus placed on the question of the literary turn that has taken place in the historical sciences, also taking into account the current understanding of the Migration Period in Poland in the light of archaeological and numismatic evidence (generated during the project 'Migration Period between Odra and Vistula' <http://www.mpov.uw.edu.pl>).

Sławomir Wadył (Warszawa, Polska)

Kiedy Słowianie spotykają Bałtów zachodnich: stosunki u zarania wczesnego średniowiecza

W odległej przeszłości ludy słowiańskie i bałtyckie przeżywały wspólne chwile. Językoznawcy są zgodni co do tego, że języki bałtyckie i słowiańskie wywodzą się ze wspólnego, protobałto-słowiańskiego korzenia, który oddzielił się od języków indoeuropejskich 4 500-7 000 lat temu. Rozłam między językami bałtyjskimi i słowiańskimi nastąpił około 3 000 lat temu i obie gałęzie powoli oddalały się od siebie bez bliższych kontaktów.

W późnej starożytności tereny wschodniego wybrzeża Bałtyku zasiedlili przodkowie Bałtów Zachodnich, a ludność słowiańska rozpoczęła ekspansję z Europy Środkowo-Wschodniej. Minęło sporo czasu, zanim Słowianie zetknęli się z zachodnimi Bałtami.

W VI–VII wieku nastąpił niezwykle rozkwit kultur Bałtów zachodnich, który sprawia wrażenie wyspy na niezamieszkanym, niewykorzystanym obszarze w sąsiedztwie na południu i zachodzie. Populacja reprezentująca model wczesnosłowiańskiej kultury pojawiła się w pobliżu tej wyspy dopiero w VII wieku. W tym czasie zasiedlono tylko niewielkie enklawy w dorzeczu środkowej i dolnej Wisły.

Co wiemy o wczesnych kontaktach Słowian i Bałtów? Istnieją niepodważalne dowody relacji słowiańsko-bałtyckich. W niezwykle różnorodnych i bogatych zespołach grobowych kultury zachodniobałtyjskiej (głównie na terenie Pojezierza Mazurskiego) można znaleźć również takie, które mogą wykazywać proveniencję słowiańską. Wielokrotnie wskazywano, że jednym z aspektów wpływu kultury wczesnosłowiańskiej na społeczności zamieszkujące Pojezierze Mazurskie była zmiana modelu osadnictwa, a konkretnie pojawienie się grodzisk. Wpływy słowiańskie stwierdzono także w wytwórczości garncarskiej.

Sławomir Wadyl (Warsaw, Poland)

When Slavs meet Western Balts: their relationship at the dawn of the Early Middle Ages

Slavs and Balts had periods of common development in the distant past. Linguists agree that the Baltic and Slavic languages descended from a common, Proto-Balto-Slavic root that separated from the Indo-European languages 4 500–7 000 years before present. The split between the Baltic and Slavic branches occurred about 3 000 years ago; then both branches slowly diverged without much contact.

In late antiquity, ancestors of the Western Balts occupied the eastern areas on the Baltic coast, while Slavs began their spread from central-eastern Europe. It took quite a long time until the Slavs met the Western Balts.

In the 6th–7th centuries, there was an unusual prosperity of West Baltic cultures which, in relation to the southern and western neighbourhoods, gives the impression of an island in an uninhabited, undeveloped area. The population representing the early Slavic cultural model did not appear in the vicinity before the 7th century. At that time, only small enclaves in the basin of the middle and lower Vistula were inhabited.

What do we know about the early contacts between the Slavs with the Balts? There is undoubted evidence for Slavic-Baltic relations. Among the extremely diverse and rich grave goods are also those that can show Slavic provenance, especially in the area of the Masurian Lake District. One impact of the early Slavic culture on the communities inhabiting the Masurian Lake District was a change in the settlement pattern, especially the

appearance of fortified settlements, as has been repeatedly emphasised. Furthermore, Slavic influence can also be identified in the pottery.

Bartłomiej Szymon Szmoniewski, Piotr Włodarczak (Kraków, Polska)

Stradów – największe grodzisko Wiślan?

Grodzisko w Stradowie jest największym założeniem obronnym znanym z ziem polskich datowanym na okres wczesnego średniowiecza. Składa się ono z głównego członu zwanego Zamczyskiem, oraz trzech podgrodzi (Barzyńskie, Mieścisko i Waliaki). W sąsiedztwie tego kompleksu odkryto kolejne pozostałości osad i cmentarzyiska z tego samego horyzontu chronologicznego.

Początkowo okres funkcjonowania założenia grodowego odnoszono do okresu od VI lub VII do XII wieku. Najważniejszą jednak kwestią było określenie chronologii grodu właściwego – Zamczyska, które w świetle nowych odkryć należy odnieść do okresu pomiędzy 1. połową X a połową XI wieku.

Podstawowym celem nowych badań w Stradowie jest próba znalezienia odpowiedzi na szereg pytań dotyczących związku osadnictwa z ukształtowaniem terenu oraz relacji między wielkością założenia, rodzajem umocnień i procesami morfogenetycznymi. Studia interdyscyplinarne łączące badania archeologiczne, geomorfologiczne, jak również fotografię lotniczą, pozwoliły na wstępne rozpoznanie skali działalności człowieka na analizowanym obszarze. Dwa czynniki geograficzne miały niewątpliwie duży wpływ na wybór miejsca budowy założenia: 1) obecność cieku wodnego, niezależnego od lokalnych warunków atmosferycznych, 2) strefa bardzo korzystnych mezoklimatów.

Informacje uzyskane ze zdjęć lotniczych w powiązaniu z danymi archeologicznymi wskazują, że Stradów jest największym założeniem obronnym w Polsce, o powierzchni około 50 hektarów (najstarsza faza, założenie miało kształt owalny). Takie duże struktury obronne znane są tylko z Wielkich Moraw.

Bartłomiej Szymon Szmoniewski, Piotr Włodarczak (Cracow, Poland)

Stradów - the largest stronghold of the Vistulans?

The fortified site at Stradów is the largest known Early Middle Age defensive structure in Poland. It consists of the main part, Zamczysko, and three fortified outer settlements (*suburbia*: Barzyńskie, Mieścisko and Waliaki). In the neighbourhood of this complex, other remains of settlements and cemeteries from the same chronological period were discovered.

Initially, the functioning period of the fortified settlement of Stradów was assigned to the period between the 6th or 7th and 12th centuries. However, the most important issue was to determine the chronology of the actual stronghold - Zamczysko, which in the light of new findings should be dated to the period between the first half of the 10th century and the middle of the 11th century.

The primary aim of the new research at Stradów is an attempt to find answers to a number of questions concerning the relationship of the settlement to the terrain and the relationship between the size of the foundation, the type of fortifications and the morphogenetic processes. Interdisciplinary studies combining archaeological and geomorphological research, as well as aerial photography, have allowed for a preliminary assessment of the scale of human activity in the area under study. Two geographical factors undoubtedly had a strong influence on the choice of the site for the foundation: 1) the presence of a watercourse, independent of local atmospheric conditions, and 2) a zone of very favourable mesoclimates.

Information obtained from aerial photographs in conjunction with archaeological data indicate that Stradów is the largest defensive structure in Poland, with an area of about 50 ha (the oldest founding phase had an oval shape). Such large defensive structures are otherwise only known from Great Moravia.

Франк Никулька (Гамбург, Германия)

Изучение процессов преемственности и изменений на славянских поселениях южного Мекленбурга (Германия)

В последние годы Гамбургский университет проводит полевые исследования зафиксированных письменными источниками многослойных поселений, содержащих в том числе и славянские материалы, в южном Мекленбурге. Одной из главных проблем остается археологическая идентификация таких исторических пунктов, как Delbende (VIII / IX вв.) и Cesemowe (XII / XIII вв.). Были проведены аэросъемка, геофизическая разведка, полевые исследования и шурфовки, а также анализ письменных источников. Обнаруженные следы поселений и остатки укреплений свидетельствуют о большом археологическом потенциале этих мест.

Некоторые средневековые рвы (деревенские рвы?), связанные с поселениями, являются особенностью южного Мекленбурга и должны быть особо отмечены. Подобные рвы часто встречаются южнее, на соседних землях Саксонии-Анхальт и Бранденбурга, и не распространяются до Балтийского моря на севере. Пункт, где зафиксировано ис-

ключительное сочетание следов поселения с большим и малым рвом рядом на вершине возвышенности, можно с большой вероятностью отождествить со славянским поселением Чеземове и более поздним Михаэлисбергом. В этом случае связь между славянами и монастырем Михаэлис в Люнебурге может быть прослежена как археологически, так и исторически. Наши работы на поселениях связаны с темой так называемых «Ostsiedlung» или «Germania slavica». Состояние исследований по теме «Wüstungsforschung» («изучение покинутых поселений») в северной части Восточной Германии все еще недостаточное, и эта тема останется актуальной для будущих десятилетий. Хотя в южном Мекленбурге известны многочисленные поселения, археологических проектов по их изучению по-прежнему мало.

Второй объект, на котором сосредоточено наше внимание, расположен вблизи Limes Saxoniae, в славяно-саксонском пограничье. Он имеет рвы и валы и каким-то образом связан с соседней саксонской областью на северо-западе. Возможно, это местность Дельбенде, упомянутая в Королевских Франкских анналах под 822 годом. Но археологическая идентификация здесь не такая определенная, как в случае с Чеземове / Михаэлисбергом.

Первые результаты наших работ очень обнадеживающие, но для лучшего понимания связи археологических находок с известными историческими событиями в этих местах необходимы дальнейшие полевые исследования. Значительный вклад внесет и продолжение изучения франкского торгового города Бардовик, расположенного поблизости, на противоположном берегу р. Эльбы.

Frank Nikulka (Hamburg, Germany)

Research on continuity and change at Slavic localities in southern Mecklenburg (Germany)

For several years now, some of the field research at the University of Hamburg has been concentrating on historically known localities with Slavic and successive settlement phases in southern Mecklenburg. One research question is: How can we identify historic places such as Delbende (8th / 9th centuries) and Cesemowe (12th / 13th centuries) archaeologically? Aerial archaeology, geophysical prospecting, field inspections and first excavations have been carried out, as well as research on the written sources. Traces of settlements and remains of fortifications have been uncovered and show the great archaeological potential of these localities.

Some medieval ditches (village moats?) in settlement contexts, which are more common in the southern neighbouring areas of Saxony-An-

halt and Brandenburg, and which did not reach the Baltic sea in the north, are a special feature of southern Mecklenburg and should be emphasised. The exclusive combination of settlement traces with a larger and a smaller ditch nearby on top of an elevation can be identified with high probability with the Slavic settlement of Cesemowe and the later Michaelisberg. In this case, the historical connections between the Slavs and the Michaelis monastery in Lüneburg can be traced archaeologically and historically. Our archaeological research on deserted settlements are related to the topic of the so-called “Ostsiedlung” or “Germania slavica”. The state of archaeological research into the subject of “Wüstungsforschung” in northern East Germany is still inadequate and has been stressed as a desideratum for decades. Although numerous deserted settlement sites are known in southern Mecklenburg, there is still a lack of archaeological projects for the research of settlements.

The second site that our research is focusing on is situated near the Limes Saxoniae, in the Slavic-Saxon borderland. It is characterized by ditches and ramparts and is somehow connected to the neighbouring Saxon area in the northwest. This may be the locality Delbende mentioned in the Royal Frankish Annals for 822. The identification is less certain here than for Cesemowe / Michaelisberg.

The first archaeological research results are very encouraging, but further field research is required to understand the archaeological findings and their relation to historical events at these locations. Ongoing research activities in the Frankish trading town of Bardowick, not too far away on the other side of the river Elbe, will contribute significantly.

Секција 3-4. Рани Словени од Подунавља до Јадрана
Секция 3-4. Ранние славяне от Подунавья до Адриатики
Section 3-4. Early Slavs from the Danube to the Adriatic

Фалько Дайм (Вена, Австрија; Халле-на-Заале, Германија),
Мартин Обенаус (Тунау-на-Кампе, Австрија)

Славяне между Баварией и аварскими землями в VIII и начале IX в.

В VIII в. территория расселения аваров простиралась до Венских ворот, а также включала юг Венского бассейна и, на севере, Вайнфиртель вплоть до Южной Моравии. На территории нынешней Верхней Австрии продолжалось формирование баварских земель к югу от Дуная. Хотя славяне задокументированы в письменных источниках для территории современной Австрии еще в конце VI в., их можно про-

следить археологически только с VII в. по нескольким кремационным погребениям. Особое значение имеет могильник Покасепетк (Западная Венгрия), где были похоронены славяне.

Однако во второй половине VIII в. на территории нынешней Нижней Австрии все чаще встречаются славянские могильники, как курганные с ингумациями, так и без курганов, которые можно датировать на основе аварских украшений (особенно серег и ременных гарнитур). Славянские имена также все чаще появляются в письменных источниках (например, в юридических документах). В грамоте об основании Кремсмюнстерского монастыря 777 г. «славянское благочиние» даже упоминается под управлением жупана.

В это время на всех северных альпийских предгорьях между Эннсом и Венским лесом, вероятно, существовали редкие славянские поселения.

С разрушением Аварской империи франками, земли современной Нижней Австрии тоже попали под каролингско-баварское влияние, что фиксируется и по материалам захоронений. Аварский каганат «между Саварией и Карнунтумом», основанный Карлом Великим, по-видимому, находился под давлением со стороны славянских иммигрантов.

В докладе показаны различные фазы и формы славянского присутствия на территории современной Нижней Австрии, а также рассматриваются теоретические и методологические проблемы интерпретации как письменных, так и археологических источников.

Falko Daim (Vienna, Austria; Halle an der Saale, Germany),
Martin Obenaus (Thunau am Kamp, Austria)

Slavs between Bavaria and the Avar Land in the 8th and early 9th centuries

In the 8th century, the settlement area of the Avars extended as far as the Vienna Gate and also included the southern Vienna Basin and, to the north, the Weinviertel area up to southern Moravia. In what is now Upper Austria, the Bavarian land development proceeded south of the Danube. Although the Slavs are documented in written sources for the area of present-day Austria as early as the late 6th century, they can only be traced archaeologically from the 7th century onwards in a few cremation graves. Of particular importance is the burial ground of Pókaszepetk (western Hungary), where Slavs were buried.

In the second half of the 8th century, however, Slavic necropolises are increasingly found in what is now Lower Austria, both mound cemeteries with inhumations and those without mounds, which can be dated on the basis

of Avar jewellery (especially earrings and belt ornaments). Slavic names also appear increasingly in written sources (e.g. legal documents). In the foundation charter for the Kremsmünster monastery of 777, a “Slavic deanery” is even mentioned under a Zupan.

At this time, the entire northern Alpine foothill area between the Enns and the Wienerwald probably had a loose Slavic settlement.

With the destruction of the Avar empire by the Franks, present-day Lower Austria also came under Carolingian-Bavarian influence, which is also reflected in the graves. The Avar khaganate “inter Sabaria et Carnuntum” established by Charlemagne apparently came under pressure from Slavic immigrants.

The paper shows the different phases and forms of Slavic presence in the area of present-day Lower Austria and also deals with theoretical and methodological problems in the interpretation of both written and archaeological sources.

Элизабет Новотни (Кремс, Австрия)

Развитие сельских поселенческих структур на территории Нижней Австрии в раннем и высоком Средневековье

Недавно опубликованное поселение Миттерретцбах на северной окраине нынешней Нижней Австрии, как и другие памятники данной территории, позволяет проследить развитие сельских поселенческих структур.

В раннем Средневековье дома сооружались почти исключительно в виде углубленных построек. Наземные жилища в этот период некоторую роль играли на центральных поселениях, а на рядовых селищах эти изменения в домостроительстве произошли лишь в эпоху высокого Средневековья. Для различных функций (жилище, содержание домашних животных, хранение продуктов) по-прежнему строились отдельные сооружения. На следующем этапе, когда распространились многоэтажные и, по крайней мере, частично каменные дома, это изменилось, как прекратилось и строительство столбовых конструкций.

Уже в начале раннего Средневековья на поселениях существовала полукруглая схема группировки домов; доминирующим типом была деревня с «кластерной» планировкой. В период высокого Средневековья появились четко огороженные дворы, и наметилась тенденция к преобладанию поселков с регулярной планировкой.

Дифференциация поселений впервые происходит в конце раннего Средневековья. Возникающие поселения-центры четко отличаются от рядовых (сельских) своими размерами, расположением, структу-

рой и материальной культурой. Типичным явлением, особенно в раннем Средневековье, были недолговременные поселки, в то время как поселения-центры стали первыми, которые существовали на одном месте длительный период. Если ранние славянские поселения располагались преимущественно в низинах, то со временем рост численности населения привел к заселению всех территорий, пригодных для сельского хозяйства. Структура поселенческого ландшафта также менялась в период развитого Средневековья в связи с образованием городов, а затем и запустением деревень.

Возможные причины всех этих изменений (часто влияющих и друг на друга) разнообразны и варьируются от социальных до политических.

Elisabeth Nowotny (Krems, Austria)

Change in rural settlement in Lower Austria in the Early and High Middle Ages

The recently published settlement of Mitterretzbach in the most northern part of Lower Austria, as well as other sites, serve to outline change in rural settlement.

In the Early Middle Ages, houses were almost solely constructed as pit houses. Ground level buildings played a certain role in central sites as this period went on, while in rural settlements this change in construction took place in the High Middle Ages. The different functions (housing, animal housing, storage) were still fulfilled by individual houses. This, as well as the post-construction, was to change in the following centuries, when multipartite, at least partly stone-built houses became common.

At the beginning Early Middle Ages, semi-circular arrangements of houses already existed within the settlements; the dominant type being the clustered village. In the High Middle Ages, clearly enclosed yards appeared and a development towards the dominance of villages with a regular layout began.

A differentiation of settlements was first taking place in the latter part of the Early Middle Ages. The emerging central sites differ clearly from the rural settlements in terms of size, position, structure, and material culture. A phenomenon, especially in the Early Middle Ages, seems to be the relocation of settlements, whereas the central sites were the first settlements to remain in the same position for a longer period.

After early Slavic settlement had taken place dominantly in the lowlands, the increase in the population led in the course of time to the settlement of all those areas suitable for agriculture. The structure of the settlement landscape also changed over the course of the Middle Ages due to the formation of towns and the later desertion of villages.

The possible underlying causes for the different changes (often affecting and inducing each other) are diverse and range, among others, from social to political ones.

Wolfgang Breibert (Asparn an der Zaya, Rakousko)

Slovanská mohylová pohřebiště ve východním Rakousku – stav výzkumu

Mohyly se objevují v různých pravěkých i protohistorických obdobích. Oblast rozšíření raně středověkých slovanských mohylníků se táhne od jižních Čech přes Mühlviertel a Waldviertel až po Weinviertel.

Slovanskou pohřební mohylu nelze pokládat za monumentální stavbu či projev společenského postavení zemřelého, jak jsou přijímány tyto objekty v raně středověké západní Evropě. Naopak, mohylová úprava hrobu může být mnohem spíše dána všeobecnými pohřebními zvyklostmi. Pro to mluví jak skromné rozměry – jedná se o konstrukci o průměrné výšce 1 m a několika metrech v průměru – tak skutečnost, že v oblasti rozšíření mohylníků se jiné typy hrobů dají přičíst pouze cizím kulturním vlivům. U bavorských řadových pohřebišť se nadzemní označení hrobů může přičíst také snaze o dodržení rozestupů mezi hroby a zamezení jejich překrytí, navíc se zde může jednat pouze o nízké násypy.

Ve východním Rakousku se objevují mohylové hroby jak s kostrovými, tak, méně často, i se žárovými pohřby. O změně pohřebního ritu ve slovanském světě (od žárového ke kostrovému pohřbívání) se vede diskuse už několik desetiletí, proměna pohřebních zvyklostí nabízí logický závěr o hlubokých společenských a náboženských změnách.

V rámci výzkumu slovanských mohylníků a slovanských pohřebních zvyklostí zůstává za současného stavu bádání ještě mnoho otázek otevřených, zvláště objasnění přechodu od žárového ke kostrovému pohřbívání a vymezení období, ve kterém byly oba pohřební rity praktikovány zároveň.

Wolfgang Breibert (Asparn an der Zaya, Austria)

Slavic burial mound necropoles in eastern Austria - the state of research

Barrows were erected during various prehistoric and early historical periods. Early medieval Slavic burial mound necropoles extend from southern Bohemia to the Mühlviertel, Waldviertel and Weinviertel areas.

The Slavic burial mound cannot be regarded as a grand monumental building or as an indicator of an elevated social status of the deceased, as has been postulated for the early medieval western Europe burial mound phenomenon. In contrast, this form of burial rite can be much better inter-

preted through the Slavic general sepulchral tradition. This is supported by the mound's modest dimensions – averaging 1.0 m high and a few meters across – and the fact that other grave constructions in the same area of distribution can only be explained by foreign cultural influences. We can also assume that there were superficial markings on the Bajuvarian Reihengräberfelder, which served to distinguish the single burials from each other, here too it could have been low mounds. Although we can assume the presence of markers or even small earthen mounds atop the Bajuvarian Reihengräber burials, these served the mainly practical purpose of avoiding disturbance by later interments.

In the burial mounds of eastern Austria, we know of both inhumations and cremations, although the latter less often. The ritual change from cremation to body burial in the Slavic world has been discussed for decades; a change in burial customs certainly also implies a fundamental social and religious evolution.

When talking about the Slavic burial mounds and the associated burial rites, many questions still remain unsolved in the current state of research, in particular the clarification of the transition from cremation to inhumation or the time span for the parallel practice of both burial rites.

Георгиос Кардарас (Афины, Греция)

Славянское заселение района Залавары (Юго-Западная Венгрия): Историческое переосмысление

Независимо от взглядов на то, когда славянские поселения появились на землях современной Венгрии, то есть раньше, одновременно или после создания Аварского каганата в 568 г., мы видим здесь первые находки, свидетельствующие о сосуществовании авар со славянами (носителями пражской и, в меньшей степени, пеньковской культуры) на определенных могильниках со смешанными культурными признаками. Вероятно, наиболее важные свидетельства этого сосуществования происходят из так называемой группы Покасепетк – Залакомар в районе современной деревни Залавар (Юго-Западная Венгрия, к западу от озера Балатон), которая включает могильники Залакомар, Кехида, Дьенешдиаш и Покасепетк. Эта группа появилась в начале VII в. и характеризуется биритуализмом (аварские ингумации и славянские кремации в разных частях кладбища). В исследованиях указывается на прекращение использования кладбищ в конце VII в. (около 670-690 гг.), а также на их повторное использование в конце VIII / начале IX в. Данный доклад, принимая во внимание эти данные, фокусируется на предположениях профессора Б.М. Сёке относительно: а) региона происхождения и даты

поселения славян в районе Залавара (а именно – военнопленных славян-дулебов в 602 г.); б) направления, в котором местные славяне были перемещены с конца VII в до около 800 г. (река Энс или Юго-Восточные Альпы); в) причина их возвращения в Залаварский регион (подчинение аваров франкам в 796 г.). С исторической точки зрения предпринята попытка пересмотреть эти предположения, основываясь на общей ситуации в Аварском каганате в рассматриваемый период, а также на изучении свидетельств источников, таких как *Повесть временных лет*, *Чудеса святого Димитрия Солунского* и *Лаврентиевская летопись*.

Georgios Kardaras (Athens, Greece)

The Slavic settlement in the Zalavár area (southwestern Hungary): a historical reconsideration

In certain burial grounds with mixed cultural features in present-day Hungary, the first finds that came to light showed the coexistence of the Avars with the Slavs (bearers of the Prague and, to a lesser extent, the Penkovka culture); and this is regardless of whether Slavic settlement in this area is supposed to have taken place earlier, either simultaneously or after the establishment of the Avar Khaganate in 568. Probably the most important finds showing this coexistence come from the so-called “Pókaszeptk-Zalacomár group” in the area of Zalavár (southwestern Hungary, west of Lake Balaton), which includes the burial grounds of Zalacomár, Kehida, Gyenesdiás and Pókaszeptk. This group emerged in the early 7th century and is characterized by biritual practices (Avar inhumations and Slavic cremations) in separate areas of the burial grounds. In the research, the interruption of the occupation of these burial grounds in the late 7th century (c. 670-690) is highlighted as well as their resumption in the late 8ep / early 9ep centuries. Taking these data into account, our paper focuses on Bela M. Szőke’s assumptions concerning a) the region of origin and the dating of Slavic settlement in the Zalavár area (namely *Dulebi* Slavs as prisoners of war in 602), b) the direction in which the local Slavs were moved from the late 7th century to c. 800 (the Enns or south-eastern Alps), and c) the reason for their return to Zalavár (the subjugation of the Avars to the Franks in 796). An attempt is made to reconsider these assumptions from a historical perspective based on the overall situation of the Avar Khaganate in the period under consideration and on an examination of the evidence of the sources, such as the *Russian Primary Chronicle*, the *Miracles of Saint Demetrius* and the *Annales Laureshamenses*.

Ивана Пашић (Нови Сад, Србија)

Група насеља у околини Оцака, у средњој Бачкој, од 7. до 9. века н.е.

Мада у оквиру Аварског каганата, без обзира на његов вишеетнички састав, долази до приличног унифицирања материјалне културе, начина становања и сахрањивања, ипак се могу пратити и извесне разлике које указују на различито порекло становништва. У том смислу занимљив је пример Оцака, насеља у средњој Бачкој, у чијој је близини, на међусобном растојању од по неколико километара, откривено 5 насеља блиског хронолошког оквира, али међусобно различита. Међу овим насељима само једно има континуитет од 7. до 9. века, док од осталих четири два припадају старијем (7. век), а два млађем хоризонту (8–9. век). На локалитетима Оџаци-Мале оранице и Дорослово-Секеш, истражене су куће које имају мале пећи или огњишта у углу, и по две јаме за стубове, што одговара најчешћем типу станишта 7–9. века. Поред кућа су мали укопани објекти са хлебним пећима. На суседном локалитету (Оџаци-Ливаде) су откривене 4 куће без огњишта и пећи, а кров се ослањао на три стуба постављена по средишњој оси куће. Поред кућа је спољно правоугаоно огњиште. На четвртом локалитету (Јалић-Јарош) откривено је пет кућа идентичних основа, са два стуба и пећима обликованим у лесу, а куће су грађене у пару (по 2 идентичне и паралелне куће једна поред друге). На локалитету Бела Пуста код Руског Крстура налазиле су се куће и са пећима у углу и без њих. Осим у архитектури, разлике постоје и у облицима грнчарије, што све заједно говори о суживоту на истом простору различитих етничких заједница.

Ivana Pašić (Novi Sad, Serbia)

A 7th–9th century AD settlement cluster in the vicinity of Odžak in central Bačka

Despite the multinational composition of the Avar khaganate, its material culture, economy and burial rites were considerably unified within it. Nevertheless, there are some peculiarities that indicate the different origins of the population. In this sense, an interesting example is Odžak, a settlement in central Bačka. In the vicinity of Odžak, five chronologically similar settlements were discovered at a distance of several kilometers from each other, with differing cultural characters. Among these settlements, only one revealed materials from the 7th to the 9th centuries, two belong to the older (7th century) and two to the younger horizon (8th–9th centuries). At the sites of Male Oranice and Doroslovo – Sekeš, houses with small furnaces or hearths in the

corner and two post holes, which correspond to the most common house type of the 7th–9th centuries, were investigated. Next to the houses, we found small outbuildings with bread ovens. At the neighbouring site (Livade), four houses without a heating installation were discovered. Three ridge posts along the central axis of the houses supported their roofs. Next to each house was an external rectangular fireplace. At the fourth site (Lalić, Jaroš), five identical houses with two posts and stoves with a wooden casing were discovered. The houses were built in pairs (two houses parallel to each other). At the Bela Pusta site near Ruski Krstur, houses with and without stoves in the corner were discovered. Apart from architecture, there are also differences in the shapes of the pottery which, when taken together, are interpreted as the coexistence of different ethnic communities in the same area.

Дејан Радичевић, Дејан Булић (Београд, Србија)

Размеђе антике и средњег века на подручју Западне Србије: археолошка сазнања

Намера излагача је да обједине расположиве податке о археолошким налазиштима из касноантичког (4–5. век) и раносредњовековног доба (6–9/10. век) на простору данашње Западне Србије, од Подриња и Полимља на западу до Колубаре и горњег тока Западне Мораве на истоку и између Саве на северу и обода Пештерске висоравни на југу. Циљ је да се пружи што потпунији одговор на питање у којој мери археолошка сазнања сведоче о историјским догађањима током разматраног раздобља, с посебним свртом на проблематику континуитета/дисконтинуитета на размеђу епоха. У том погледу од посебног значаја чине се резултати истраживања вишеслојних налазишта на којима су откривени најстарији трагови који се повезују са присуством Словена/Срба на овим просторима.

Dejan Radičević, Dejan Bulić (Belgrade, Serbia)

Western Serbia between Antiquity and the Middle Ages: archaeological findings

The intention of the paper is to consolidate the available data on archaeological sites from the Late Antique period (4th–5th centuries) and the Early Middle Ages (6th–9th/10th centuries) in the area of present-day western Serbia, from the Drina and Lima rivers in the West to Kolubara and the upper western Morava in the East, and between the Sava in the North and the rim of the Pešter plateau in the South. The aim is to answer the question

of the extent to which these data reflect the historical reality of the time in question, with a special focus on the issue of cultural continuity or discontinuity at the turn of these epochs. In this regard, the results of investigations of multi-layered sites that revealed the oldest traces of the presence of Slavs/Serbs are of special importance.

Luka Bekić (Zadar, Hrvatska)

Rani Slaveni na Brezju kod Varaždina

Na poljima Brezja kod grada Varaždina u Hrvatskoj, otkriveno je nekoliko međusobno nepovezanih ranoslavenskih naselja koja se datiraju u 7. i 8. stoljeće, a poneki objekti datiraju i kasnije, do u 10. stoljeće. Naselja su smještena na blagim uzvisinama, riječnim pješčanim gredama, između rječice Plitvice i rijeke Drave. Najveće i najbolje istraženo je naselje na položaju Brezje 4, koje do sada nije bilo opširnije objavljeno. U radu će biti predstavljena struktura naselja i posebno pokretni nalazi. Keramičke posude koje se nalaze u ovom naselju su djelomično izrađene prostoručno, a većina je izrađena na sporovrtećem kolu. Prijelaz s prostoručne tehnologije izrade keramičkih posuda do korištenja brzovrtećeg kola događa se upravo u vrijeme doseljavanja i početka sjedilačkog života. Stoga je nalazište Brezje ključno je za proučavanje ranog slavenskog naseljavanja prostora sjevernog dijela Hrvatske.

Luka Bekić (Zadar, Croatia)

Early Slavs at Brezje near Varaždin

In the fields of Brezje, near the town of Varaždin in Croatia, several individual early Slavic settlements were discovered that date back to the 7th and 8th centuries, though some of them can be dated to as late as the 10th century. The settlements are located on slight elevations (old sandy river levees) between the rivers Plitvica and Drava. The largest and best investigated settlement site is Brezje 4, which has not been published in detail so far. The paper will present the structure of this settlement and especially the small finds. The pottery of this settlement is partly handmade and, to a large extent, made using a slow wheel. The transition from handmade pottery technology to the fast wheel occurs precisely at the time of immigration and the beginning of sedentary life. Therefore, the Brezje site is crucial for the study of early Slavic settlement in the northern part of Croatia.

Andrej Pleterski (Ljubljana, Slovenija)

Vlahi in Slovani v vzhodnih Alpah

Diskusije o prihodu Slovanov v zgodnjem srednjem veku, njegovem času in načinu so v veliki meri odvisne od njihove vidnosti v arheoloških virih. Tradicionalno v vzhodnih Alpah prednjačijo raziskave grobišč. Kakorkoli že jih kronološko interpretiramo je doslej prevladoval vtis, da gre za skupino starejših staroselskih (vlaških po slovanski terminologiji) grobišč in skupino mlajših, slovanskih grobišč, med obema pa zeva določena časovna praznina. V zadnjih dveh desetletjih pa so se nakopičila odkritja številnih naselbin, ki dajejo povsem drugačno sliko. Ta govori o postopnem prodiranju manjših slovanskih skupin, morda že od druge polovice 5. st. dalje in o preživetju nemajhnih skupin staroselcev, katerih integracija je potekala stoletja. To zahteva drugačno razumevanje informacij, ki jih nudijo grobišča. Če priznamo starim Slovanom, da so bili specialisti za življenje na meji med suhim in mokrim okoljem, nam upoštevanje naravnega okolja prinaša boljši ključ za interpretiranje grobišč kot pa tipološke analize predmetov.

Andrej Pleterski (Ljubljana, Slovenia)

Vlachs and Slavs in the eastern Alps

Discussions about how and when the Slavs arrived in the early Middle Ages depend largely on its visibility in archaeological sources. Traditionally, cemetery research is predominant in the eastern Alps. However we interpret cemeteries chronologically, the impression that there is an older group of indigenous necropoles (Vlach, according to Slavic terminology) and a group of younger Slavic necropoles, with a certain time gap between the two, has so far prevailed. However, in the last two decades, the discoveries of many settlements have accumulated, which provides us with a completely different picture. This speaks for the gradual advance of smaller Slavic groups, perhaps already in the second half of the 5th century. It shows the survival of large groups of native inhabitants, whose integration took place over the centuries. This requires a different understanding of the information provided by the cemeteries. If we admit that the ancient Slavs were specialists in life on the borderline between a dry and a humid environment, the consideration of the natural environment gives us a better key to the interpretation of burial grounds than the typological analyses of objects.

Verena Vidrih Perko (Kranj, Slovenija)

Arheološke najdbe iz Kranja (Slovenija) in njihov pomen za interpretacijo slovenske preteklosti

Kranj se je z odkritji germanskih grobov na Lajhu konec 19. in na začetku 20. stoletja uvrstil med najpomembnejša arheološko najdišča v Evropi. Sijajne najdbe, shranjene v Ljubljani in na Dunaju, so v času pred in med drugo svetovno vojno omogočile politično konvencionirano interpretacijo o vlogi Germanov v evropskem prostoru. Po drugi svetovni vojni sta bili v Kranju odkriti veliki staroslovanski grobišči. Z. Vinski je prepoznal staroselsko gradivo, M. Sagadin pa je z nadaljnim študijem gradiva prepoznal značilnosti kranjskih delavnic.

Prispevek bo predstavil kratko zgodovino raziskav v Kranju odkritega staroslovanskega gradiva in predstavil njegov pomen za oblikovanje slovenke narodne identitete.

Verena Vidrih Perko (Kranj, Slovenia)

Archaeological discoveries from Kranj (Slovenia) and their significance for the interpretation of the Slovenian past

The town of Kranj became a famous archaeological site in Europe as a result of the discovery of Germanic tombs at the site of Lajh at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. These brilliant finds, stored in Ljubljana and Vienna, enabled before and during the Second World War the politically conventional interpretation of the role of the Germans in Europe. After the Second World War, two large, early Slavic burial sites were discovered in Kranj. J. Kastelic and A. Valič published the Slavic finds; Z. Vinski identified Celtic influence among the material and, after further study of the material in recent decades, M. Sagadin identified characteristics of local workshops, which opened up some broader questions.

The paper presents a short research history of early Slavic material discovered in Kranj and focusses on its significance for the formation of the Slovenian national identity.

Andrej Magdič (Ljubljana, Slovenija)

Zgodnjesrednjeveške slovanske „župe“ med Panonijo in Vzhodnimi Alpami, definirane na podlagi arheoloških virov

Politični zlom zahodnega dela Rimskega cesarstva je imel globoke družbene posledice za celotno prebivalstvo zahodnega obrobja Panonije v

današnji severovzhodni Sloveniji. Postopni zaton in končno propad urbana središča regije, kolonije Petoviona, ki ga je mogoče povezati z napadi Gotov ob koncu 4. stoletja, je povzročil dezintegracijo družbenih sistemov v regiji, zaradi katere se je razselilo skoraj celotno prebivalstvo mestnega agra. Redki odkriti sledovi romanske poselitve, ki se je odmaknjena od glavnih prometnic ohranila vse do prihoda Slovanov, kažejo na avtarkični gospodarski sistem teh skupnosti, ki so izgubile vsakršen stik s takratnimi urbanimi središči pozno rimske kulture v severovzhodni Italiji.

Kljub temu, da pokrajina ni bila popolnoma prazna, so slovanske skupnosti, ki so v prvi polovici 6. stoletja začele naseljevati nižino ob Muri, proti koncu stoletja pa tudi nižino ob Dravi, imele pri oblikovanju ustroja poselitve tako rekoč popolnoma proste roke. V regiji takrat ni bilo druge politične sile, ki bi jim lahko naselitev preprečevala, jo ovirala ali usmerjala. Slovani so za poselitev lahko izbrali način in okolje, ki je optimalno ustrezalo njihovi družbeni ureditvi in gospodarskemu sistemu, kar jim je omogočalo preživetje v novo naseljeni pokrajini.

S prostorskimi študijami obravnavanega prostora, opravljenimi z GIS orodji, je bilo mogoče definirati koncentracije poselitve, ki jih lahko interpretiramo kot »župe«, temeljne enote politične organizacije pri zgodnjemedievalnih Slovanih. Na podlagi datacije posameznih arheoloških najdišč na območju župe in ob upoštevanju družbenih atributov, ki smo jih razbrali iz materialne kulture, je bilo mogoče interpretirati družbeni razvoj posamezne župe skozi pol tisočletja zgodnjega srednjega veka. Vključno s spremembami v družbeni ureditvi, ki jih lahko interpretiramo kot posledico vsakokratnih spremenjenih geopolitičnih okoliščin.

Andrej Magdič (Ljubljana, Slovenija)

Early medieval Slavic counties (“župa”) between Pannonia and the eastern Alps, defined on the basis of archaeological data

The political collapse of the western part of the Roman Empire had profound social consequences for the entire population of the western outskirts of Pannonia in present-day northeastern Slovenia. The gradual decline and eventual collapse of the urban center of the region, the colony of Petovio, which can be linked to attacks by the Goths in the late 4th century, led to the disintegration of social systems in the region, displacing almost the entire population of the city's ager. Rare traces of the Roman settlement, which survived away from the main roads until the arrival of the Slavs, suggest that these communities had an autarkic economic system and had lost all contact with the urban centres of Late Roman culture in Northeastern Italy.

Despite the fact that the landscape was not completely empty, the Slavic communities, which in the first half of the 6th century began to inhabit

the lowlands along the Mura river and, towards the end of the century, also the lowlands along the Drava river, had an almost free hand in forming their settlement structure. There was no other political force in the region at that time that could prevent, hinder or direct their settlement. The Slavs were free to choose their own way of life and the environment for the settlement that optimally suited their social order and economic system, and which enabled them to survive in the newly settled landscape.

Landscape studies of the area in question, carried out with GIS tools, made it possible to define settlement concentrations, which can be interpreted as “župa” (approximately “county”), these being the basic units of political organization among the early medieval Slavs. Based on the dating of individual archaeological sites in the župas and by taking into account social attributes, as were deduced from the material culture, it was possible to interpret the social development of the župas through half a millennium of the early Middle Ages. This includes changes in social order, which can be interpreted as a consequence of the ever-changing geopolitical circumstances.

Gojko Tica, Primož Predan, Jasna Vinder
(Planina / Slovenska Bistrica, Slovenija)

Zgodnjesrednjeveška naselbina v Pušencih

V zadnjih treh desetletjih je bilo v Sloveniji, predvsem zaradi večjih infrastrukturnih projektov, odkritih precej zgodnjesrednjeveških najdišč. Večina teh je, predvsem zaradi različnih objav in predstavitev na različnih kongresih in srečanjih, znana širši strokovni javnosti. Multiperiodno najdišče iz Pušencev blizu Ormoža, pa je v strokovni javnosti neznano.

Med naselbinskimi ostanki iz različnih obdobj, od bronaste dobe do modernega obdobja, so bile odkrite tudi strukture, ki jih lahko uvrstimo v zgodnjesrednjeveško obdobje; na podlagi najdb v čas med 7. in 9. stoletjem, z radiokarbonskimi datacijami pa v čas med drugo polovico 8. in sredino 11. stoletja. Pušenci ležijo v Podravju, s stališča zgodnjesrednjeveške arheologije pa jih lahko uvrstimo v kulturno precej enotno območje, ki se po trenutnem stanju raziskav razteza od okolice Maribora na zahodu do Prekmurja na vzhodu in Vitovitice na jugovzhodu. Večina najdišč na navedenem območju kaže na obstoj dveh zgodnjesrednjeveških naselbinskih faz, prve, ki je uvrščena v čas med sredino 6. in koncem 7. stoletja, ter druge, uvrščene v čas 8. in 9. stoletja, to pa je čas, ki ga povezujemo z začetki slovanske poselitve vzhodnega dela današnje Slovenije. Mlajše najdbe iz 10. do 12/13. stoletja namreč sodijo v čas, ko se je naseljevanje Slovanov v vzhodnem delu Slovenije že končalo. Nekatere strukture iz Pušencev so namreč z radiokarbonskimi datacijami uvrščene še tudi v čas med 11. in 13. stoletjem.

Na podlagi primerjav gradiva in nekaterih radiokaronskih datacij z najdišč v okolici Maribora in Prekmurja, lahko zgodnesrednjeveške ostanke v Pušencih lahko uvrstimo v čas druge zgodnesrednjeveške naselbinske faze v vzhodni Sloveniji, njeno prebivalstvo pa lahko označimo za slovansko.

V prispevku bomo na kratko predstavili najdišče Pušenci s poudarkom na njegovi zgodnesrednjeveški fazi, hkrati pa podali tudi prikaz primerjave rezultatov radiokarbonskih datacij z nekaterih najdišč, ki sta jih na območju vzhodne Slovenije izvajali zasebni podjetji PJP d.o.o. in Tica Sistem d.o.o.

Gojko Tica, Primož Predan, Jasna Vinder
(Planina / Slovenska Bistrica, Slovenia)

The early medieval settlement of Pušenci

During the last three decades, in Slovenia, a considerable number of early medieval sites have been discovered due to major infrastructure projects. Most of these are known to the professional community, thanks to various publications and presentations at congresses and meetings. One of the lesser-known sites is the multi-period settlement site of Pušenci near Ormož.

Excavations at Pušenci revealed settlement remains from the Bronze Age to the modern period, including structures from the Early Middle Ages. Based on typical finds, they can be dated to the period between the 7th and 9th centuries and, with radiocarbon dating, to between the second half of the 8th and the mid-11th centuries. The settlement of Pušenci is located in the Podravje region. With respect to early medieval archaeology, this region can be seen as a culturally fairly uniform area which, according to the current state of research, extends from the surroundings of Maribor in the West to Prekmurje in the East and Vitovtica in the Southeast. Most of the sites in this area indicate the existence of two early medieval settlement phases, the first dating from the mid-6th to the end of the 7th centuries, and the second dating from the 8th to the 9th centuries. We can connect them with the beginnings of Slavic settlement in the eastern part of present-day Slovenia. In the following period, from the 10th to the 12th / 13th centuries, the Slavic colonisation of the eastern part of Slovenia had already ended. However, some 11th–13th century structures at Pušenci belong to this period, as is evidenced by radiocarbon dating.

According to parallels and some radiocarbon data from sites in the vicinity of Maribor and Prekmurje, the early medieval remains at Pušenci correspond to the second settlement phase in eastern Slovenia, and its population can be described as Slavic.

The focus of our paper is a brief presentation of the Pušenci site with an emphasis on its early medieval phase. Additionally, there will be an evaluation of radiocarbon data from comparable sites that were investigated in eastern Slovenia by the private companies PJP d.o.o. and Tica Sistem d.o.o.

Samo Sankovič (Murska Sobota, Slovenija)

Dve novoodkriti srednjeveški grobišči v Prekmurju (Slovenija)

V zadnjih šestih letih smo sodelavci Pomurskega muzeja Murska Sobota raziskali dve novi grobišči, ki ju lahko datiramo v zgodnejše faze srednjega veka. Odkriti grobišči sta tudi največji do sedaj odkriti iz tega obdobja v skrajnem severovzhodnem delu Slovenije, Prekmurju.

Prvo grobišče je bilo najdeno na ledini Plese na vzhodnem obrobju mesta Murska Sobota, arheološka izkopavanja pa so potekala v letih 2013, 2014 in 2016. Najdenih je bilo 31 grobov, ki jih datiramo od 8–10. stoletja. Večina pokojnikov je bila pokopana v iztegnjeni legi na hrbtu z glavo proti zahodu. Pridatki v ženskih grobovih so večinoma uhani, prstani, ogrlice in glinena vretenca, v moških pa noži in pasne sponse. Posebnost grobišča je odkritje obodnih jarkov dveh gomil, znotraj katerih so bili pokopani pokojniki z bogatejšimi pridatki.

Druga raziskava Pomurskega muzeja se je izvajala na Tišini v letih 2018 in 2019, vasi, ki se nahaja le nekaj kilometrov zahodno od Murske Sobotice. Arheološka izkopavanja so bila izvedena v manjši meri tik ob cerkvi Marijinega rojstva, v večji meri pa na območju severno od nje, zato smo že pred izkopavanji predvideli obstoj pokopališča. Pri raziskavi smo ugotovili, da so na območju cerkve začeli pokopavati že v 10. stoletju ter neprekinjeno pokopavali vse do sedemdesetih let 18. stoletja, ko so pokopališče zaradi prenatrpanosti preselili. Okoli cerkve in do 60 metrov severno od nje se je razprostiralo večje grobišče iz druge polovice 10. in 11. stoletja. Izkopali smo več kot 80 grobov iz tega obdobja, pokojni pa so bili pokopani v iztegnjeni legi na hrbtu z glavami proti zahodu. 40 odstotkov grobov je vsebovalo pridatke, predvsem ženski nakit, tipičen za to obdobje na širšem panonskem območju. Največ je različnih obsenčnih obročkov, največ s S-zankami, v grobovih pa se najdejo tudi prstani, ogrlica in obesek. Iz moških grobov sta nož in kresilo.

Restavriranje najdb in razne analize kostnih ostankov z grobišča s Ples v Murski Soboti so že končane. Restavriranje nekaterih najdb z najdišča Tišina trenutno še poteka, analize človeških ostankov pa bodo predvidoma končane v letu 2021.

Samo Sankovič (Murska Sobota, Slovenia)

Two new medieval burial sites in Prekmurje (Slovenia)

During the last six years, a team from the Pomurje Museum in Murska Sobota has excavated two new burial sites that date to the Early Middle Ages. It must be emphasised that these two burial sites are the largest in the north-eastern region of Prekmurje in Slovenia.

One burial site is located in an area with the place name Plese on the eastern outskirts of Murska Sobota. It was excavated in 2013, 2014 and 2016. Altogether 31 inhumation burials, dated between the 8th and 10th centuries, were uncovered. The deceased were buried on their backs in a stretched-out position with their heads to the west. Earrings, rings, necklaces and spindle whorls mark female graves, while male burials contained knives and belt clips. As a unique feature of this burial site, two circular ditches should be mentioned, which we assume reflect the two surrounding unpreserved tumuli, each containing two richer burials.

The other site is situated in the village of Tišina, a few kilometres west of Murska Sobota. The excavations took place in 2018 and 2019. Two small trenches were excavated next to the south and north walls of the Church of St. Mary's Birth; a larger area was excavated north of the church. The excavations revealed that burials began at the church in the 10th century and continued until the 1870s, when the cemetery was relocated due to overcrowding. A larger burial site from the 10th to the 11th centuries extended to a distance of 60 metres north of the church. More than 80 graves from this period were excavated. The deceased were buried on their backs in a stretched-out position with their heads to the west. Forty percent of the graves contained accessories, mainly female jewellery, typical for this period in the wider Pannonian area. The majority of female graves contained different head circlets, mostly with S-shaped endings and also several rings, pendants and a bracelet. Only a knife and a fire steel were found in male graves.

The restoration of the finds from Plese has already been completed, as have different analyses of the human remains. The work on the material from Tišina is still going on, various anthropological analyses will be completed in 2021.

Špela Karo (Ljubljana, Slovenija)

Zgodnjesrednjeveški kovinski predmeti z višinskih najdišč in grobišč na območju Slovenije

Na začetku raziskav zgodnjega srednjega veka v Sloveniji od sredine 19. stoletja naprej, se je preučevanje obdobja med poznim 6. in 11. stoletjem osredotočalo predvsem na grobišča ter tipološko in kronološko ovrednotenje drobnih najdb. V 90-ih letih prejšnjega stoletja pa so raziskave zaobjele še številne novoodkrite nižinske naselbine, izkopane predvsem na trasah načrtovanih avtocest, in zgodnjesrednjeveške najdbe na višinskih najdiščih. Intenzivne raziskave poznoantičnih višinskih naselbin so namreč razkrile posamezne naselbinske plasti s predmeti iz zgodnjega srednjega

veka. Istočasno se je razširila tudi nelegalna uporaba detektorjev kovin, s katerimi so nepooblaščen iskalci pustošili arheološka najdišča, predvsem tista skrita v redko poseljenih z gozdom poraslih hribovitih predelih. Na ta način so na dan prišli številni kovinski predmeti iz obdobja med koncem 8. stoletja in zgodnjim 10. stoletjem. Zaradi načina pridobitve arheološki konteksti teh predmetov niso jasni. Nekatera izmed višinskih najdišč, kot sta na primer Gradišče nad Bašljem in Ljubična nad Zbelovsko Goro, izstopajo po količini in raznolikosti kovinskih predmetov. Med značilnimi najdbami so deli orožja, oprava jezdeca in oprema konja, železno orodje in drugi drobni predmeti. Primerjave zanje lahko najdemo na ozemlju Frankovskega kraljestva in njegovih mejnih pokrajin. Predmeti so večinoma izdelani iz kakovostne kovine, njihova površina je bogato okrašena, pogosto tudi pokositrena ali pozlačena. Vendar pa so predmeti, ki jih najdemo na višinskih najdiščih, le redko odkriti tudi v istočasnih grobovih. Na nekaterih grobiščih so bili najdeni deli vojaške oprave, med njimi ostroge s pripadajočo garnituro, večji železni noži v nožnicah s kovinskimi okovi in deli pasov oz. jermenov (spone in jermenski zaključki), ter prstani s čelno razširitvijo, izdelani iz bronaste pločevine. Prispevek se osredotoča na primerjavo kovinskih predmetov iz različnih najdiščnih kontekstov.

Špela Karo (Ljubljana, Slovenia)

Early medieval metal finds from hilltop sites and cemeteries in the territory of present-day Slovenia

At the beginning, i.e. from the second half of the 19th century onwards, early medieval research in Slovenia, covering approximately the period between the late 6th and 11th centuries, concentrated mainly on the study of cemeteries and the chronological and typological classification of small finds. It was not until the 1990s that a new era of early medieval research began, focusing on newly discovered lowland settlements and on metal finds collected mainly at hilltop sites. A comprehensive study of the Late Antique hilltop settlements revealed individual layers with early medieval finds. Meanwhile, the increase in unauthorized metal detectorists, who plundered archaeological sites hidden on wooded hills in the sparsely populated areas, brought to light numerous metal objects dating from the late 8th to early 10th centuries. Unfortunately, the archaeological contexts of these finds are mostly lost. Some of the sites, in particular Gradišče above Bašelj and Ljubična above Zbelovska Gora, stand out concerning the number and variety of artefacts. Among the typical finds are fragments of weapons, horse equipment, iron tools and other small objects that have analogues in other areas of the Frankish Empire and its borderlands. Most of these objects are of high qual-

ity, lavishly decorated and often tin plated or gilded. They are distinct from the grave inventories common at that time. However, some of these objects were also found in inhumation graves and include military equipment, namely spurs with fittings for attachment and larger iron knives in organic sheaths with metal fittings, copper-alloy belt parts (e.g. buckles and strap ends) and bronze sheet finger rings. The paper focuses on the comparison of these finds from different contexts.

Младен Загарчанин, Милош Живановић (Бар / Цетиње, Црна Гора)

Словени између Превалисa и Диоклије

Долазак Словена и насељавање касноантичке провинције Превалис у науци је пропраћено различитим и често контроверзним тумачењима. Разлог за то су свакако штурa историјска сведочанства као и малобројност археолошких налаза због којих још увјек нисмо у могућности да докажемо присуство Словена у, или око превалитанских градова у периоду од 7. до 9. вијека.

Према дјелу „О управљању царством“, које је за потребе владавине његовог наследника Романа написао цар Константин VII Порфирогенит, провинцију Далмацију су за вријеме цара Ираклија у 7. вијеку населила два народа, Срби и Хрвати, који су тада покрштени. Узимајући у обзир да је дјело писано у 10. вијеку, а да конкретних налаза из 7. вијека још нема на простору Превалисa, мора се приступити поновној анализи археолошких података како би на основу досадашњих ископавања приказали када и како српски/словенски етнос у Превали долази у контакт са византијским градовима на Јадрану, у којима до оснивања Драчке теме у 9. вијеку бораве углавном Ромеји.

Наша проучавања се базирају конкретно на истраживању српске/словенске керамике из Приморја: Бара, Свача и Иловице, као и спорадичних налаза грнчарије из Улциња. Шта у конкретном значењу представља српски/словенски материјал, и колико је он повезан са стварањем архонтије Диоклије најбоље говоре ископавања византијске куле 112 из Бара, гдје су налази по први пут пронађени унутар затоврених археолошких цјелина.

Водећи се анализом налаза из Бара гдје је урађена апослутна хронологија, и увидом у српски/словенски материјал из континенталног дијела Превале, покушаћемо да направимо пресјек свих до данас доступних налаза, и утврдимо основне карактеристике грнчарије као полазне тачке у проучавању Словена на задатом подручју.

На основу представљене археолошке грађе покушаћемо и да докажемо да се жупска организација на Приморју није оформила прије

оснивања Драчке теме у 9. вијеку, и да је тек пропашћу Комани-Кроја културе српско/словенко становништво на овим просторима почело да насељава византијске градове на Јадранској обали.

Mladen Zagarčanin, Miloš Živanović (Bar / Cetinje, Montenegro)

Slavs between Praevalitana and Doclea

The emergence and settlement of Slavs in the late antique province of Praevalitana has often induced controversial scientific discussions and was accompanied by different concurrent interpretations. The reason for that is certainly the limited historical evidence and the small number of archeological findings from the 7th to the 9th century. Therefore, we cannot yet prove the presence of Slavs in or around the Praevalitanian towns in this period.

According to the work *De Administrando Imperio* by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus, the province of Dalmatia was inhabited during the reign of Emperor Heraclius (7th century), by two peoples, Serbs and Croats. Taking into account that the work was written in the 10th century, and that there are no concrete findings from the 7th century in the area of Praevalitana, it is necessary to re-analyse the archaeological data in order to show when and how the Serbian/Slavic ethnos in Praevalitana came into contact with the Byzantine towns on the Adriatic. In these towns lived, until the founding of the Byzantine province Dures (Dures theme) in the 9th century, mainly Romans.

Our studies are based specifically on the research of Serbian/Slavic pottery from sites at the Adriatic coast: Bar, Svač and Ilovisa, as well as sporadic pottery finds from Ulcinj. The excavations of the Byzantine tower 112 from Bar, where the finds were found for the first time within closed archeological units, demonstrate best what the Serbian/Slavic material represents in a concrete sense, and furthermore, to what extent they are connected with the foundation of the diocese of Doclea.

The basis of the absolute chronology is the analysis of the finds from Bar. Using these and other Serbian/Slavic remains from the mainland part of Praevalitana, an attempt will be made to create a cross-section of all available finds and to determine the basic characteristics of the pottery, which will serve as a starting point for the study of the Slavs in this area.

Based on the presented archeological material, it is argued that the parish organization on the littoral was not established before the founding of the Dures theme in the 9th century, and that only with the collapse of the Komani-Kroja culture did the Serbian/Slavic population in this area begin to inhabit Byzantine towns on the Adriatic coast.

Секција 3-5. Рани Словени у Карпатско-Дунавској регији
Секция 3-5. Ранние славяне в Карпато-Дунайском регионе
Section 3-5. Early Slavs in the Carpathian-Danube region

Јоан Станђиу (Клуж-Напока, Румунија)

Рани Словени на територији данашње Румуније.
Коментар досадашњих резултата археолошких истраживања

Квалитет налаза, посматрајући пре свега грнчарију (готово увек из насеља), не само да пружа сасвим солидну основу за расправе усмерене углавном на хронолошка питања, већ и на улоге у дешифровању етничких структура и процеса. Последњих деценија, помињући ране Словене и процес колонизације која је досегла велике територије изван матичне, теоријски приступи су покушали да оспоре могућности идентификовања ове популације само уз помоћ археологије. Ипак, археолошки извори су увек доказивали своју битност, иако су током времена постојала прилагођавања њихових тумачења. У погледу археологије, садашње стање истраживања противречи старијој хипотези о хомогеном и једнообразном току трансформација које су се одвијале на целој територији данашње Румуније током 6–7. века. У том смислу, најјаснија је разлика између Трансилваније и подручја јужно и источно од Карпата. Разлог је тај што су Трансилвански басен и равница у западној Румунији укључени у Гепидско краљевство, а затим у Аварски каганат. Ово је стара историјска слика у потпуности потврђена археолошким подацима. Источно и јужно од Карпатских планина, али и у северозападној околини Трансилваније (као део регије Горње Тисе) и у централно-југоисточном подручју Трансилванског басена, видљива је дубока промена археолошке ситуације. Она се догодила највероватније у временском распону од друге половине 6. века (или његове последње трећине) до прве половине 7. века, мада је тачно датовање и даље тешко могуће. Дошло је до промена у грнчарији (све већи је удео гњетане керамике поред прашког или корчашког типа), у различитим специфичним структурама насеља и, на крају, али не најмање важно, у ширењу кремације као погребне праксе. Тада, са изузетком Трансилваније и западно-румунске низије, чини се да још постоје локалне средине које би могле бити повезане са касном антиком у процесу опадања. Археолошки докази сугеришу да је овај процес започео са севера и североистока, а веза са словенском сеобом је разумно објашњење. Наравно, археолошки пружене информације морају бити критички допуњене доступним информацијама из писаних извора, лингвистичких студија и других важних допунских области.

**The Early Slavs in the territory of present-day Romania.
A comment on the results of archaeological investigations so far**

The quality of the artefacts, primarily regarding pottery (almost always from settlements), does not provide a very solid basis for debates that focus mainly on chronological issues, nor does it offer the possibility of deciphering ethnic structures and processes. In the last decades, with reference to the Early Slavs and the process of a colonization that reached large territories outside the one of origin, theoretical approaches have tried to contradict the possibility of identifying this population through archaeology alone. However, archaeological sources have always proved their importance, even if over time there have been adjustments in interpretations. In terms of archaeology, the present state of research contradicts the older hypothesis of a homogeneous and uniform course of the transformations that took place over the entire territory of present-day Romania during the 6th–7th centuries. In this sense, the clearest difference is between Transylvania and the areas south and east of the Carpathian Mountains. The reason is that the Transylvanian basin and the plain in western Romania have been integrated into the Gepid Kingdom, and then into the Avar Khaganate. This is an old, historical picture that has been fully confirmed by archaeological data. East and south of the Carpathian Mountains, but also in the northwestern vicinity of Transylvania (as part of the Upper Tisza region) and in the central southeastern area of the Transylvanian basin, a profound change in the archaeological situation is visible. This took place most likely in the time span from the second half of the sixth century (or its last third) to the first half of the seventh century, although accurate dating is still very difficult. Changes can be seen in the field of pottery (an increasing proportion of handmade pottery compared to the Prague or Korchak types), in various specific structures of the settlements and, last but not least, the spread of the burial practice of cremation. Then, with the exception of Transylvania and the western Romanian Plain, the local environments that could still be associated with late antiquity seem to be in the process of decay. Archaeological evidence suggests that this process started from the north and northeast, and the connection with the Slavic migration is a reasonable explanation. Of course, the archaeologically provided information has to be critically supplemented by available information from written sources, from linguistic studies and other important complementary fields.

Иоан Мариан Циплик, Мария Эмилия Крингачи-Циплик
(Сибиу, Румыния)

Археология кремаций и распространение христианства в Трансильвании в VI–X вв.

В районах к северу от Дуная кремации и биритуальные могильники появляются с VI в. Главными биритуальными некрополями в центральной и северной Трансильвании являются Боарта, Братей, Гуштерица, Окна–Сибиулуй, Паука, Тырнава (область Сибиу) и Бергин, Гирбом, Турдаш (область Альба). Они принадлежали славянским общинам, которые расселялись в основном на территориях, связанных с добычей соли. Между Тырнава-Маре и рекой Муреш погребальный обряд и керамика также предполагают наличие здесь славянских поселений VII–IX вв. Население, оставившее памятники группы Медиаш, добывало соль под явным контролем Аварского каганата. Другая группа памятников с кремациями в Трансильвании представлено группой Нушфалэу – Сомешень. Ей принадлежат курганные могильники.

Немногие письменные источники могут быть использованы для реконструкции погребального обряда IX в. Поэтому археологические данные имеют особое значение. Существует множество румынских публикаций, посвященных погребальному инвентарю. Однако сегодня основное внимание уделяется категоризации и типологии, теоретические дискуссии в области погребальных практик редки. Существуют более ранние символические анализы захоронений германской и мадьярской фаз, но очень мало работ, которые меняют типологический подход в отношении материалов VIII–X вв. Нет никаких исследований о значении кремаций или биритуальных могильников. Что касается культурно-исторической традиции румынской археологии, есть ряд вопросов, требующих разного подхода. Представляет ли биритуализм региональный переходный этап от язычества к христианству? Следует ли интерпретировать биритуальные захоронения в рамках одного могильника как принадлежащие разным этническим группам? С каких пор христианские погребения могут быть надежно засвидетельствованы в Трансильвании и к северу от Дуная? Крещение центральноевропейских славян недостаточно документировано как с исторической, так и с археологической точки зрения. Обращение в веру было инструментом получения экономических и политических выгод уже после VII в. Тем не менее, принято считать, что большинство славянских общин в Европе крестились в X–XI вв. Христианские атрибуты были идентифицированы в контексте Аварского каганата, но это не обязательно означает, что они прямо отражают религиозные убеждения владельцев. По словам

Владимира Турчана, христианские общины, жившие вокруг городских центров, после падения Моравии в X в. способствовали распространению христианского обряда захоронения в сельской местности.

Ioan Marian Țiplic, Maria Emilia Cringaci Țiplic (Sibiu, Romania)

Cremation archaeology and the spread of Christianity in Transylvania in the 6th to 10th centuries

In the areas north of the Danube, cremation and biritual burial sites emerged from the 6th century onwards. Important biritual burial grounds in central and northern Transylvania are Boarta, Bratei, Gușterița, Ocna Sibiului, Păuca, Târnava (Sibiu County) and Berghin, Ghirbom, Turdaș (Alba County). These reflect the Slavic communities that had settled mainly in areas influenced by salt exploitation. Between the Târnava Mare and the Mureș river, funeral rites and pottery also suggest 7th–9th century Slavic settlements. The population of this Mediaș group exploited salt, and this was certainly controlled by the Avar Khaganate. Another group with cremation burials in Transylvania is the Nușfalău-Someșeni group: this group had kurgan burial fields.

There are only a few written sources that can be used to reconstruct the burial practices of the 9th century. Therefore, the archaeological remains are particularly significant. Consequently, there are numerous Romanian publications of material related to funeral inventories. However, the focus is on categorisations and typologies; theoretical discussions of funerary archaeology are a desideratum. There are older symbolist burial analyses for the Germanic and Magyar phases, but there are only very few approaches that break the typological studies' approach regarding the chronological period between the 8th and 10th centuries. There are no studies on the significance of cremation or biritual burial. With regard to the cultural-historical tradition of Romanian archaeology, there are a number of questions that require different approaches: Does biritualism represent a regional transitional phase from paganism to Christianity? Are biritual burials interpreted within a community as belonging to different ethnic communities? From which period onwards can Christian burial practices be securely attested in Transylvania and north of the Danube? We know that missionary activity was the instrument used to gain economic and political advantages after the 7th century, but the Christianisation of the central European Slavs is not sufficiently documented, neither from a historical nor from an archaeological point of view. Nevertheless, it is generally assumed that most Slavic communities in the European area had been baptised since the 10th and 11th centuries. Christian insignia have been identified in the context of the Avar Khaganate, but

this does not necessarily mean that they were an expression of the religious beliefs of their owners. According to Vladimir Turčan, the Christian communities that settled around urban centres after the fall of Moravia in the 10th century promoted the spread of Christian burial practices in rural areas.

Сильвиу Оца (Бухарест, Румыния)

Некоторые наблюдения над погребениями с украшениями из некрополя в Извору (область Джурджу)

Биритуальный некрополь в Извору, датируемый VIII веком, включает 445 могил, из которых 345 являются ингумациями, а 100 – кремациями. Обнаружено еще несколько разрушенных могил. Объектом данного доклада является только часть захоронений по обряду ингумации. Отсутствие всестороннего антропологического анализа скелетов потребовало разделения захоронений на основе инвентаря, с целью определения пола погребенных. Значительная часть могил содержала характерные женские украшения. Задача данной статьи – прежде всего изучить типологию этих предметов и затем проанализировать погребальный обряд могил, которые, по всей вероятности, принадлежали женщинам.

Основываясь на вышеупомянутом принципе отбора, мы рассмотрели способ помещения тел умерших в могилы и другие основные характеристики погребального обряда (ориентация, глубина и форма ямы, сопровождающие ее детали, положение тела внутри могилы и другие).

Помимо украшений (серьги, подвески-лунницы, бусы, кольца и браслеты) в изученных могилах есть и другие артефакты, такие как костяные трубки-игельники, аксессуары одежды (пряжки, застежки, подвески-колокольчики), пряслица, ножи, серпы, кресала и остатки жертвенной пищи в керамических сосудах.

Учитывая эти аспекты, мы попытались понять, возможно ли зафиксировать развитие могильника во времени, в том числе с точки зрения планиграфии.

Silviu Oța (Bucharest, Romania)

A few observations on the graves with jewellery items from the necropolis at Izvoru (Giurgiu County)

The biritual necropolis at Izvoru (Giurgiu County) comprises 445 burials: 345 inhumation and 100 cremation burials. Additionally, there are a few more burials that have been destroyed. The focus of the paper is on the

analysis of a part of the inhumation burials. The Izvoru necropolis is dated to the 8th century AD, and an important portion of its burials contained specific female jewellery items. Due to the lack of a comprehensive anthropological analysis of the skeletons, the sex determination of the buried individuals is based on the associated inventories. The aim of this paper is first of all to present the typological analysis of these items. Another important issue is the analysis of the funerary ritual of the (probable) female burials.

Based on the above-mentioned selection, we have examined the way the deceased were deposited in the graves and their main characteristics in terms of funerary rituals (orientation, depth, pit shape, pit arrangements, position inside the grave of the deceased and other practices).

The analysed burials also contain, besides jewellery items (earrings, lunula pendants, beads, rings and bracelets), other artefacts, such as bone tubes for sewing needles, clothing accessories (buckles, buttons, bell pendants), spindle whorls, knives, sickles, fire striker stones and food remains that were deposited in ceramic containers.

With these aspects in mind, we have attempted to understand the chronological as well as the planimetric development of the necropolis.

Јелена Ђорђевић, Војислав Ђорђевић (Панчево, Србија)

Бодрићи и Тимочани 7–9. века у српском Подунављу

У западним историјским изворима из првих деценија 9. века помињу се словенска племена Абодрита (Бодрићи, Предененти, Браничевци) и Тимочана која живе у суседству Бугарске. Реч је о племенима која су на ове просторе насељена још у 7. веку, с циљем да буду у тампон зони између Византијског Царства и Авара. У историјској науци постоји усаглашено мишљење о положају Тимочана, који насељавају долину реке Тимок и простор западно од њега. Доласком Бугара у доње Подунавље, од последње четвртине 7. века започиње померање Тимочана у правцу запада, преко јужног Баната, све до Срема и Посавине. С друге стране, о положају Абодрита постоје различита мишљења (Банат, десна обала Дунава, Трансилванија).

Након почетних импулса од пре око 30 година, у међувремену, у домаћој археолошкој науци није било озбиљнијих покушаја довођења у везу археолошких налаза из српског Подунавља са историјским подацима везаним за Тимочане и Абодрите, а проблематика ових племена више је разматрана са позиција историјске науке. Стога је један од основних циљева овог рада приказ стања истражености археолошких налаза са простора Срема, Баната, Посавине и доњег српског Подунавља до Ђердапа, у стручној литератури датованих у период од последње

трећине 7. до прве половине 9. века. Обрађена су насеља, некрополе и случајни налази који се могу довести у везу са насељима или некрополама. На тај начин се могу издвојити и картирати поједини заједнички и препознатљиви елементи словенске материјалне културе, успоставити прелиминарна хронологија и утврдити контакти са околним просторима. Подаци добијени анализом археолошке грађе могу допринети бољем препознавању давно заборављених словенских племена Абодрита и Тимочана.

Jelena Djordjević, Vojislav Djordjević (Pančevo, Serbia)

7th–9th century Bodrići and Timočani in the Serbian Danube region

Western historical sources from the first decades of the 9th century mention the Slavic tribes of the Abodrites (Obodrites, Bodrići, Predenecenti, Braničevci) and Timočani, who lived in the neighbourhood of Bulgaria. These tribes inhabited this territory in the 7th century, thus occupying the buffer zone between the Byzantine Empire and the Avars. Historians have agreed on the localization of the Timočani in the Timok River valley and in the area to the west of it: with the arrival of the Bulgars in the lower Danube during the last quarter of the 7th century, the Timočani started moving westward through the southern Banat to Srem and Posavina. There are, however, differing opinions about the location of the Abodrites (Banat, right bank of the Danube, Transylvania).

Initial studies were undertaken some 30 years ago but, in the meantime, there has been no serious attempt by Serbian scholarship to correlate the archaeological findings from the Serbian Danube region with the historical data relating to the Timočani and Abodrites. Therefore, one of the main objectives of this paper is to present the state of research on the archaeological materials from the last third of the 7th century to the first half of the 9th century in the area between Srem, Banat, Posavina and the lower Serbian Danube region and the Iron Gates. The examination focusses on settlements and necropolises, including accidental finds that can be related to archaeological sites. In this way, some common and specific elements of Slavic material culture can be distinguished and marked on the map, their approximate chronology can be established and contacts with neighbouring areas can be observed. The data obtained as a result of such analysis will contribute to the study of the long-forgotten Slavic tribes of the Abodrites and Timočani.

Секција 3-6. Рани Словени на истоку и југу Балкана
Секция 3-6. Ранние славяне на востоке и юге Балкан
Section 3-6. Early Slavs in the eastern and southern Balkans

Никола Хрисимов (Велико Търново, България)

Раннославянски паметници в североизточната част на Балканският полуостров. Addenda et corrigenda

Преди неколку години, през 2015 година, авторът на настоящия текст публикува обобщаващо изследване за известните до този момент паметници (крепости, селища, гробни находки и др.), където са открити елементи, свързващи се с материалната култура на славяните от времето преди създаването на Първото българско царство. Във времето след публикуването на това изследване се появиха нови материали, даващи сведения за славянско присъствие през периода, както и такива убягнали от погледа на автора при подготовката на предишното изследване.

Настоящата работа има за цел да въведе в научно обръщение тези паметници, както и да направи някои корекции на известното за други.

Nikola Khrisimov (Veliko Tarnovo, Bulgaria)

Early Slavic sites in the north-eastern part of the Balkan Peninsula. Addenda et corrigenda

A few years ago, in 2015, the author of this paper published a comprehensive study of the Slavic remains from the period before the establishment of the First Bulgarian Kingdom. He compiled all previously-known sites (fortifications, settlements, graves, etc.) of this period, from which elements related to the material culture of the Slavs had been found. Since the publication of this study, new materials have been discovered that prove the early Slavic presence; however, the author overlooked some finds in the previous study.

The aim of the present paper is to complete the existing database, to correct it if necessary and to make it available to the scientific community.

Борис Борисов (София, България)

Славяне VI–VII вв. на територии на днешна Южна България.
Постоянно заселение или нашествия?

Согласно историческим источникам, в конце эпохи Великого переселения народов (конец VI – VII в.) весь Балканский полуостров

был заселен славянами. Эта информация не находит подтверждения в данных археологических исследований на территории современной Южной Болгарии. Поэтому для правильного решения проблемы необходимо выделить четкие критерии, которые могут стать доказательством присутствия постоянного славянского населения. Во-первых, это значительный культурный слой с раннеславянскими материалами. Во-вторых, наличие жилых и хозяйственных построек. В-третьих, могильники, поскольку хорошо известно, что не может быть постоянного населения без погребений. На мой взгляд, только сочетание этих трех признаков является доказательством заселения территории, вне зависимости от того, о какой эпохе идет речь.

На сегодняшний день в Южной Болгарии нигде не выявлен культурный слой с раннеславянскими материалами, а количество пунктов, где найдены отдельные фрагменты раннеславянской керамики, незначительно: Констанция близ Симеоновграда, Филиппополь, Августа Траяна, Сердика, Пауталия и Хисарлык над ней, крепость недалеко от Любеново Хасковской области, античная дорожная станция Карасура возле Чирпана и Дядово близ Нова Загора. Не обнаружены и славянские могильники. Все это свидетельствует о том, что на территории современной Южной Болгарии в VI–VII вв. отсутствовало постоянное славянское население, а найденная там керамика говорит только о славянских нашествиях.

Boris Borisov (Sofia, Bulgaria)

Slavs of the 6th–7th centuries AD in the territory of present-day South Bulgaria. Permanent settlement or invasions?

According to historical sources, the entire Balkan Peninsula was inhabited by Slavs at the end of the Great Migration period. This information is not confirmed by archaeological data for the territory of present-day southern Bulgaria. Therefore, to solve the problem we have to clearly distinguish the following criteria, which can prove the evidence of permanent Slavic habitation: first is the presence of a significant cultural layer with early Slavic materials; second, the presence of residential and farm dwellings, and thirdly there should be burial grounds, as it is well known that there cannot be a permanent habitation without burials. In our opinion, only the combination of the three criteria can provide us with concrete evidence for a permanent habitation of an area by a certain population. This is true not only for the Slavic period.

To date, no cultural layer or dwelling with Early Slavic materials has been discovered anywhere in southern Bulgaria, and the number of sites where individual fragments of Early Slavic pottery have been found is insignificant. So far, we know only those finds from the destroyed Early Byzan-

tine fortresses of Constantia near Simeonovgrad, Philipopolis, Augusta Traiana, Serdica, Pautalia and Hisarlik above it, as well as from the fortresses near Lyubenovo (Haskovo region), above the ancient road station Karasura (Chirpan region), and near Dyadovo (Nova Zagora region). Nor have any Slavic burial grounds been discovered.

Therefore, we consider that during the 6th–7th centuries there was no permanent Slavic habitation on the territory of modern southern Bulgaria, and the pottery found there speaks only of Slavic invasions.

Румяна Колева, Галина Грозданова (София, България)

Чужди и местни керамични традиции южно от Стара планина (VI–X вв.)

Периодът VI–X в. е белязан с трайни и дълбоки промени в политическото и културното развитие на целия Балкански полуостров. Земи-те на юг от Хемус са зона на директен контакт между „старите“ и „новите“ политически субекти, на обмен на технологии, идеи, хора и стоки. Керамиката от археологическите обекти е един от най-чувствителният и сигурен индикаторите за този обмен и процесите, които стоят зад него.

Дълго време района на юг от Стара Планина изглеждаше слабо населен през VII–X в. Разпространението тук на познатата ни от селищата северно от планината ранносредновековна керамика създава това впечатление. Проучванията през последните години в Тракия хвърлиха нова светлина върху хронологията и произхода на керамичната традиция. Разграничени бяха характеристиките на свързаните с местните обитатели материали. Допълва се картата на разпространение на керамика, традиционно свързвана с появата на ново население. Все по-ясно е, че керамичният репертоар показва едновременното запазване на местни и появата на различни чужди традиции, резултат от политически, културни и икономически влияния.

Докладът ще представи новите данни за етническите промени, според находките на керамика. Спецификите на материалите позволяват да се потърсят най-близките им паралели и да се очертае времето на поява тук, да се потърси обяснение и очертае характера на това явление. Въпросът за завареното население може да намери отговор чрез разграничаването на други керамични традиции, както се потърси обяснение на наблюдаваните в тях промени.

Проследяването на появата и разпространението на различните керамични традиции в селищата от района в продължителен период от края на VI до началото на XI в. дава възможност да се потърси обяснение за наблюдаваната пъстра картина в етнически, икономически промени и културни контакти между техните носители.

Rumyana Koleva, Galina Grozdanova (Sofia, Bulgaria)

Foreign and local pottery traditions south of the Balkan Mountains (6th–10th centuries)

Permanent and profound changes took place in the political and cultural development of the Balkan Peninsula during the 6th–10th centuries AD. The region to the south of the Balkan Mountains was a zone of direct contact between “old” and “new” political actors where an exchange of technology, ideas, people, and goods took place. One of the most sensitive and reliable indicators of this exchange and the processes behind it is the pottery from the archeological sites in this region.

During the 7th–10th centuries, the area south of the Balkan Mountains appeared to be sparsely populated for a long time. This was mainly because of the apparently low distribution of early medieval pottery types that were well known from the sites north of the mountains. Recent archaeological studies in Thrace have considerably contributed to the chronology and the origins of the ceramic tradition. Now, the characteristics of the materials related to the local population are more recognizable and the distribution map of pottery traditionally associated with the immigrating population is becoming more complete. It is becoming increasingly clear that the ceramic repertoire reflects the parallel preservation of local, and the emergence of various foreign traditions as a result of political, cultural, and economic influences.

In our paper, we will present new data on ethnic changes, according to the pottery finds. We are going to examine their closest parallels, to define the time of their appearance and look for an explanation for this phenomenon. The question about the local population can be answered by analysing and distinguishing between the preserved ceramic traditions in order to explain the observed changes.

Studying the occurrence and the spread of the various distinguished ceramic traditions in the early medieval settlements over the long period from the late 6th to the early 11th centuries provides an opportunity to explore the ethnic diversity, economic changes, and cultural contacts of the region.

Валери Йотов (Варна, България)

Византийские стремена – вопросы идентификации (VII–XI вв.)

В докладе рассмотрены существующие точки зрения относительно того, „какими были византийские стремена“ в период от их первого упоминания в конце VI – начале VII в. в «Стратегиконе» императора Маврикия (582–602 гг.) и до XI в. Проанализировано несколько десятков археологических находок стремян. Одна группа связана в целом

с византийской военной культурой того периода, а другая предназначалась прежде всего для византийских тяжелых кавалеристов. Эту вторую группу можно связать с *катафрактариями* – часто комментируемыми в источниках воинскими частями Византийской империи периода с середины X до конца XI в.

Предлагается более детальная типологическая схема исследуемых предметов.

Valeri Yotov (Varna, Bulgaria)

The Byzantine stirrups – the identification questions (7th–11th centuries)

The paper focusses on the existing views on “what Byzantine stirrups were like”, from their first mention in the *Strategikon* of Emperor Maurice (582-602) in the late 6th and early 7th centuries up until the 11th century. Dozens of archaeological finds of stirrups have been analysed. They can be divided into two groups: one group is generally related to the Byzantine military culture of that period; the other group was intended primarily for Byzantine heavy cavalry. This second group can be associated with the *kataphraktoi*, military units of the Byzantine Empire in the period from the mid-10th century to the end of the 11th century, often mentioned in the sources.

A more detailed typological scheme of the studied items is suggested.

Секција 4-1. Велика Морава Секция 4-1. Великая Моравия Section 4-1. Great Moravia

Šimon Ungerman (Brno, Česká Republika)

Byzantský vliv na raně středověký honosný šperk ve střední Evropě

Tématem referátu je luxusní šperk z 9. až 11. století v regionu saha-jícím od Karpatké kotliny po jižní pobřeží Baltského moře a hlavně otázka, nakolik byl ovlivněn byzantským šperkařstvím. Tuto otázku sleduji v rámci tří problémových okruhů: 1) Vznik honosného velkomoravského šperku; 2) Vliv šperkařské produkce Velké Moravy na okolní země a problém, jak vzájemně rozlišit velkomoravské konstrukční a výzdobné prvky od byzantských; 3) Konstituování spektra typů stříbrných šperků v pokladech zlomkového stříbra v Polsku a severovýchodním Německu. U každého ze zmíněných problémo-

vých okruhů nastiňuji vývoj staršího bádání i svůj současný pohled, u něhož hodně vycházím z případových studií věnovaným jednotlivým, úzce vymezeným typům šperku. Jde například o prsteny s polokulovitým butonem, náušnice se čtyřmi bubínky nebo náušnice se třemi filigránovými košíčky. Všechno jsou to typy ozdob s nadregionálním výskytem, které prokazatelně nebo s vysokou pravděpodobností vznikly v Byzantské říši. Na základě jejich šíření z východního Středomoří přes Balkán do střední, popř. východní Evropy lze dobře demonstrovat vliv byzantského šperkařství na uvedené cílové regiony. Neoddělitelnou součástí tohoto procesu byla místní adaptace, kdy v důsledku místní výroby došlo k tomu, že v každém regionu se získaly exempláře diskutovaných typů specifické konstrukční nebo výzdobné znaky, odlišné rozměry apod. Na základě dílčích případových studií konstatuji, že byzantský vliv na raně středověký šperk ve střední Evropě byl silnější, než bádání v posledních desetiletích připouštělo. Naopak vliv velkomoravského šperkařství na okolní regiony byl podle mého názoru značně přeceňován. Uvedené názorové posuny souvisejí i s tím, že starší bádání dostatečně nezohledňovalo rozdíly v pramenné základně a ve stavu výzkumu mezi jednotlivými regiony, popř. využívalo dnes již překonané metodické postupy, např. přímočaré spojování archeologických nálezů s historickými událostmi.

Šimon Ungerman (Brno, Czech Republic)

The Byzantine influence on Early Medieval luxury jewellery in Central Europe

The paper focusses on luxury jewellery from the 9th to the 11th centuries in a region stretching from the Carpathian Basin to the southern shore of the Baltic Sea, and it addresses the question of the extent to which it was influenced by Byzantine jewellery. This question is examined within three thematic areas: 1) the emergence of Great Moravian luxury jewellery; 2) the influence of Great Moravian jewellery production on the neighbouring lands and the problem of distinguishing between Great Moravian and Byzantine design and decorative elements; 3) the constitution of the range of silver jewellery types in “hacksilver” hoards in Poland and north-eastern Germany. For each of the aforementioned problem areas, I outline the development of older research and my current view, which is based on case studies of individual, narrowly defined types of jewellery. These include, for example, rings with a hemispherical bezel, earrings with four beads or earrings with three filigree cups. These are all types of jewellery with a supra-regional occurrence, which have been proven or are highly likely to have originated in the Byzantine Empire. Their spread from the eastern Mediterranean via the Balkans into central or eastern Europe can be used to demonstrate the influence of Byzantine jewellery in these regions. An inseparable part of this process was

local adaptation, where local production resulted in specimens of the types under discussion in each region acquiring specific design or decorative features, different dimensions, etc. Based on selected case studies, I conclude that the Byzantine influence on early medieval jewellery in central Europe was stronger than research in recent decades has admitted. In contrast, the influence of Great Moravian jewellery on the surrounding regions has been considerably overestimated. These shifts in opinion are also related to the fact that earlier research did not sufficiently take into account the differences in the archaeological source base and the state of research between the individual regions, or how it used now outdated methodological approaches, such as the straightforward association of archaeological findings with historical events.

Nad' a Profantová (Praha, Česká Republika)

Zlatnictví a šperkařství v Čechách v 9. a 10. století: Pražská šperkařská dílna 10. století

Nejstarší doklady šperkařství jsme zdokumentovali na hradišti v Tismicích, střední Čechy (tyglík se zlatem, prubířský kámen, výzkum r. 2018) z doby mezi lety 800- 870, tavení a práce se stříbrem pak na hradišti Levý Hradec ze 2. poloviny 9. až přelomu 9/10. století. Jedná se o sídlo přemyslovské dynastie (Bořivoj) do r. 884/5. Umíme rozpoznat výrobky/šperky takzvaný Pražské dílny z konce 9. a čtvrtiny 10. století vzniklé pod silným vlivem moravské šperkařské produkce. Rozlišujeme nové typy a varianty luxusních šperků: nové motivy na gombicích, nové technologické postupy (pseudobubínkovité náušnice, typy náušic s řetízkou) a nový „animální styl“ náušnic a kaptorg, zdobených plastickými zvířaty či jejich hlavami, dále zdobenými filigránem a někdy i granulací, a nakonec i nové konstrukční typy kaptorg (typ IA podle Profantové). Tuto dílnu lokalizujeme na podhradí Pražského hrad zvané Malá Strana. Tam je nově doložená produkce stříbra od 1. poloviny 10. století oproti přetavování a dalšímu zpracování stříbra.

Nad' a Profantová (Prague, Czech Republic)

Gold- and silversmithing in Bohemia in the 9th–10th centuries: 10th century Prague jewellery workshop

The earliest evidence of jewellery making (800-870) was documented at the Tismice hillfort in Central Bohemia (excavations in 2018: a crucible containing some gold and a touchstone), and there is evidence of silver smelting and working at the Levý Hradec hillfort (second half of the 9th to the beginning of the 10th centuries). The latter was the residence of the Přemyslid dynasty (Bořivoj) until 884/5. We have recognised products of the

so-called „Prague jewellery workshop“ from the end of the 9th and the first quarter of the 10th century. In the beginning, there was a strong Moravian influence on the „Bohemian“ jewellery production. We distinguished new types and variants of luxury jewellery: new motifs on metal knobs (*gombíky*), new technological processes (pseudo-globular earrings, earrings with chains) and a new ‘animal style’ on earrings and captorgs (plastical animals or their heads, decorated with filigree and sometimes with granulation), and finally new construction types of captorgs (type IA according to Profantova). The workshop could be localised in Malá Strana, the lower fortress of the Prague Castle. There is newly documented silver production, as well as the re-melting and further processing of silver, from the first half of the 10th century onwards.

Šárka Krupičková (Brno, Česká republika)

Velkomoravské gombíky jako statusový symbol? Změny v interpretaci

Kulovité duté knoflíky se objevují v nebyvalé koncentraci v bohatých velkomoravských hrobech (9. století, Morava a jihozápadní Slovensko). Princip ozdobného kulovitého předmětu jako součásti historického oděvu, se objevuje v řadě období a kultur. Velkomoravská varianta, která bývá označována pojmem „gombík“, plnila pro své nositele více funkcí. Kromě zjevné zdobnosti byly některé gombíky používány také jako oděvní spínadla a vzhledem ke zvukovému efektu části exemplářů mohly plnit i roli ochranného amuletu. Řada badatelů poukazovala již v minulosti na jejich výhradní výskyt v elitním prostředí velkomoravských center a nezpochybněny zůstaly jejich interpretace jako atributu nejvyšších společenských vrstev. Co vypovídají o gombících nové výzkumy navázané na antropologické a technologické analýzy? Je možné potvrdit jejich funkci statusového symbolu? O odpověď se pokusíme na základě definování věkových a genderových skupin, u kterých se gombíky objevují, ale také prostřednictvím analýzy jejich výskytu v kombinaci s další hrobovou výbavou. Dalším okruhem zájmu příspěvku bude sledování exkluzivity předmětů po stránce kvality jejich výroby a navázání gombíků na socioekonomické distribuční modely, prostřednictvím kterých mohly propustovat prostředím velkomoravských elit.

Šárka Krupičková (Brno, Czech Republic)

Great Moravian *Gombíky* as a status symbol? Changes in the interpretation of the hollow spherical buttons

Spherical hollow buttons (*gombíky* in Czech) are found in an exceptional concentration in rich Great Moravian graves (9th century; Moravia

and south-western Slovakia). Although these decorative spherical objects are known from many periods and cultures as a part of clothing, the Great Moravian variant, which is often referred to as the *gombik*, had several functions. Besides the obvious decorative use, some spherical hollow buttons were used as clothing fasteners and some specimens could also play the role of a protective amulet, due to the sound effect they produced. Many researchers have in the past pointed out their primary association with the elite milieu of Great Moravian centres, and their interpretations of these buttons as an attribute of the highest social classes have remained unquestioned. What could new research, based on anthropological and technological analyses, say about *gombiky* today? Is it possible to confirm their role as a status symbol? We will attempt to answer these questions by defining the age and sex-gender groups of the individuals buried with this specific artefact, as well as by analysing the correlation of *gombiky* with other associated grave goods. Moreover, the presented paper monitors the exclusivity of such objects in terms of the quality of their production and their connection to socio-economic distribution models, through which they could enter the Great Moravian elite milieu.

Секција 4-2. Источна Европа и почеци Старе Русије
Секција 4-2. Восточная Европа и начало Древней Руси
Section 4-2. Eastern Europe and the beginnings of Ancient Russia

Кристиан Любке (Лейпциг / Берлин, Германия)

Восточная Европа – вид с Запада. Восприятие и формы представления от поздней античности до XVI века

История Европы, как пестрой, но в то же время достаточно однородной культурной области, обычно интерпретируется как процесс нивелирования, в ходе которого культурные, технические, правовые и другие элементы – то есть в целом развивающаяся европейская форма цивилизации – распространяются из Средиземноморья дальше на север и проникают также в Барбарикум, за пределы римского мира. Действительно, с IX века контакты между двумя христианскими Римскими империями (Восточной Римско-Византийской и Западной Римско-Франко-Германской), с одной стороны, и недавно присоединившимися социумами за реками Эльба-Заале и Дунай, с другой, стали более интенсивными. Но вместе с этим, на западе и юге Европы восприятие Севера и Востока, выраженное в словах и образах, долгое время оста-

валось удивительно неточным и диффузным. В докладе этот вывод объясняется главным образом на основе картографических представлений, которые дополняются визуальными и текстовыми примерами.

Christian Lübke (Leipzig / Berlin, Germany)

Eastern Europe as seen from the West. Perception and forms of representation from late antiquity to the 16th century

The history of Europe in the sense of a diverse, but at the same time quite uniform, cultural area is mostly interpreted as a process of alignment, in the course of which cultural, technical, legal and other elements - in short, a developing European form of civilization - found their way out of the Mediterranean areas towards the north and thus also into the Barbaricum beyond the Roman world. It is true that, from the 9th century, contact between the two medieval Christian Roman empires (the Eastern Roman-Byzantine and the Western Roman-Frankish-German) and the newly added communities beyond the Elbe-Saale and Danube rivers intensified. But at the same time, in western and southern Europe, the perception of the North and East, as far as was expressed in words and images, remained surprisingly imprecise and diffuse for a long time. The lecture explains this finding mainly on the basis of cartographic representations, which are supplemented by visual and textual examples.

Роман Рабинович (Кишинев, Республика Молдова)

Этнокультурная интерпретация памятников Пруто-Днестровского междуречья VI–XII вв.: современное состояние

Впервые исследованные на территории Молдовы памятники VI–XII в. в этническом плане были первоначально интерпретированы как славянские, относящиеся к известным за пределами Поднестровья древностям пражской, пеньковской, Лука-Райковецкой и древнерусской культур.

Вместе с ростом исследований в молдавской историографии проявилась определенная парадигма в плане этнических интерпретаций. Суть ее была в противостоянии «славянского миграционизма» и «восточнороманского континуитета». В молдавской историографии советского периода идеи восточнороманского континуитета в значительной мере формировались как реакция на континуитет славянский. Период наиболее острого противостояния представителей континуитета и миграционизма – 1960-1980 гг. В это время дискуссии касались интерпретации элементов материальной культуры, в основном керамики и жилищ, и хронологии.

С 1990-х годов по сегодняшний день в области исторической политики Республики Молдова абсолютно доминирует автохтонная модель исторического развития титульного населения региона. В то же время в самой исторической науке противоборство «румынского автохтонизма» и «славянского миграционизма» уже приняло позиционный характер («ни мира, ни войны»). Представители обоих направлений, в публикациях уже «не замечая» друг друга, проявляют свои взгляды в использовании названий культур и этнических определений. Представители «славянского миграционизма» используют традиционные названия культур – пражская, Лука-Райковецкая и так далее, по-прежнему видя в их носителях славян, а их противники автохтонисты, имея ввиду те же древности, видят в них памятники «местного восточнороманского населения».

Направление, которое противостоит автохтонизму, можно назвать «миграционным» только условно. Взгляды сторонников обоих направлений типологически близки и кардинально различаются лишь в определении «главного этноса» в регионе и датировке периода «непрерывного развития» этого этноса.

В последние годы мы наблюдаем любопытное явление в реализации обоих направлений. По-прежнему «не замечая» славян (автохтонисты) или восточных романцев (миграционисты), и те, и другие стали обращать внимание на инородные элементы, интерпретируемые как принадлежащие аланам, тюркам, венграм или скандинавам.

Станет ли это явление тенденцией, меняющей существующую парадигму в сторону исследования традиционно полиэтнического населения региона, покажет будущее. Но с большей вероятностью принципиального изменения парадигмы в данном направлении стоит ожидать только в случае изменения существующей государственно-национальной программы.

Roman Rabinovich (Chişinău, Moldova)

Archaeological sites of the 6th–12th centuries AD in the Dniester-Prut region and their ethnic and cultural interpretations: the current situation

Archaeological sites of the 6th–12th centuries AD on the territory of the Republic of Moldova were initially interpreted as Slavic ones. These sites were assigned to well-known Slavic archaeological cultures such as the Prague, Penkovka, Luka-Raykovetska, and Ancient Russian.

A new paradigm of ethnic interpretations appeared in the Moldavian historiography along with an increase in the number of archaeological investigations. The opposition between “Slavic migrationism” and “Romanian

continuity” was at the core of the paradigms. The idea of “Romanian continuity” in Moldavian Soviet historiography appeared as a reaction to the idea of “Slavic continuity” in the region.

The 1960s-1980s were the period of maximum confrontation between these two “factions”. At that time, issues of material culture (mainly ceramics and dwellings) and chronology were discussed.

Since the 1990s to date, the idea of “Romanian continuity” has absolutely dominated the official historical politics of the Republic of Moldova. At the same time, the confrontation between “Romanian continuity” and “Slavic migrationism” has turned into a “trench warfare” (“no peace, no war”) in Moldavian historiography. Today, the scholars of both “factions” do not cite each other. They use the names of archaeological cultures and their ethnic interpretations for “self-identification in a faction”. The representatives of “Slavic migrationism” operate with the traditional names of the above-mentioned archaeological cultures (Prague, Luka-Raykovetska, etc.), and still interpret these cultures as Slavic. Their opponents, discussing the same archaeological sites, attribute them to the “local Romanian population”.

It should be mentioned here that this “Slavic migrationism” is a “migrationism” in name only. The ideas of both “factions” are typologically similar. They differ in two key issues only: The first one is “who were ‘the major people’ living in the region during the period”. The second one concerns the establishing of a chronology of “interrupted evolution” of this “major people”.

Recently, we see an interesting phenomenon in the self-affirmation of both “factions”. Still “not noticing” Slavic (“Romanian continuity faction”) or Romanian (“Slavic migrationism faction”) archaeological cultures, they both started to see some “foreign elements”, interpreted as Alans, Turks, Early Hungarians, or Scandinavians.

Will this be a trend that will change the existing paradigms? Will the paradigms really turn to the study of the traditionally multi-ethnic population of the region? We will see. However, it can be assumed that a fundamental paradigm shift in this direction will occur only if the traditional culture policy of the Republic of Moldova changes in a way that includes the existing Moldovan state-national programme.

Серджиу Мустеата (Кишинев, Республика Молдова)

Погребальные обряды в Пруто-Днестровском регионе в VIII–X вв.

В работе, основанной на археологических данных, представлен обзор погребальных обрядов Пруто-Днестровского региона в VIII–X в. Основной источник исследования – захоронения, зафиксированные в Пруто-Днестровском регионе. Климатические условия, наряду с поли-

тическими и военными факторами, напрямую повлияли на культурную, экономическую и социальную среду этой области. Картографирование памятников VIII–X вв. показывает, что некоторые микрорегионы имеют более высокую плотность, чем другие. Это, с одной стороны, связано с текущим уровнем исследований, с другой, такая картина отражает демографическую ситуацию того периода. В большинстве случаев поселения расположены на землях, благоприятных для ведения сельского хозяйства, что подчеркивает оседлый образ жизни данных групп населения.

Наличие самых разнообразных погребальных обрядов и ритуалов в бассейнах Прута и Днестра не позволяет нам поддержать идею единого в религиозном плане общества в VIII–X в. Напротив, я вижу здесь в данный период сосуществование групп населения с различными духовными и религиозными традициями, что напрямую подтверждается наличием отдельных могильников с ингумациями, кремациями и биритуальных некрополей. Основываясь на имеющихся данных, мы можем утверждать, что процесс обращения в христианство в VIII–X в. лишь незначительно продвинулся к северу от Нижнего Дуная.

Исторически Пруто-Днестровский регион был не только транзитной территорией для кочевого населения, перемещающегося с востока в Центральную и Юго-Восточную Европу, но и зоной активного культурного и этнического вмешательства. Таким образом, этническая и культурная атрибуция археологических памятников этого региона представляет собой проблему разной степени важности и сложности.

Sergiu Musteață (Chișinău, Moldova)

Funerary practices in the Prut-Dniester region in the 8th–10th centuries

The paper, based on archaeological records, presents a general view on funerary practices in the Prut-Dniester region with a focus on the period from the 8th to the 10th centuries. Climatic, along with political and military factors, have directly influenced the cultural, economic, and social developments in this area. Mapping the 8th–10th century sites helps in visualising the regions with a higher settlement density. These higher densities are, on the one hand, due to the current level of research in which some areas are better researched than others and, on the other hand, reflections of the actual demographic situation of this period. In most cases, settlements are located in regions that are favourable for agriculture, which underlines the sedentary lifestyle of these populations. However, the main source for archaeological research in the Prut-Dniester region are funerary remains.

The presence of a wide variety of funerary rites and rituals in the 8th–10th century Prut-Dniester area does not support the idea of a uniform

society in religious terms. On the contrary, a coexistence of populations with various spiritual and religious traditions in that period, which is attested by the discovery of cremation, inhumation, and biritual cemeteries, can be suggested. On the basis of the currently available archaeological data, we can claim that the process of conversion to Christianity was not far advanced north of the lower Danube in the 8th–10th centuries. Historically, the Prut-Dniester region was not only a transit territory for nomadic populations moving from the east to central and south-eastern Europe, it was also an active area of cultural and ethnic interference. Thus, the ethnic and cultural attribution of archaeological remains in this region presents a problem of variable relevance and difficulty to be solved.

Николай Петрович Тельнов (Тирасполь, Республика Молдова)

Славяне в Молдавии и венгерский фактор

В Молдавии изучены пеньковские и пражско-корчакские славянские памятники VI–VII вв., а также древности типа Луки-Райковецкой VIII–IX вв. Выявлены в регионе и кочевнические древности субботцевского типа, которые, в последнее время исследователи связывают с венграми. К субботцевскому типу относятся и средневековые погребения Слободзейского курганного могильника, исследованного на левобережье Днестра. Материалы этих погребений дают прямые свидетельства о связях оставившего их населения с восточными славянами. Одним из этих свидетельств является выявленная в трех погребениях восточнославянская керамика типа Луки-Райковецкой, которая по своим технико-типологическим особенностям относится ко второй половине IX в.

В этой связи интересно отметить, что в рассматриваемом регионе памятники типа Луки-Райковецкой в VIII – первой половине IX в. представлены исключительно неукрепленными поселениями, но во второй половине IX в. появляются мысовые городища, на которых зафиксированы следы пожаров и разрушений. Наиболее близким к Слободзейскому могильнику является городище Калфа, на правом берегу Днестра, в 30 километрах выше по течению. Его сожженные укрепления первого строительного периода и полуземляночные жилища по восточнославянской керамике типа Луки-Райковецкой датируются последней четвертью IX в. Подобная картина наблюдается и на мысовом городище Речула, расположенном в центральной части Молдавии, которое погибло в конце IX в.

Таким образом, можно полагать, что мысовые славянские городища появились в регионе во второй половине IX в. в связи с венгерской опасностью.

О контактах венгров со славянами в это же время сообщают и восточные авторы. В регионе, в том числе и на славянских памятниках, встречаются отдельные находки венгерских вещей. По Константину Багрянородному, в IX в. венгры занимали Днестровско-Прутско-Сиретское междуречье, в зоне плотного расположения славянских поселений. Очевидно, именно здесь происходили важные и интенсивные контакты венгров со славянским населением, что уже оказывало влияние и на венгерский язык, его словарный состав, на земледельческую и культурную лексику. Эти контакты способствовали переходу венгров к полуседлому образу жизни и более эффективной экономике. Это и подготовило их уже на новой родине к формированию венгерского государства.

Nicolai Telnov (Tiraspol, Moldova)

Slavs in Moldavia and the Hungarian factor

In Moldavia, archaeological investigations revealed Slavic Penkovka and Prague-Korchak culture sites (6th–7th centuries), as well as Luka-Raykovetska culture sites (8th–9th centuries). Additionally, Nomadic Subbotsevo-type antiquities have been found, which have recently been associated with Hungarians. The Slobodzeya kurgan necropolis on the left bank of the Dniester River includes Subbotsevo-type medieval burials. The inventories of these burials provide direct evidence for the relations between the buried population and the Eastern Slavs. One piece of evidence, which was found in three burials, is Luka-Raykovetska-type Eastern Slavic pottery, belonging to the second half of the 9th century.

In this context, it is important to note that the Luka-Raykovetska-type Moldavian sites are, for the 8th and first half of the 9th centuries, represented only by unfortified settlements. In contrast, in the second half of the 9th century, settlements on promontories, where traces of fires and destruction are recorded, appear. The closest to the Slobodzeya kurgan necropolis, on the right bank of the Dniester, 30 kilometers upstream, is the Calfa hillfort. Burnt fortifications of the first construction period and half-sunken dwellings can be dated by East Slavic Luka-Raykovetska-type ceramics back to the last quarter of the 9th century. A similar situation can be observed in the central part of Moldavia at the Rechula promontory hillfort, which was destroyed at the end of the 9th century.

Thus, it can be assumed that Slavic fortified settlements on promontories appeared in this region in the second half of the 9th century, probably in relation to a threat from Hungarians.

Written sources also report about contacts between Hungarians and Slavs at that time. Several sporadic finds of Hungarian items are known from

Moldavia, including from Slavic sites. According to Konstantin Porphyrogenitus, in the 9th century the Hungarians occupied the Dniester-Prut-Siret interfluvium, a zone of high Slavic settlement density. Obviously, it was here that important and intensive contacts between the Hungarians and the Slavic population took place, which influenced the Hungarian language, its vocabulary, agricultural and cultural lexis. These contacts contributed to the transition of the Hungarians to a semi-sedentary lifestyle and a more efficient economy, which prepared them in their new homeland for the formation of the Hungarian state.

Игорь Александрович Бондарь (Кишинев, Республика Молдова)

Скандинавские подвески «гнездовского» типа на Среднем Днестре

Осенью 2008 г. вблизи кольцевого городища у села Алчедар на Среднем Днестре был обнаружен денежно-вещевой клад X в., состоящий из византийских милиарисиев, арабских дирхемов, славянских украшений и серебряной позолоченной подвески скандинавской традиции, идентифицированной как подвеска «гнездовского» типа АII, по классификации С.А. Дементьевой. Эта подвеска, выполненная в стиле Еллингс, стала первой подобной находкой на территории Молдавии, она описана в работах С.С. Рябцевой, Н.П. Тельнова и А.И. Болдурыню.

В 2019 г. также близ городища Алчедар была найдена еще одна скандинавская бронзовая зооморфная подвеска X в., декорированная в стиле Борре. Предмет представляет собой ромбовидную подвеску-амулет с прорезью, со следами позолоты и элементами волнитообразных завитков. Главным элементом орнаментации, выполненной в технике высокого рельефа, является образ хватающего зверя. На оборотной стороне имеется граффито, интерпретируемое как руническая надпись. Этот амулет не находит прямых аналогов и является уникальным.

Структурно-семантический анализ зооморфных сюжетов среднеднестровских подвесок «гнездовского» типа произведен через призму скандинавской мифологии и позволяет выявить взаимосвязь между известными разновидностями таких подвесок в Северной и Восточной Европе и более поздними древнерусскими подражаниями. В работе исследуется влияние древнерусских, скандинавских и восточных мифологических мотивов на звериный стиль раннесредневековых подвесок на территории Руси и сопредельных регионов. Находки привесок близ городища Алчедар заставляют по-новому взглянуть на значимость одного из вариантов пути «из варяг в греки» по Балтийскому морю – Висле – верховьям Западного Буга – Днестру в Черное море, и могут свидетельствовать о контактах Среднего Поднепровья с такими раннесредневековыми центрами, как Бирка и Гнездово.

“Gnezdovo-type” Scandinavian pendants from the Middle Dniester region

In autumn 2008, a 10th century hoard was discovered near a ringfort at the village of Alchedar on the Middle Dniester. It consists of Byzantine miliaria, Arabic dirhams, Slavic jewellery, and a silver gilded pendant in the Scandinavian tradition. It was determined as a pendant of the “Gnezdovo-type” AII, according to S.A. Dementyeva’s classification. The Scandinavian pendant was made in the Jelling style, and it became the first find of this kind within the territory of Moldova. It is described in the works of S.S. Ryabtseva, N.P. Telnov, and A.I. Boldureanu.

In 2019, again in the vicinity of the Alchedar ringfort, another 10th century Scandinavian zoomorphic pendant was found. This rhombic bronze cut-out pendant-amulet has preserved traces of gilding and ornamental volute elements. It was decorated in the Borre style. The main ornamentation, which is made in high relief technique, is that of a gripping beast. On the reverse side of the pendant is a graffito that is interpreted as a runic inscription. This amulet is unique; there are no direct analogies so far.

Structural-semantic analyses of the zoomorphic subjects on the Middle Dniester “Gnezdovo-type” pendants were carried out against the background of Scandinavian mythology. The results of these allow us to claim the existence of an interrelationship between the known variants of such pendants in northern and eastern Europe and later Ancient Rus’ imitations. The paper examines the influence of Ancient Russian, Scandinavian and Oriental mythology on the animal style of early medieval pendants in the territory of the Rus’ and adjacent regions. The Scandinavian pendant finds at the Alchedar ringfort encourage the reassessment of one of the variants of the route “from the Varangians to the Greeks” through the Baltic Sea, then along the Vistula, the upper Western Bug, and the Dniester rivers to the Black Sea. They may indicate contacts between the Middle Dniester region and early medieval centres such as Birka and Gnezdovo.

Radosław Liwoch (Kraków, Polska)

U początku państwa i Cerkwi na zachodniej Ukrainie (X w.)

Celem referatu jest przedstawienie stanu kulturowego fragmentu Słowiańszczyzny rozciągającego się nad górnym Bugiem i górnym Dniestrem oraz nad Styrem i Horyniem (współczesna zachodnia Ukraina) w końcu I tysiąclecia n.e. W oparciu o dane archeologiczne i źródła pisane pokazane zostaną procesy kulturowe zachodzące na tym obszarze oddalonym od dawnych ośrodków cywilizacji i centrów nowo formujących się państw.

Przeanalizowane będą materialne pozostałości ze schyłku doby plemiennej (przeżywająca się kultura rajkowska) oraz z początku doby państwowej (rodząca się kultura staroruska). Szczególna uwaga poświęcona będzie początkom państwa (w tym wypadku Rusi) i kościoła (w tym wypadku bizantyjskiej wersji chrześcijaństwa). Wiążą się z osobą kijowskiego władcy Włodzimierza Światosławowicza, który w końcu X w. zajął ziemie identyfikowane jako kraj słowiańskiego plemienia Lędzan.

Radosław Liwoch (Kraków, Poland)

The beginnings of statehood and the Orthodox Church in Western Ukraine (10th century)

The aim of this paper is to present the cultural status of a section of Slavic territory that extended over the upper Bug and upper Dniester rivers, and over the Styr and Horyn rivers (in present-day western Ukraine) at the end of the 1st millennium CE. Based on archaeological data and written sources, the cultural processes that took place in this area away from the old centers of civilization and the centers of newly forming states are presented. The material remains from the end of the tribal period (the deceasing Rayky or Luka-Raykovetska culture) and from the beginning of the state era (the emerging Old Ruthenian culture) are analysed. Particular attention is paid to the origins of statehood (in this case the Rus') and church (in this case, the Byzantine version of Christianity). They are connected to the person of the Kyiv overlord, Vladimir Sviatoslavich, who at the end of the 10th century took over the lands identified as the territory of the Slavic tribe of the Lendians.

Aneta Gołębiowska-Tobiasz (Plzeň, Česká republika)

Synkretyzm kulturowy pogranicza chazarsko-słowiańskiego

Górny bieg Dońca Siewierskiego stanowił naturalną magistralę łączącą ludność, zamieszkującą strefę lasostepu z mieszkańcami stepu. W okresie funkcjonowania Kaganatu Chazarskiego teren dorzecza stanowił jego północno-zachodnie peryferia, graniczące z ziemiami Słowian. Wyniki badań z osad oraz cmentarzysk wskazują, iż strefa ta była zasiedlona przez ludność wielokulturową. O intensywności kontaktów świadczy powstanie systemu grodzisk chazarskich, usytuowanych wzdłuż prawobrzeża rzeki. Pełniły one rolę centrów administracyjno-handlowych oraz obronnych. Wokół grodzisk koncentrowało się osadnictwo otwarte. Ludność sałtowo-majačka, poza rzemiosłem i rybołówstwem, zajmowała się hodowlą i uprawą ziemi.

Jedną z takich osad uchwycono podczas badań sondażowych, prowadzonych latem 2005 roku. Położona była nieopodal grodziska Majaki (rejon sławiań-

ski, obwód doniecki). Osada funkcjonowała przez cały okres jego istnienia (VIII–X wiek), a krótko, po upadku struktur państwa Chazarów ponownie została zasiedlona. Znaleźiska z okresu panowania Kaganatu Chazarskiego wskazują na wyraźne wpływy kulturowe świata słowiańskiego na miejscową wytwórczość rzemieślniczą, rozwiązania architektoniczne oraz obrzędowość pogrzebową. Materiały z badań nigdy nie były publikowane, a obecnie mają charakter archiwalny.

Aneta Gołębiowska-Tobiasz (Pilsen, Czech Republic)

Cultural syncretism of the Khazar-Slavic borderland

The upper course of the Seversky Donets River was a natural main communication route that connected the people living in the forest-steppe zone with the steppe inhabitants. The area of the river basin was on the north-western periphery of the Khazar Khaganate, while it was still functioning, and it bordered here on Slavic lands. The results of research on settlements and cemeteries indicate that this zone was inhabited by a multicultural people. The intensity of contacts is evidenced by the founding of a system of Khazar strongholds located along the right bank of the river. These acted as administrative, commercial and defence centres. Open settlements were concentrated around the hillforts. People of the Saltovo-Mayaki culture, apart from craftsmanship and fishing, farmed and bred animals.

One of these settlements was discovered and investigated in the summer of 2005. It was located near the stronghold of Mayaki (Sloviansk Raion, Donetsk Oblast). The settlement persisted throughout the existence of the hillfort (8th–10th centuries) and, shortly after the destruction of the Khazar state, it was re-inhabited. The archaeological finds from the period of the rule of the Khazar Khaganate indicate cultural influences of the Slavic world on the local craftsmanship, architectural styles and funeral rites. The materials from the archaeological excavation have never been published, and are now of archival character.

Наталья Евгеньевна Арсенова (Воронеж, Россия),
Екатерина Андреевна Клещенко (Москва, Россия),
Дарья Владимировна Киселева (Екатеринбург, Россия),
Дмитрий Александрович Куприянов (Москва, Россия)

Новые данные о Лысогорском могильнике боршевской культуры на окраине города Воронежа

Работа посвящена комплексному исследованию Лысогорского могильника конца I тыс. н.э. В 2018-2019 гг. здесь были изучены два кургана.

Погребение в кургане № 151 было совершено на частично счищенной погребенной почве и представляло собой сгоревший деревянный ящик, в центре которого располагалось скопление кальцинированных костей, рядом найдены фрагменты сгоревшей деревянной крышки от сосуда. Еще одно скопление костей зафиксировано в северо-западной части камеры, на одной из плах. У входа в камеру с юго-восточной стороны, на деревянном полу обнаружены два сосуда: первый с двумя «ручками-ушками» (с мелкими фрагментами кальцинированных костей в верхней части заполнения) и нижняя часть второго лепного горшка, заполненного костями и фрагментами оплавившихся бронзовых предметов (скобы, пронизки).

Погребение в кургане № 85 представляло собой скопление мелких и крупных кальцинированных костей на уровне погребенной почвы, вытянутое по линии восток-запад, размерами 1,4x0,6 м. К востоку от этого скопления на предматерике находился сделанный на гончарном круге лощеный горшок пастырского типа. Уникальной находкой являются костяные изделия – накладки с зооморфным изображением и подвески.

Формы погребальных конструкций, а также инвентарь относятся к боршевской культуре. Подобные конструкции были и ранее исследованы на Лысогорском могильнике. Находка в кургане 85 сосуда пастырского типа, выявление объектов поселения, предшествующего сооружению кургана, позволяют более аргументированно говорить о начале существования памятников боршевской культуры на реке Воронеж в рамках VIII в. Детальный анализ кремированных останков позволил реконструировать особенности погребальной практики населения. Также был проведен анализ изотопов стронция $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ из образцов костной ткани и фоновых образцов. Результаты анализа являются уникальными для региона и могут быть использованы в качестве сравнительного материала для оценки степени мобильности населения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Воронежской области в рамках научного проекта №19-49-363003.

Natalya Arsenova (Voronezh, Russia), Ekaterina Kleshchenko
(Moscow, Russia), Darya Kiseleva (Ekaterinburg, Russia),
Dmitry Kupriyanov (Moscow, Russia)

New data on the Lysogorski burial ground (Voronezh) of the Borshevo culture

The work is devoted to a comprehensive study of the Lysogorsk burial ground from the end of the 1st millennium AD. In 2018-2019, two kurgans (burial mounds) were studied.

The burial in kurgan No. 151 was constructed on partially cleaned buried soil. It represented a burnt wooden box. In the centre of the box there was an agglomeration of calcified bones. Nearby, fragments of a burnt wooden lid from a vessel were found. Another bone agglomeration was found in the north-western part of the chamber, on one of the planks. At the entrance to the chamber on the south-eastern side, two vessels were found on the wooden floor: one with two “ear knob” handles (with small fragments of calcified bones in the upper part of the filling) and the lower part of a second handmade pot, filled with bones and fragments of melted small bronze objects.

The burial in kurgan No. 85 was represented by an agglomeration of small and large calcified bones on the level of the buried soil, extending in an east-west direction and measuring 1.4 x 0.6 m. To the east of the agglomeration there was a polished wheel-made pot of the Pastyrskoe-type. Some bone fittings and pendants with zoomorphic ornamentation are unique.

The burial construction and inventory belong to the Borshevo culture. Similar constructions have been previously investigated at the Lysogorsk burial ground. The discovery of the Pastyrskoe-type vessel in the kurgan No. 85, and the identification of objects belonging to a settlement preceding the construction of the kurgan, allow us to speak more reasonably about the emergence of the Borshevo culture at the Voronezh River within the 8th century AD. A detailed analysis of cremated remains made it possible to reconstruct peculiarities of the burial practice. Strontium $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ isotopes from bone and reference samples were also analysed. The results of the analysis are unique for the region and can be used as comparative material to assess the degree of mobility of the population.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Voronezh Region within the framework of the scientific project No.19-49-363003.

Наталья Валерьевна Ениосова, Тамара Анатольевна Пушкина†
(Москва, Россия)

«Южные» контакты раннегородского центра Гнёздова в конце IX – X в.

Гнёздовский археологический комплекс расположен в 12 км западнее города Смоленска, впервые упомянутого в Повести временных лет под 882 г. В дискуссиях, посвященных социальным и этническим интерпретациям гнёздовского некрополя и поселений, определяющую роль играет огромная коллекция находок, состоящая из вещей различного этнокультурного облика. Несмотря на то, что в материальной культуре Гнёздова доминируют изделия скандинавского происхождения, здесь

представлены и находки, попавшие в Верхнее Поднепровье благодаря прямым и опосредованным контактам с населением Днепровского Левобережья и Верхнего Подонья, а также с Центральной и Южной Европой. Они свидетельствуют об интенсивных контактах различных групп славян и скандинавов в эпоху образования Древнерусского государства.

Общие морфологические и технологические черты объединяют раннекруговую посуду Гнёздова с керамикой Центральной Европы. Помимо керамики здесь обнаружена небольшая группа предметов вооружения и конского снаряжения, аналогии которым известны на территории Великоморавского государства. Среди украшений представлены лунница и височные кольца нитранского и белобродского типов, выполненные из медных сплавов и серебра в разных техниках, серебряные пуговицы и каменная литейная форма для височного кольца. Основная область распространения этих украшений охватывает Центральную Европу и Нижнее Подунавье. Стилистически и технологически их происхождение связано с византийским и аварским ювелирным искусством. Большая часть гнёздовских украшений центральноевропейских типов была обнаружена в культурном слое городища и селищ, и только одно височное кольцо происходит из трупосожжения середины X в., исследованного в Левобережной курганный группе.

Находки показывают, что небольшая группа иммигрантов из Центральной Европы проживала в раннегородском центре Гнёздова в конце IX – середине X в. Она сыграла важную роль в появлении здесь сделанной на гончарном круге керамики и производстве некоторых типов женских украшений.

Natalya Eniosova, Tamara Pushkina† (Moscow, Russia)

«Southern» contacts of the early urban centre of Gnezdovo in the late 9th – 10th centuries

The Gnezdovo archaeological complex is located c.12 km west of Smolensk. It was first mentioned in the Russian Primary Chronicle under the year 882. The large collection of artefacts comprises objects of different ethnocultural origin. These have become an important element in the discussions concerning the social and ethnic interpretation of the Gnezdovo necropole and settlement. Artefacts of Scandinavian origin dominate the material culture of Gnezdovo. Nevertheless, there is a considerable number of artifacts that reached the Upper Dnieper region from the Middle Dnieper's left bank and the Upper Don region, as well as from central and southern Europe. These finds indicate direct and indirect contacts between the population of those regions and Gnezdovo. Furthermore, they indicate intensive

contacts between different groups of Slavs and Scandinavians in the period of the emergence of the Ancient Russian State.

The early wheel-thrown pottery from Gnezdovo shows general morphological and technological features in common with pottery from central Europe. Besides the pottery, there is a small complex of weaponry and horse equipment that have analogies on the territory of the Great Moravian State. Among the jewellery finds, there are a lunula-pendant and temporal rings of the Nitra and Bjelo-Brdo types, which are made from bronze or silver in different techniques, silver buttons and a casting mould for a temporal ring. The main distribution area of these objects is central Europe and the Lower Danube area. Stylistically and technologically, their origin is related to Byzantine and Avar jewellery. Most of the Gnezdovo jewellery finds of central European types were found in the cultural layers of the fortified settlement and the settlement, and only one temporal ring comes from a mid-10th century cremation burial of the left-bank kurgan group.

The findings demonstrate that a small group of immigrants from central Europe lived in the early urban centre of Gnezdovo at the end of the 9th – middle of the 10th centuries. They played an important role in the emergence of wheel-made pottery here, as well as in the production of some types of female jewellery.

Александр Валерьевич Михайлов (Псков, Россия)

Открытое торгово-ремесленное поселение Горожане на пути «из варяг в греки»

Поселение Горожане располагается в юго-восточной части Бежаницкой возвышенности, на водоразделе рек Великой и Ловати (современная Псковская область). Площадь поселения составляет около 3 га, мощность культурных отложений – 0,6-0,8 м. Под слоем распашки сохранился потревоженный слой мощностью до 0,4 м, со следами крупного пожара. В нем обнаружены остатки двух отопительных устройств: глинобитной печи и печи-каменки. Предварительная датировка пожара – середина X в. Керамический комплекс на 98,5% состоит из лепной керамики, находки посуды, сделанной на гончарном круге, единичны. Коллекция индивидуальных находок представлена 1300 предметами. Значительную ее часть составляют стеклянные и каменные бусы, представлены также предметы вооружения, украшения, торговый инвентарь, бытовые предметы, несколько дирхемов. Поселение Горожане можно считать одним из ключевых пунктов отрезка торгового пути между реками Ловатью и Великой. По ряду параметров (узкая датировка X в., мощность и хорошая сохранность культурных отложе-

ний, богатая вещевая коллекция) памятник является значимым археологическим объектом для изучения ранней истории Руси.

Aleksandr Mikhaylov (Pskov, Russia)

Gorozhane – an unfortified trading and craft settlement on the route “from the Varangians to the Greeks”

The Gorozhane settlement (Pskov district) is located in the south-eastern part of the Bezhanitsky highlands, on the watershed between the basins of the Velikaya and the Lovat rivers. The settlement area is about 3 ha, and the cultural deposits have a thickness of ca. 0.6–0.8 m. Beneath the plowing layer, a cultural layer of up to 0.4 m thickness was preserved, which contained traces of a large, destructive fire. In the cultural layer, the remains of two different heating systems could be uncovered: a clay oven and an oven with stones. The fire can be approximately dated to the mid-10th century. Ninety-eight point five per cent of the ceramics consist of handmade pottery; there are only a few finds of wheel-thrown pottery. The remarkable number of 1300 items are individual finds. A significant portion of these consists of glass and stone beads. There is weaponry, jewellery, trading equipment, household utensils, and several dirhams, too. The Gorozhane settlement is certainly one of the key points on the trading route between the Lovat and the Velikaya rivers. The features of this site (a rather narrow dating to the 10th c., its density and good preservation of cultural deposits and a rich collection of finds) underline its high archaeological significance for the study of the early history of the Ancient Rus.

Наталья Владимировна Григорьева (Санкт-Петербург, Россия)

Славянские украшения из раскопок в Старой Ладоге

В раннем Средневековье город Ладога (современная Старая Ладога) являлся центром Нижнего Поволжья – региона, в котором проходило активное взаимодействие местных финнов и пришлых носителей славянской и скандинавской культур.

В последние годы продолжались археологические раскопки в Старой Ладоге, на южном участке Земляного городища. В нижней части культурных напластований были обнаружены остатки деревянных построек и ремесленных мастерских, связанных с производством металлических украшений. Значительно пополнилась коллекция славянских украшений из медного сплава (трапециевидные подвески со штампованным орнаментом и круглые крупные бляхи, спиральки, височные

кольца, обоймицы головного венчика, фрагменты наконечников и браслетов). Для производства мелких нашивных бляшек использовался легкоплавкий сплав (олово+свинец). Среди находок представлены не только сами украшения, но и полуфабрикаты, а также изделия со следами намеренной порчи или переделки, сырьевые слитки, отходы производства, каменные литейные формы. Многие виды украшений имеют аналогии на территории Западной Белоруссии и Поднепровья в раннеславянских материалах и материалах могильников культуры длинных курганов.

Весьма интересно, что в мастерских одновременно производились и типично славянские украшения (мелкие литые трапециевидные подвески из оловянно-свинцового сплава) и небольшие круглые нашивные бляшки, имеющие аналогии в Прибалтийском регионе. По данным дендрохронологического анализа, мастерская активно работала в середине IX века, когда происходило функционирование торгового пути «из варяг в греки». Серийное производство украшений славянского облика свидетельствует о существовании обширного рынка сбыта этих изделий на территории Нижнего Поволжья.

Natalya Grigoryeva (Saint-Petersburg, Russia)

Slavic jewellery from the excavations at Staraya Ladoga

In the Early Middle Ages, Ladoga (present-day Staraya Ladoga) was the centre of the Lower Volkhov region, a region where the local Finnish as well as the Slavic and Scandinavian populations actively interacted.

In recent years, archaeological excavations have continued in Staraya Ladoga on the territory of the southern part of the «Earthen Hillfort» (Zemlyanoye Gorodishche). In the lower layers of the settlement, the remains of wooden buildings and craft workshops related to the production of metal jewellery were found. The collection of Slavic jewellery made of copper alloy and of fusible tin-lead alloys has been significantly expanded. Among the finds are trapezoidal pendants with stamped ornaments and large round fittings, spirals, temporal rings, head jewellery and fragments of bracelets. A low-melting metal alloy (tin+lead) was used for the production of small sew-on fittings. The findings include more than the jewellery itself; there are also unfinished items, as well as objects with marks of intended damage or reuse, ingots, production waste, and stone casting moulds. Many of the jewellery types have analogies on the territory of Western Belarus and in the Dnieper region, in early Slavic material and material from Long Barrow culture burial grounds.

It is interesting to note that, at the same time, the workshops produced typical Slavic decorations (small cast trapezoidal pendants of tin-lead

alloy) and small round fittings with analogies in the Baltic region. According to dendrochronological analysis, the workshop was active in the middle of the 9th century, when the trade route “from the Varangians to the Greeks” was noticeably used. The serial production of Slavic ornaments provides evidence for the existence of an extensive market for these items in the territory of the Lower Volkhov Region.

Галина Александровна Массалитина, Игорь Вячеславович Болдин
(Калуга, Россия)

«Ранние вятичи» по материалам Козельска и Чертова городища

На протяжении нескольких лет авторы вели раскопки в городе Козельске на реке Жиздре (Калужская область России). Разбираясь с происхождением названия города, мы обратили внимание на оригинальный подход лингвиста С.П. Щавелева и археолога Ю.Ю. Моргунова к именам городов с формантом «-ск». Специалистами давно отмечено, что этот суффикс – один из наиболее продуктивных для древней славянской топонимики. Он безусловно доминирует в названиях самых древних (второй половины IX – начала X в.) городов на территории восточных славян: Полотеск, Смоленск, Изборск и другие. Считается, что данный суффикс отражает именно городской, по понятиям Средневековья, характер поселения. Поэтому топонимы с таким формантом лингвисты называют «урбанонимы».

Картируя соответствующие города, С.П. Щавелев и Ю.Ю. Моргунов выявили компактные их скопления, которые маркируют основные направления и зоны военно-политической экспансии Руси на племенные славянские территории. В качестве археологического подтверждения они ссылаются на городища роменской культуры на Днепровском Левобережье, массово гибнущие на рубеже X и XI вв. в огне пожаров при штурмах. Давая имена городам, основанным на месте бывших славянских племенных центров, новая администрация, считают они, могла в ряде случаев использовать старые, объединяя их суффиксом «-ск». С.П. Щавелев предполагает притяжательный оттенок смысла этого суффикса: «Чей город?» – «Наш!».

Многочисленными раскопками в Козельске установлено, что город XI–XIII вв. возник на месте поселения ранних вятичей. Горизонт с материалами роменской культуры залегал в основании культурных отложений. Как и в вышележащем древнерусском слое, в ряде случаев в нем фиксировались следы сильного пожара. Но особенно яркую картину разрушенного в ходе военных действий поселения IX – начала X в. представляют материалы Чертова городища, расположенного не-

подалеку от Козельска: сгоревшие деревянные части укреплений, множество наконечников стрел на склоне холма. Итоги раскопок памятника позволяют по-новому осмыслить и конкретизировать имеющиеся представления об освоении верховьев реки Оки славянами.

Galina Massalitina, Igor Boldin (Kaluga, Russia)

«The early Vyatichi» – inhabitants of the Kozelsk and Chertovo fortified settlements

For several years, the authors carried out excavations at the town of Kozelsk on the Zhizdra river, a tributary on the left bank of the Oka river in the south of the Kaluga region. When looking into the origin of the town's name, we paid attention to the interpretation of the linguist S.P. Shchavelev and archaeologist Y.Y. Morgunov of the city names with the ending “-sk”. Experts have long ago noted that this suffix is one of the most used in ancient Slavic toponymy. It undoubtedly dominates the names of the most ancient towns (second half of the 9th – beginning of the 10th centuries) in the settlement region of the Eastern Slavs: Polotesk (Polotsk), Smolensk, Izborsk, etc. It is believed that this suffix reflects precisely the urban character of the settlement, according to the concepts of the Middle Ages. Therefore, linguists call toponyms with such an ending “urbanonyms”.

Having mapped the corresponding ancient towns, Shchavelev and Morgunov revealed some compact clusters, which, according to their assumption, mark the main directions and zones of the military-political expansion of the Kievan Rus into the Slavic tribal territories. As an archaeological confirmation, reference was made to the settlements of the Romenskaya culture on the left bank of the Dnieper, predominantly destroyed by fire during assaults at the turn of the 10th–11th centuries. When giving names to towns founded on the site of former Slavic tribal centres, they believe the new administration may in some cases have used the old names, combining them with the suffix “-sk”. Shchavelev suggests a possessive connotation of the meaning of this suffix: “Whose city?” - “Ours!”.

Long-term excavations at Kozelsk have established that the city of the 11th–13th centuries arose on the site of an early Vyatichi settlement. The horizon with the materials of the Romenskaya culture forms the base of the cultural deposits. In that layer, as well as in the overlying Ancient Russian one, a number of traces of a fierce fire were recorded. But a very vivid picture of a settlement that was destroyed during military operations of the 9th – early 10th centuries is provided by the materials of the Chertovo (“Devil’s”) site, located in the vicinity of Kozelsk: there are burnt parts of the wooden fortification and many arrowheads on the hillside. The results of the excava-

tions of the monument allow us to rethink and concretize the existing ideas about the process of the Slavic conquest of the upper Oka River region.

Нани Давидовна Угулава (Москва, Россия)

Керамика Северо-Восточной Руси в период становления государственности

Работа проводится на базе ранней круговой и синхронной ей лепной керамики.

Посуда, изготовленная на круге, появляется в Северо-Восточной Руси в X – первой половине XI в. Хронология распространения изучаемых форм на территории всей Древней Руси показывает постепенное проникновение ремесленного производства на Северо-Восток. Раскопки древнерусских городов и их окружи, а также систематическое обследование сельских памятников Владимиро-Суздальской земли позволяют показать связь этого процесса с установлением государственности в регионе.

Производство лепной керамики развивается по законам, отличным от законов изготовления ремесленной посуды, и вовлечено в экономические связи иного уровня. Наложение картин распространения этих двух групп керамики в одном регионе призвано раскрыть историю становления единого культурного пространства, охарактеризовать экономические и административные связи Северо-Востока с другими регионами Древней Руси.

Nani Ugulava (Moscow, Russia)

Ceramics of north-eastern Russia during the statehood formation period

The study is based on early wheel-thrown and handmade ceramics of the same period.

Wheel-thrown pottery appears in north-eastern Russia in the 10th – first half of the 11th centuries. The chronology of the spread of the studied forms over the whole territory of the Ancient Rus' shows a gradual penetration of artisanal pottery production in a north-easterly direction. Excavations of Ancient Russian towns and of their surroundings, as well as the systematic survey of rural sites of the Vladimir-Suzdal principality, show the connection of this process with the establishment of a state system in the region.

The development of the production of handmade ceramics follows different rules than those of artisanal pottery and is situated on a different economic level. It is thought that comparing the distributions of these two

pottery groups over one region will reveal the formation history of a single cultural space and illustrate the economic and administrative relationship between the north-east and other regions of Ancient Rus’.

Ольга Викторовна Зеленцова, Сергей Иванович Милованов
(Москва, Россия)

Славянская колонизация Муромского Поочья по археологически данным

Одним из ключевых вопросов средневековой истории является понимание процесса славянской колонизации Северо-Восточной Руси и освоения новых пространств, населенных финскими племенами. Раскопки Подболотьевского могильника в низовьях реки Оки дали свежий материал для решения этого вопроса в начале XXI века. Детальный анализ захоронений позволил выделить этапы взаимодействия славянского и муромского населения в X–XI вв., а также определить характерные черты каждого из этапов.

На периферии могильника были исследованы погребения, отличающиеся по обряду и инвентарю от основной массы захоронений. Это подкурганые и грунтовые могилы с западной ориентировкой (в отличие от муромских – с северной ориентировкой) и набором инвентаря, аналогии которому известны во владимирских и ярославских курганах. Эти захоронения одновременны позднему муромским погребениям. Вероятно, они связаны с древнерусским населением, появившимся здесь в середине X в.

Кроме погребений, оставленных древнерусскими переселенцами, на могильнике исследованы могилы, которые раскрывают процессы аккультурации местного населения в первой четверти XI в. Так, одно из женских захоронений, ориентированное головой на запад, совершенно под небольшим курганом. В составе инвентаря присутствовали как украшения, характерные для муромы (височные кольца и нагрудная бляха), так и предметы, известные в древнерусских курганных могильниках (ожерелье из бус, монетовидных подвесок и монет, плетеный браслет с завязанными концами). О восприятии новых обычаев говорят обряд захоронения (под курганной насыпью головой на запад) и присутствие в составе иноплеменных украшений, в том числе ожерелья из монетовидных подвесок с орнаментом в виде креста.

Погребения самого позднего этапа (середина и вторая половина XI в.) демонстрируют уже полную ассимиляцию местного финского населения и представлены только подкурганскими захоронениями с юго-западной ориентировкой.

Olga Zelentsova, Sergey Milovanov (Moscow, Russia)

The Slavic colonisation of the Murom region according to archaeological data

One of the key issues in Russian medieval history is the understanding of the process of Slavic colonisation of the North-Eastern Rus' and the exploitation of new territories that had previously been inhabited by Finnish tribes. Archaeological excavations of the Podbolot'evsky burial ground on the lower reaches of the Oka provided new material with which to address this issue. A detailed analysis of the burials revealed several stages of interaction between the Slavic and Murom populations in the 10th–11th centuries, as well as determining the characteristic features of each of the stages.

At the periphery of the Podbolot'evsky burial ground, several burials that differed in rite and inventory from the majority of the burials were investigated. These are burials that were covered by a mound (kurgan) or were in simple earth pits, with a western orientation (in contrast to the Murom burials with a northern orientation). The associated inventories have similarities to the inventories of the Ancient Rus' kurgan burials in Vladimir and Yaroslavl. These burials are contemporaneous with the later Murom burials. They are probably connected with the Ancient Russian population, who appeared here in the middle of the 10th century.

Besides the burials of Ancient Rus' settlers, burials that reveal the processes of acculturation of the local population in the first quarter of the 11th century could also be investigated; for instance, that of a female who was buried with her head to the west under a small kurgan. In this burial, the associated inventory included both typical Murom jewellery (temporal rings and a breastplate) and items known from Ancient Rus' kurgans (a necklace of beads, coin-shaped pendants and coins and a bracelet with tied ends). The reception of new customs is evidenced by the funeral rite (under a kurgan, head to the west) and by the presence of foreign jewellery, including a necklace of coin-shaped pendants with a cross ornament.

The burials of the latest stage (middle and second half of the 11th century) already show the complete assimilation of the local Finnish population. These are represented by kurgan burials with a southwestern orientation.

Ольга Викторовна Зеленцова, Инна Николаевна Кузина
(Москва, Россия)

О критериях аккультурации муромского населения Поочья

Нижнее Поочье с середины I до начала II тысячелетия н.э. населяли финно-угорские муромские племена, оставившие здесь не менее

30 селищ и 15 могильников. Временем исчезновения муромы как самостоятельного племени считается XI в., после того как в 988 г., согласно летописи, князь Владимир Святославович посадил своего сына Глеба в Муроме, и эти территории были включены в состав Древнерусского государства.

Поиск археологических признаков славянской колонизации и аккультурации финского населения является актуальной задачей и во многом определяется состоянием источниковой базы. Последние исследования Подболотьевского могильника дали новые материалы для разработки этой проблемы. Признаками изменения самоидентификации населения и восприятия новых культурных кодов могут быть изменения в костюме, отражающиеся в появлении в погребениях нетрадиционных типов украшений, и в смене композиции костюма в целом. Одной из таких новаций является появление в костюме муромы во второй половине X–XI вв. ожерелий из стеклянных бус, до этого не столь популярных, а также низок с бусами, аналогии которым известны в могильниках к западу от муромских земель. Прежде всего, это белоромбические бусы и навитые бусы с металлической (золотой и серебряной) прокладкой, характерные в XI в. для территории Руси. Максимальное количество таких бус обнаружено в могильниках современной Белоруссии. По их распространению древнерусская колонизация прослеживается и в других регионах, например, на Русском Севере и в Республике Коми (Вымский могильник).

Характерными для древнерусского костюма являются наборы из хрустальных и сердоликовых бус. В сочетании с новыми типами украшений из металла (бубенчиками, височными кольцами с ажурными бусами, гривнами и другими) они встречены в ряде погребений Подболотьевского могильника. В этом ряду нужно назвать и некоторые глазчатые бусы и мелкие бусы из тянутых трубочек с серебряной фольгой. Целая низка редких мелких темно-синих бус с овальными бело-синими глазками имеет точные аналогии во Пскове и Ярославском Поволжье (набор из кургана № 100 Тимиревского могильника). Могила с такими наборами – наиболее поздние и располагаются на периферии Подболотьевского могильника. Они отражают проникновение пришлого населения и восприятие новых элементов убора муромой.

Olga Zelentsova, Inna Kuzina (Moscow, Russia)

On the criteria of the acculturation of the Murom population of the Oka region

From the middle of the 1st to the beginning of the 2nd millennia AD, the Finno-Ugric Murom people inhabited the Lower Oka region; there are known 30 settlement sites and 15 burial grounds. The 11th century is con-

sidered to be the time of the disappearance of the Murom as an independent tribe after Vladimir Svyatoslavovich, according to the chronicle, installed his son Gleb at Murom in 988, and these territories were included in the Old Russian state.

The search for archaeological evidence of the process of Slavic colonisation and acculturation of the Finnish population is a desideratum, and is largely determined by the state of the source base.

Recent studies of the Podbolot'evsky burial ground have provided new materials for the examination of this problem. One of the symptoms of a change in the self-identification of the population and their adoption of new cultural codes is a change in the costume, which is archaeologically reflected in the presence of new, non-traditional types of jewellery in the burials, and a change in the composition of the costume in general. In our opinion, one such indicator is the appearance of necklaces made of glass beads in Murom costume in the second half of the 10th–11th centuries, as well as sets of beads that have analogies in burials to the west of the Murom territory, because glass beads were not so popular in Murom contexts until this time. These are blue faceted beads with white rhombuses and beads wound with gold or silver foil, which were characteristic specifically for the territory of the Rus', in the 11th century. The maximum number of these beads is known from burial grounds in Belarus. According to their distribution, Slavic colonization can also be traced in other regions, for example, in the Russian North and in the territory of the Komi Republic (e.g. the Vymsky burial site).

Sets of crystal and carnelian beads are characteristic for the Ancient Russian costume. In combination with new types of non-ferrous metal jewellery (bells, temple rings with openwork beads, torques, etc.), they were found in a number of burials in the Podbolot'evsky burial ground. In this context, some eye beads and small beads made of drawn tubes with silver foil should also be mentioned. An entire set of rare, small, dark blue beads with oval white-blue eyes has exact analogies in Pskov and in the Volga region around Yaroslavl (e.g. burial 100 at the Timirevo burial site). Burials with such beaded jewellery are the latest at the Podbolot'evsky burial ground, and are located on the periphery. They reflect both the immigration of a new population into Murom territory and the adoption of new dress elements by the Murom people.

Надежда Юрьевна Новоселова (Санкт-Петербург, Россия)

Игра в Мельницу: новые находки в средневековом Херсонесе

Мельница – самая распространенная античная и средневековая игра с использованием расчерченного поля и игровых фишек, полу-

чившая широкое распространение в северных областях Древней Руси в X–XII вв. Анализируя обнаруженные игральные поля, нанесенные на деревянную или каменную основу, а также игровые кости, кубики и фишки из Старой Ладogi, Новгорода, Пскова, Изборска, Старой Рязани исследователи традиционно проводят параллели с кругом северных древностей и памятниками Скандинавии (VII–VIII вв., первая половина X в.), отмечая, что игра в мельницу была известна по всему средневековому миру, а ее истоки лежат в римской эпохе. Распространение этой игры в римских провинциях, в частности на землях Сербии, связывается рядом исследователей с присутствием римских легионов. Подобные находки встречаются даже на уличных мостовых греческих и византийских городов Балкан и Малой Азии. Основные проблемы, касающиеся изучения подобных игр, – это вопросы датировки игровых полей и их культурной принадлежности, а также изучения культурных контактов, которые привели к распространению этой игры в славянском мире.

В настоящей момент в славяноведческой литературе нет ни одного упоминания о находках игровых досок в форпосте Византийской империи в Крыму – средневековом Херсонесе. Отчасти это связано с тем, что не существует специальных исследований, посвященных каталогизации этого типа предметов в средневековом Херсонесе, хотя находки подобных досок известны и датируются очень широко, захватывая римское и византийское время.

В 2019 г. экспедиций Государственного Эрмитажа при раскопках средневекового дома в XX квартале Херсонеса был обнаружен фрагментированный известняковый блок размером 34x28,4 см и толщиной 12,8 см с прочерченной геометрической разметкой. На поверхности блока небрежно начерчены линии, образующие прямоугольник размером 25x18 см, пересеченный двумя линиями по диагонали. Все контуры, образующие систему, выходят за пределы сохранившегося фрагмента. Известняковый блок найден в слоях нивелировки квартала X – начала XI в. и относится к более раннему времени.

Атрибуция и введение в научный оборот как можно большего числа находок позволит ответить на ряд вопросов – хронологию и причину появления этой игры в различных областях славянского мира.

Nadezhda Novoselova (Saint Petersburg, Russia)

The game of Nine Men's Morris: new findings in medieval Chersonesos

The game of Nine Men's Morris, with its line-marked board and gaming pieces was the most popular game in the ancient and medieval world. It was widespread in the northern regions of the Ancient Rus' in the

10th–12th centuries. Several playing boards have been discovered, marked on wooden or stone bases, as well as playing bones, dice and gaming pieces from Staraya Ladoga, Novgorod, Pskov, Izborsk and Staraya Ryazan. When analysing these finds, researchers traditionally draw parallels with northern antiquities and Scandinavian sites (7th–8th centuries, first half of 10th century), noting that the Nine Men’s Morris game was known throughout the medieval world, and its origins lie in the Roman era. In turn, several researchers associate the spread of this game over the Roman provinces, in particular over the territory of Serbia, with the presence of Roman legions. Similar finds are made even on the pavement of the street of Greek and Byzantine cities in the Balkans and Asia Minor. The main problems in the study of those games are related to the dating of the game boards and their cultural attribution, as well as to the cultural contacts that led to the spread of this game over the Slavic world.

In the literature on Slavic studies, there is not a single mention of such a game board being found at the outpost of the Byzantine Empire in the Crimea – the medieval Chersonesos. This is, to a certain extent, because there are no special studies devoted to cataloguing this type of object in medieval Chersonesos, although finds of such boards are known and dated very broadly, spanning the Roman and Byzantine periods.

In 2019, during the State Hermitage excavations, a new find was made in a medieval house of the XX quarter of Chersonesos. A fragmented, 12.8 cm thick limestone block measuring 34 x 28.4 cm with geometric markings on the upper surface was discovered here. These markings were sloppy lines, forming a rectangle measuring 25 cm x 18 cm, crossed by two lines diagonally. All the contours that form the game system go beyond the limits of the preserved fragment. The limestone block was found in levelling layers of the 10th and early 11th centuries, which gives us a *terminus ante quem* for the dating of the game board.

By attributing and introducing as many finds as possible to the scientific community, a number of important questions can be answered, related to the chronology and the reason why the game appeared in various regions of the Slavic world.

МУЗЕЈ ВОЈВОДИНЕ
MUSEUM OF VOJVODINA

Музеј Војводине, Нови Сад
Музей Воеводины, Нови-Сад
Museum of Vojvodina, Novi Sad

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

Музеј Државни Ермитаж, Санкт Петербург
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
The State Hermitage Museum, Saint Petersburg

ZBSA

Центар за балтичку и скандинавску археологију, Шлезвиг
Центр балтийской и скандинавской археологии, Шлезвиг
Center for Baltic and Scandinavian Archaeology, Schleswig

Институт археологије Руске академије наука, Москва
Институт археологии Российской академии наук, Москва
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Институт археологије Чешке академије наука, Праг
Институт археологии Чешской академии наук, Прага
Institute of Archaeology of the Czech Academy of Sciences, Prague

Лајбниц институт за историју и културу Источне Европе, Лајпциг
Институт истории и культуры Восточной Европы Лейбница, Лейпциг
Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe, Leipzig

Народни музеј у Београду, Београд
Национальный музей в Белграде, Белград
National Museum in Belgrade, Belgrade